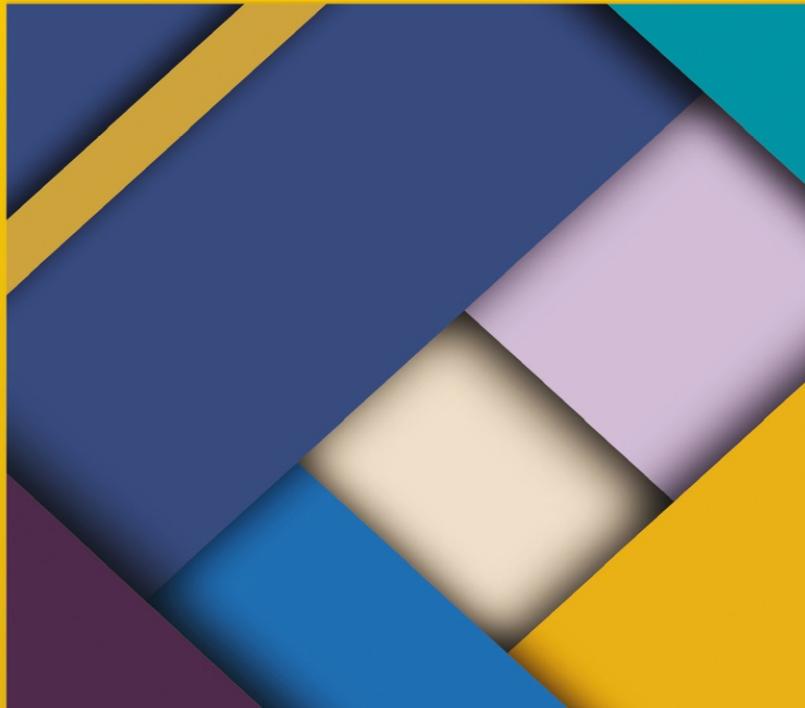

ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Volume 13, Number 1
2021

ISSN 2077-1770 (print)
ISSN 2218-7405 (online)

Современные исследования социальных проблем

Том 13, № 1
2021

Modern Studies of Social Issues

Volume 13, Number 1
2021

Главный редактор

Т.А. Магсумов кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии им. З.Т. Шарафутдинова ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Набережные Челны, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

С.И. Дегтярев доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумской государственной университет, Сумы, Украина

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, доцент, декан факультета института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

Красноярск 2021

**Современные исследования социальных проблем /
Modern Studies of Social Issues**

Специализированный академический рецензируемый журнал
Peer-reviewed specialized academic journal

Периодичность. 4 номера в год / Periodicity. 4 issues per year

Том 13, № 1, 2021 / Vol. 13, No 1, 2021

<p>Учредитель и издатель: ООО Научно-инновационный центр</p> <p>Журнал основан в 2009 году Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство регистрации ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010 г.</p> <p>Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук</p> <p>Индексирование и реферирование: РИНЦ Ulrich's Periodicals Directory Cyberleninka Google Scholar DOAJ BASE EBSCO WorldCat OpenAIRE ЭБС IPRbooks ЭБС Znanium ЭБС Лань</p> <p>Адрес редакции, издателя и для корреспонденции: 660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192 E-mail: editor@soc-journal.ru http://soc-journal.ru/</p> <p>Подписной индекс в каталоге Почты России «Подписные издания» – 94088</p>	<p>Founder and publisher: Science and Innovation Center Publishing House</p> <p>Founded 2009 The edition is registered by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control Mass media registration certificate PI № FS 77-39176, issued March 17, 2010.</p> <p>Modern Studies of Social Issues is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications issued in the Russian Federation, which should publish main scientific results of doctor's and candidate's theses</p> <p>Indexing and Abstracting: RSCI Ulrich's Periodicals Directory Cyberleninka Google Scholar DOAJ BASE EBSCO WorldCat OpenAIRE IPRbooks Znanium Lan'</p> <p>Editorial Board Office: 9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation E-mail: editor@soc-journal.ru http://soc-journal.ru/</p> <p>Subscription index in the 'The Russian Post' General catalog – 94088</p>
--	---

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2021

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет

телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБНУ Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Сериккалиева Ажар Еркековна – доктор философии (PhD) по специальности «Востоковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государ-

ственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеологии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkaliev – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of

the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-14-30

УДК 378

**УПРАВЛЕНИЕ
СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ В УСЛОВИЯХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИУМА
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ***Беспалова Н.А., Сибирцев А.В., Яковлева Т.С.*

***Цель.** Статья посвящена актуальной в условиях развития высшего образования теме совершенствования управления социальной системой в условиях взаимодействия социума и образовательного процесса в техническом вузе. Актуальность темы статьи обусловлена тем, что правильный выбор моделей педагогического взаимодействия в техническом вузе и подходов в управлении социальной системой вуза позволит повысить качество образовательного процесса. Предметом исследования является социальная система технического вуза.*

***Методология.** Основу исследования образуют следующие методы исследования: сущностный, структурно-функциональный, метод сравнения, и группа логических методов: анализ, синтез, обобщение.*

***Результаты.** В результате исследования определены понятия социальной системы технического вуза, особенностей взаимодействия социума и образовательного процесса в техническом вузе. Рассмотрены особенности педагогического взаимодействия в рамках образовательного процесса на примере модели активного взаимодействия и либеральной модели. Дана характеристика основных подходов к управлению качеством подготовки выпускников тех-*

нических вузов. Рассмотрены преимущества внедрения системы менеджмента качества в управление техническим вузом для укрепления взаимосвязей между наукой, высшим образованием и производством.

Область применения результатов. Результаты проведенного исследования могут использоваться на практике для повышения эффективности управления социальной системой технического вуза. Так, применение такой модели педагогического взаимодействия в рамках образовательного, как активное взаимодействие возможно на любом этапе образовательного процесса, а либеральная модель может применяться на этапе магистратуры или аспирантуры, а также второго высшего образования. Также для управления социальной системой вуза может быть применен подход, базирующийся на создании системы менеджмента качества предоставляемых услуг в соответствии с требованиями ГОСТа.

Выводы. Проведенное исследование позволило сделать выводы о преимуществах применения моделей активного взаимодействия и либеральной модели для совершенствования педагогического взаимодействия в техническом вузе. Рассмотрение особенностей педагогического взаимодействия в рамках образовательного процесса на примере модели активного взаимодействия и либеральной модели позволило определить, что применение модели активного взаимодействия возможно на любом этапе образовательного процесса, тогда как либеральная модель может применяться на этапе магистратуры или аспирантуры, а также второго высшего образования. Дана характеристика основных подходов к управлению качеством подготовки выпускников технических вузов. Сделан вывод о том, что для повышения эффективности взаимодействия социума и образовательного процесса в техническом вузе более подойдет подход, базирующийся на создании системы менеджмента качества предоставляемых услуг.

Ключевые слова: высшее образование; технические вузы; социум; образовательный процесс; педагогическое взаимодействие; качество образования; система менеджмента качества

**SOCIAL SYSTEM
MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF INTERACTION
BETWEEN SOCIETY AND THE EDUCATIONAL PROCESS
IN A TECHNICAL UNIVERSITY**

Bespalova N.A., Sibirtsev A.V., Yakovleva T.S.

Purpose. *The article is devoted to the topic of improving the management of the social system in the context of interaction between society and the educational process in a technical university, which is relevant in the context of the development of higher education. The relevance of the topic of the article is due to the fact that the correct choice of models of pedagogical interaction in a technical university and approaches to managing the social system of the university will improve the quality of the educational process. The subject of this research is the social system of a technical university.*

Methodology. *The research is based on the following research methods: essential, structural and functional, comparison method, and a group of logical methods: analysis, synthesis, generalization.*

Results. *As a result of the study, the concepts of the social system of a technical university, the features of interaction between society and the educational process in a technical university are defined. The features of pedagogical interaction within the educational process are considered on the example of the model of active interaction and the liberal model. The characteristic of the main approaches to quality management of training of graduates of technical universities is given. The advantages of implementing a quality management system in the management of a technical university to strengthen the relationship between science, higher education and production are considered.*

Practical implications. *The results of the study can be used in practice to improve the management efficiency of the social system of a technical university. So, the use of such a model of pedagogical interaction in the framework of educational, as active interaction is possible at any stage of the educational process, and the liberal model can be applied at the*

stage of master's or postgraduate studies, as well as second higher education. Also, to manage the social system of the university, an approach based on the creation of a quality management system for the services provided in accordance with the requirements of GOST can be applied.

Conclusions. *The study made it possible to draw conclusions about the advantages of using models of active interaction and the liberal model for improving pedagogical interaction in a technical university. Consideration of the features of pedagogical interaction within the educational process on the example of the model of active interaction and the liberal model made it possible to determine that the use of the model of active interaction is possible at any stage of the educational process, while the liberal model can be applied at the stage of master's or postgraduate studies, as well as second higher education. The characteristic of the main approaches to the quality management of training of graduates of technical universities is given. It is concluded that to increase the efficiency of interaction between society and the educational process in a technical university, an approach based on the creation of a quality management system for the services provided is more suitable.*

Keywords: *higher education; technical universities; society; educational process; pedagogical interaction; quality of education; quality management system*

Введение

Для современного этапа общественного развития актуально то, что заметно усложняется социальная, информационная и профессиональная структура социума, наблюдается потребность в прикладных научных исследованиях, в результате чего происходит интегрирование вузов в жизнь общества и экономику. В статье 69 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в качестве цели высшего образования закреплено обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности [1]. В то же время недостаточно проработанными являются вопросы деятельности образовательных учреждений по обеспечению качественного

развития производительных сил общества; разработки эффективного управления социальной системой вуза с учетом требований социума.

Цель исследования

Цель исследования заключается в определении основных направлений совершенствования управления социальной системой технического вуза. Задачами исследования для решения поставленной цели являются: формирование основных понятий по теме исследования; рассмотрение особенностей педагогического процесса, ориентированного на подготовку высококвалифицированных специалистов; выбор наиболее эффективной модели управления социальной системой вуза.

Материалы и методы

В ходе исследования использовались материалы научных работ авторов, которые занимались исследованием общих вопросов социальной системы [9] и социума [17], структуры высшего образовательного учреждения [11], значения образования в развитии социума [16; 18], особенностей педагогического процесса в техническом вузе [14; 19], перспективных направлений развития высшего технического образования [4; 13; 19]. К методам исследования относятся: сущностный, дающий возможность выявить комплекс внутренних связей и отношений в вузе; структурно-функциональный, предусматривающий выделение элементов социального взаимодействия в вузе, подлежащих исследованию, и определение их места и значения в некоторой связи; метод сравнения, позволяющий провести сопоставление различных идей и результатов исследований развития высшего технического образования. Также применялась группа логических методов: анализ научных работ по теме исследование; синтез, заключающийся в формировании определенного мнения на основании проведенного анализа; обобщение, дающее возможность перехода от менее общего суждения к более общему суждению.

Результаты исследования и их обсуждение

Для начала необходимо определиться с основными понятиями, которые будут использоваться в проведенном исследовании. Стоит отметить, что в научных работах не имеется четкого закрепления понятий по теме исследования, поэтому для определения наиболее важных понятий использовались труды по педагогике, социологии и иным смежным отраслям знания.

На основании общего понятия социальной системы, как совокупности и взаимосвязи явлений и процессов, происходящих в определенной среде и обеспечивающих внутренний порядок соединения ее элементов [9, с. 106], а также с учетом определения внутренней структуры высшего образовательного учреждения, как сложного и неоднородного механизма с наличием разнородных формальных и неформальных групп [14], можно сформулировать понятие социальной системы технического вуза. Так, под понятием социальной системы технического вуза следует рассматривать совокупность процессов педагогического взаимодействия в рамках образовательного процесса в высшем образовательном учреждении технической направленности, с учетом степени заинтересованности участников данного процесса в эффективном развитии конкретного вуза.

На основании общего определения социума, как человеческой общности, специфика которой заключается в отношениях людей между собой, их формах взаимодействия и объединения [17, с. 58], а также с учетом мнений авторов, которые подчеркивают актуальность проблем, связанных с глубоким проникновением технической среды во все сферы общества [16, с. 93], определяют роль образования в развитии социума [18, с. 295], можно отметить особенности взаимодействия социума и образовательного процесса в техническом вузе.

Под социумом в рамках проводимого исследования можно понимать человеческую общность, включающую преподавателей и студентов технических вузов, а также руководства и персонала промышленных предприятий. Данная трактовка социума обоснована тем, что деятельность многих технических вузов направлена, в первую оче-

редь, на удовлетворение потребности конкретных промышленных предприятий в высококвалифицированных специалистах, от уровня подготовки которых зависит повышение качества выпускаемой продукции и конкурентоспособности предприятия в целом.

В образовательный процесс включаются процесс обучения, общения, в ходе которого происходит формирование управляемого познания, усвоения общественно-исторического опыта, воспроизведения, овладения той или другой конкретной деятельностью, лежащей в основе формирования личности. Специфика образовательного процесса в техническом вузе заключается в его направленности на адаптацию научного потенциала к условиям изменяющегося рынка, что позволяет учитывать потребности современного производства [4, с. 97]. В этом видится отличие образовательного процесса в техническом вузе, от гуманитарного вуза, в котором нет зависимости данного процесса от потребностей производства.

Исходя из вышесказанного особенности взаимодействия социума и образовательного процесса в техническом вузе заключаются в том, что образовательный процесс не замыкается в рамках вуза, имеет место его вовлечение в целый спектр различных общественных отношений, формирование многомерного образовательного пространства, в пределах которого у студентов есть возможность получения практического опыта решения профессиональных и личных задач.

Академический процесс в университетах указанного профиля должен осуществляться на соответствующем уровне, для чего технические вузы прилагают максимум усилий. Вопрос моделирования образовательного процесса в данном ключе является важным, так как помогает правильно построить процесс обучения, спрогнозировать возможные сложности, недочеты и легко их устранить [4, с. 97].

При рассмотрении особенностей педагогического процесса, ориентированного на подготовку высококвалифицированных специалистов, необходимо обратить внимание на такие важные аспекты, как роль преподавателя в данном процессе, выбор оптимальной модели педагогического взаимодействия. Педагогическое взаимо-

действие – сложный, многогранный процесс, его основой является контакт преподавателя и студента, в процессе которого происходит обмен учебной информацией [6, с. 274]. Эффективное педагогическое взаимодействие обязательно предусматривает постановку целей и получение результатов.

В настоящее время меняются характеристики участников педагогического взаимодействия. Преподаватель становится контактным и общительным, настроенным на результат и позиционирует себя более как старший товарищ, инструктор или друг. Он старается сформировать и поддержать мотивацию студента к учебе именно в сознательном ключе [7, с. 4]. Современные студенты очень хорошо знают свои права, и малейшее их нарушение или притеснение способны вызвать конфликтные ситуации, которые не лучшим образом могут отразиться на рабочей атмосфере, психологическом климате и привести к конфликту [18, с. 295]. Поэтому, при выборе модели педагогического взаимодействия, преподаватель должен учитывать все указанные характеристики и особенности для достижения максимального результата от академического процесса.

Существуют различные модели педагогического взаимодействия. Так, одной из востребованных моделей педагогических отношений является модель активного взаимодействия. К достоинствам данной модели стоит отнести ведение диалога преподавателей со студентами, что направлено на формирование инициативы студентов, создание благоприятного климата на занятии, поддержку мотивации, благодаря данной модели происходит установление доверительных отношений между преподавателями и студентами [10, с. 166].

Можно привести пример применения данной модели в Томском политехническом университете, где используются интерактивные методы обучения, базирующиеся на образовательной платформе Moodle. Применение данных методов обучения направлено на мотивирование студентов к учебно-профессиональной деятельности и повышение собственной активности обучающихся. Происходит не пассивное усвоение знаний студентами, а их активное применение

в модельных или реальных ситуациях профессиональной деятельности, благодаря чему повышается качество подготовки будущих специалистов и их конкурентоспособность на мировом рынке труда [11, с. 973].

Риском применения данной модели является возможность утраты лидерской позиции преподавателя в процессе взаимодействия со студентами, что требует от него проявления гибкости и терпения.

Следующая модель, которая также рекомендуется в современных образовательных условиях, может быть названа либеральной. К достоинствам данной модели относится то, что преподавателем предоставляется полная свобода действий студентам именно в аспекте учебной деятельности [19, с. 130].

В Пермском национальном исследовательском политехническом университете данная модель использовалась при обучении на этапе магистратуры или аспирантуры. В данном вузе определялись последовательность подачи материала, формы его реализации, время выполнения заданий, тематика, тестовый материал, формы контроля – устные и письменные опросы, виды тестов, мозговой штурм, аннотирование материала [15, с. 375].

Проблемным вопросом применения данной модели является то, что предоставление указанной свободы действий возможно на этапе магистратуры или аспирантуры, а также второго высшего образования, когда обучаемый осознанно подходит к процессу, это является его выбором. Для учащихся по программе бакалавриата использование указанной модели вряд ли приемлемо, поскольку обучающиеся являются недавними учениками общеобразовательных учреждений, в которых пока недостаточно внедряется либеральный стиль управления образовательным процессом.

Для выбора эффективной модели управления социальной системой технического вуза необходимо знание современных подходов в данной области, направленных на повышение качества образования. Так, в настоящее время в технических вузах России имеет место использование различных моделей управления качеством подготовки выпускников. Возможно выделение трех основных

подходов, каждый последующий из которых фактически включает в себя предыдущие: оценочного подхода управления качеством деятельности вуза на основе SWOT-анализа; подхода, основанного на концепции Всеобщего менеджмента качества (TQM); подхода, основанного на требованиях международных стандартов в области качества [12, с. 167].

Оценочный подход представляет собой всесторонне изучение функциональных зон образовательного учреждения, самооценку деятельности и принятие мер по решению существующих проблем. На основе SWOT-анализа выявляются сильные и слабые стороны, разрабатывается стратегия улучшения качества работы [3, с. 64].

Применение указанного подхода можно рассмотреть на примере Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. На основании итогов SWOT-анализа в данном вузе была построена матрица ранжирования, что позволило сделать выводы о важности того или иного фактора. Также были разработаны способы дальнейшего ухода вуза от появляющихся внешних угроз, а также проведен анализ сильных сторон вуза для реализации возможностей. SWOT-анализ показал, что вуз не имеет критических факторов, способных привести к негативным последствиям. Однако, было отмечено, что для более точного анализа и более детального планирования не следует обходиться одним SWOT-анализом [8, с. 82].

Применение концепции TQM также подразумевает использование метода оценок, но более углубленно, чем в SWOT-анализе. Деятельность вуза обследуется с точки зрения предоставления образовательных услуг и производства продукции (методической). Подход предполагает наличие миссии вуза и стратегических целей, а также реализацию принципов Всеобщего менеджмента качества [3, с. 64].

Можно привести следующий пример. С 2019 учебного года в Пермском национальном исследовательском политехническом университете разработаны, утверждены и введены в действие самоустанавливаемые образовательные стандарты (СУОС), которые прошли независимую оценку качества у заинтересованных лиц –

представителей работодателей. В то же время было отмечено, что при создании внутренней системы оценки качества образования в вузе следует на первый план выдвинуть такие показатели качества, как условия реализации образовательных программ, непосредственно образовательные программы, результаты освоения образовательных программ, уровень квалификации преподавателей, культура общения, эстетичность помещений, материальнотехническое оснащение аудиторий и лабораторий, обеспечение бесперебойной и безопасной работы инженерных сооружений и коммуникационных сетей и т.д. Показатели качества должны отражать все требования, которые выдвигаются требованиями ФГОС, нормами техники безопасности, различного рода технологических нормативных документов, и в то же время соответствовать всем требованиям их конечных потребителей. Достижение успехов в области качества образования возможно только при условии, что соответствующие усилия будут интегрированы в каждодневную деятельность высшего руководства с учетом результатов оценки качества образовательных услуг. Таким образом, только полная интеграция системы менеджмента качества в деятельность организации обеспечит достижение стратегических целей политехнического вуза [15, с. 379].

Третий подход также базируется на семи принципах менеджмента качества, а также предполагает установление заинтересованных в повышении качества деятельности вуза сторон, их требований к качеству подготовки специалистов, создание системы менеджмента качества предоставляемых услуг в соответствии с требованиями ГОСТ Р ИСО 9001 [2]. При этом основным инструментом управления качеством становится документированная система, для описания которой разрабатываются руководство по качеству, процедуры процессов и другие документы [10, с. 137].

Заслуживает внимания опыт Новосибирского государственного технического университета. При разработке системы менеджмента качества в данном вузе использовалось множество параметров. Так, учитывалась связь с потребителями, в качестве параметров происходило рассмотрение абитуриентов, учреждений средне-

го образования; обучающихся; потребителей специалистов, научно-технической продукции и образовательных услуг; органов управления образованием и общественных организаций; персонал вуза. В НГТУ проведена разработка инфраструктуры довузовского образования, проведено обновление всей нормативно-правовой базы учебного процесса. Эксперты по качеству провели разработку методических материалов и рекомендаций, на основании которых осуществлено формирование комплектов документов для каждой образовательной программы. Проведена экспертиза документации. Для того, чтобы организовать ритмичную работу преподавателей и студентов, проводить текущий мониторинг приказом по университету введена система непрерывной аттестации студентов. В НГТУ также разработана система поддержки и развития способностей преподавателей, вовлечения их в научно-исследовательские и научно-методические работы [5, с. 64].

Заключение

Проведенное исследование позволило определить такие основные понятия, как социальная система технического вуза, особенности взаимодействия социума и образовательного процесса в техническом вузе. Проведенный анализ научных трудов дал возможность выявить преимущества применения моделей активного взаимодействия и либеральной модели для совершенствования педагогического взаимодействия в техническом вузе. Как показал опыт внедрения данной модели активного взаимодействия, она дает возможность студентам проявлять свою активность. Применение данной модели возможно на любом этапе образовательного процесса.

Использование либеральной модели взаимодействия развивает самостоятельность студентов, их ответственность за свободу своего выбора, определяет творческое начало и исследовательские навыки для будущих научных проектов и работ, что является достаточно важным в техническом образовании. Опыт внедрения данной модели показал, что применение данной модели возможно на этапе магистратуры или аспирантуры, а также второго высшего образования.

Исследование современных подходов в управлении социальной системой вуза, направленных на повышение качества образования, показало, что для повышения эффективности взаимодействия социума и образовательного процесса в техническом вузе более подойдет третий подход, базирующийся на создании системы менеджмента качества предоставляемых услуг в соответствии с требованиями ГОСТ Р ИСО 9001, поскольку данный подход должен содействовать укреплению взаимосвязей между наукой, высшим образованием и производством, и, следовательно, повышению качества продукции и качества жизни в стране. Особенность вуза как поставщика состоит именно в том, что он фактически поставяет промышленному предприятию именно знания в сочетании с человеческим фактором. Это означает, что в контексте современных стандартов в области качества знания могут рассматриваться как продукция университета. А взаимодействия между двумя организациями должны учитывать соответствующие требования стандарта

Эффективность работы высшего технического учебного заведения определяется решением разных по уровню сложности и значимости задач, что, в конечном счете, обеспечивает его развитие и повышение качества образования. При выборе оптимальной модели управления социальной системой в каждом вузе должен быть проведен анализ имеющихся возможностей внедрения той или иной модели с учетом специфики образовательного учреждения, его профессорско-преподавательского состава, существующих рисков. Только такой комплексный анализ позволит внести изменения в управление вузом, которые действительно повысят эффективность его функционирования.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2020; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2020) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
2. ГОСТ Р ИСО 9001-2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Требования: утв. Приказом Росстандарта от 28.09.2015 № 1391-ст. М.: Стандартинформ, 2015. 24 с.

3. Абонеева А.В., Лихачева О.Н. Компонентный состав модели иноязычного образования в неязыковом техническом вузе // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2019. № 7. С. 134-140.
4. Азимбаева Ж.А. Особенности организации образовательного процесса в техническом вузе // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 4 (17). С. 97-100.
5. Востриков А.С., Пустовой Н.В., Афанасьев Ю.А. Система менеджмента качества в техническом вузе. Опыт Новосибирского государственного технического университета // Университетское управление. 2003. № 2(25). С. 78–85. URL: http://www.unn.ru/pages/e-library/publisher_db/files/48/12.pdf (дата обращения: 22.12.2020).
6. Гулякин Д.В. Социокультурные тенденции современного высшего технического образования // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 1 (68). С. 274-275.
7. Гулякин Д.В. Сущностные характеристики социально-информационной культуры студента технического вуза // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 1 (105). С. 4-7.
8. Корнилов Д.А., Сахаров А.С. Применение SWOT-анализа при стратегическом планировании деятельности департамента предприятия (на примере кафедры вуза) // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 12 (72). С. 81-82.
9. Кужелева А.А. Генезис современного понятия «социально-экономическая система» // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2018. № 2. С. 104-117.
10. Лихачева О.Н. К вопросу о моделировании иноязычного образования в современном неязыковом вузе // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2019. № 7. С. 166-175.
11. Лобанова Е.Ю., Тумакова Н.А. Эффективность использования интерактивных методов обучения в техническом вузе // Молодой ученый. 2015. № 8 (88). С. 971-974.

12. Маркарьян Ю.А. Моделирование технологии управления развитием опорного вуза // Современный ученый. 2017. № 7. С. 167-171.
13. Паршукова А.Н., Ильина М.Е. Определение путей улучшения взаимодействия технического вуза и промышленного предприятия с учетом новых требований стандартов в области качества // Качество продукции: контроль, управление, повышение, планирование: сборник научных трудов 5-й международной молодежной научно-практической конференции, г. Курск, 14 ноября 2018 г. / по ред. Е.В. Павлова. Курск: Университетская книга, 2018. С. 136-139.
14. Попов В.Р. Высшее учебное заведение как социальная система // Управленческое консультирование. 2008. №4. С. 126-135.
15. Селезнева А.В. Формирование структурных элементов, определяющих качество образовательных услуг политехнического вуза // Химия. Экология. Урбанистика. 2020. Т. 2020-1. С. 375-379.
16. Сивиринов Б.С. Техника и социум в будущем: симбиоз или киборгизация? // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 3 (205). С. 93-99.
17. Фомина А.Г. Социум и социальные процессы в обществе // Молодой ученый. 2015. № 19.1 (99.1). С. 58-60.
18. Фортова Л.К., Евсюкова Н.И. Высшая школа в современных реалиях российского социума // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 295-297.
19. Шилович О.Б. Особенности педагогического взаимодействия в рамках современного технического вуза // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2020. № 2. С. 126-133.

References

1. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ “On Education in the Russian Federation” (as amended on July 31, 2020; with amendments and additions, entered into force on September 1, 2020). Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (part 1). Art. 7598.
2. GOST R ISO 9001-2015. National standard of the Russian Federation. Quality management systems. Requirements: approved By order of Rosstan-Dart dated September 28, 2015 No. 1391-st. M.: Standartinform, 2015. 24 p.

3. Aboneeva A.V., Likhacheva O.N. *Nauchnye trudy KubGTU*, 2019, no. 7, pp. 134-140.
4. Azimbaeva Zh.A. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 2017, no. 4 (17), pp. 97-100.
5. Vostrikov A.S., Pustovoy N.V., Afanas'ev Yu.A. *Universitetskoe upravlenie*, 2003, no. 2(25), pp. 78-85. http://www.unn.ru/pages/e-library/publisher_db/files/48/12.pdf (accessed 22.12.2020).
6. Gulyakin D.V. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2018, no. 1 (68), pp. 274-275.
7. Gulyakin D.V. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016, no. 1 (105), pp. 4-7.
8. Kornilov D.A., Sakharov A.S. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*, 2014, no. 12 (72), pp. 81-82.
9. Kuzheleva A.A. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya V. Ekonomika i parvo*, 2018, no. 2, pp. 104-117.
10. Likhacheva O.N. *Nauchnye trudy KubGTU*, 2019, no. 7, pp. 166-175.
11. Lobanova E.Yu., Tumakova N.A. *Molodoy uchenyy*, 2015, no. 8 (88), pp. 971-974.
12. Markar'yan Yu.A. *Sovremennyy uchenyy*, 2017, no. 7, pp. 167-171.
13. Parshukova A.N., Il'ina M.E. *Kachestvo produktsii: kontrol', upravlenie, povyshenie, planirovanie: sbornik nauchnykh trudov 5-y mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Kursk, 14 noyabrya 2018* [Product quality: control, management, improvement, planning: collection of scientific papers of the 5th international youth scientific and practical conference, Kursk, November 14, 2018] / ed. E.V. Pavlov. Kursk: Universitetskaya kniga, 2018, pp. 136-139.
14. Popov V.R. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2008, no. 4, pp. 126-135.
15. Selezneva A.V. *Khimiya. Ekologiya. Urbanistika*, 2020, vol. T. 2020-1, pp. 375-379.
16. Sivirinov B.S. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2017, no. 3 (205), pp. 93-99.
17. Fomina A.G. *Molodoy uchenyy*, 2015, no. 19.1 (99.1), pp. 58-60.
18. Fortova L.K., Evsyukova N.I. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2017, no. 6 (67), pp. 295-297.
19. Shilovich O.B. *Nauchnye trudy KubGTU*, 2020, no. 2., pp. 126-133.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ**Беспалова Наталия Александровна**, старший преподаватель*Сибирский государственный университет телекоммуникации и информатики**ул. Кирова, 86, г. Новосибирск, 630102, Российская Федерация
bes_dlina@mail.ru***Сибирцев Антон Владимирович**, старший преподаватель *Сибир-**ский государственный университет телекоммуникации и информатики**ул. Кирова, 86, г. Новосибирск, 630102, Российская Федерация
antonsibircev3@yandex.ru***Яковлева Татьяна Сергеевна**, старший преподаватель*Сибирский государственный университет телекоммуникации и информатики**ул. Кирова, 86, г. Новосибирск, 630102, Российская Федерация
q-060977@yandex.com***DATA ABOUT THE AUTHORS****Bespalova Natalia A.**, Senior Lecturer*Siberian State University of Telecommunications and Informatics**86, Kirov Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation**bes_dlina@mail.ru**SPIN-code: 6456-5048***Sibirtsev Anton V.**, Senior Lecturer*Siberian State University of Telecommunications and Informatics**86, Kirov Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation**antonsibircev3@yandex.ru***Yakovleva Tatyana S.**, Senior Lecturer*Siberian State University of Telecommunications and Informatics**86, Kirov Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation**q-060977@yandex.com*

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-31-51

УДК 291.11

ИСКУССТВО АВРААМИЧЕСКИХ РЕЛИГИЙ И ЕГО РОЛЬ В РЕЛИГИОЗНЫХ ПРОЦЕССАХ

Кузнецова В.С.

Обоснование. В статье анализируется феномен искусства авраамических религий и его характеристики – канон, стиль и литургичность – в проекции на религиозные процессы в традиционном и секулярном обществах. Трансформация визуального воплощения религий рассматривается в связи с изменениями в религиозной жизни общества, не всегда осознаваемыми и нуждающимися в системно-структурном изучении. Связь искусства с религиозными процессами способна помочь интерпретации как явлений исторического прошлого, так и новейших событий в религиозном искусстве авраамических религий.

Цель работы. Проанализировать роль искусства авраамических религий в религиозных процессах в традиционном и секулярном обществах с позиции известных в науке подходов к изучению религиозного искусства. Выявить возможные закономерности между трансформацией религиозного искусства авраамических религий и религиозными процессами в традиционном и секулярном обществах.

Материалы и методы. Исследование осуществляется на материале религиозного искусства авраамических религий в традиционном и секулярном обществах с применением системно-структурного подхода, междисциплинарного подхода и принципа религиозной и идеологической нейтральности.

Результаты исследования. Осмысливается связь искусства авраамических религий и религиозных процессов с последующим выводом о том, что искусство может выступать как свидетельство факторов истории и социокультурной ситуации в целом. Исследуются актуальные проблемные вопросы, раскрывающие роль рели-

гиозного искусства для понимания состояния религиозных процессов в обществе. Рассматриваются различные подходы в изучении религиозного искусства в отечественном и зарубежном научном опыте. Показано, что канон выражает преданность ценностям веры в традиционных обществах, в то время как в современном секулярном мире трансформация религиозных ценностей происходит в диапазоне от размывания до политизации, что находит свое выражение в изменении отношения к религиозному искусству и в трансформации его форм.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании курсов «Искусство и религия», «Эстетические проблемы религиоведения», в программах развития межкультурной компетентности, а также при создании программ экспертной оценки явлений религиозного искусства.

Ключевые слова: религиозное искусство; канон; стиль; литургичность; религиозные процессы; авраамические религии; иудаизм; христианство; ислам

RELIGIOUS ART OF ABRAHAMIC RELIGIONS AND ITS ROLE IN RELIGIOUS PROCESSES

Kuznetsova V.S.

Background. The paper deals with religious art and its characteristics (canon, style and liturgy) at the projection of religious processes in traditional and secular societies. The transformation of the visual representation of religions is considered in connection with changes in the religious life of society, which are not always recognized and needed in their system-structural study. The relation of art and religious processes is a way to help the interpretation of both the phenomena of the historical past and the latest events in the religious art of the Abrahamic religions.

Purpose. The purpose of the article is to consider the role of the art of Abrahamic religions in religious processes in traditional and secular societies from the standpoint of methods known in science to the study of

religious art. Also, the purpose is to identify possible patterns between the transformation of the religious art of the Abrahamic religions and religious processes in traditional and secular societies.

Materials and methods. *The research is carried out on the material of the religious art of the Abrahamic religions in traditional and secular societies. System-structural method, interdisciplinary method and the principle of religious and ideological neutrality are used.*

Research results. *The connection between the art of Abrahamic religions and religious processes is comprehended. In this regard, art can be represented as evidence of the factors of history and the socio-cultural situation in general. A review of topical problematic issues that reveal the role of religious art for understanding the state of religious processes in society is made. Various methods of the study of religious art in domestic and foreign scientific experience are considered. It is shown that the canon expresses devotion to the values of faith in traditional and theocratic societies, while in the modern secular world the transformation of religious values ranges from erosion to politicization, which is reflected in a change in attitudes towards religious art, as well as towards art in general, and in the transformation of its forms.*

Field of the results. *The results of the study can be interesting to researchers of religious art, can be used in teaching courses “Art and Religion”, “Aesthetic Problems of Religious Studies”, in programs for the development of intercultural competence, as well as in drawing up programs for an expert assessment of the phenomena of religious art.*

Keywords: *religious art; canon; style; liturgy; religious processes; Abrahamic religions; Judaism; Christianity, Islam*

Искусство основано на восприятии образов, в которых используются выразительные средства, для религиозного искусства авраамических религий устойчивые и традиционные. За изменениями принципов создания религиозного искусства обычно стоят значительные события в области эволюции религий. В данной публикации мы хотим рассмотреть роль искусства в религиозных процессах, включая секулярное общество. Важно понять, на ка-

ких методологических основаниях можно интерпретировать роль религиозного искусства в истории и современности религиозных процессов в жизни общества.

Начнем с основных понятий, обосновывающих предмет нашего исследования. Значимых расхождений к определению религиозного искусства нами не было выявлено. Имеющиеся определения можно соотнести, например, с тем, что дает И.П. Давыдов: «религиозное искусство – комплекс жанров, художественных форм и средств, адаптированных к выполнению специфической функции отражения и воплощения религиозных идей, драматизации мифов в ритуалах и обрядах, культовой архитектуре и т.п.» [8, с. 408]. При этом мы выделим два главных уровня: религиозное искусство с каноном в основе, участвующее в литургии, и религиозное искусство в секулярном обществе – в творчестве художников, создающих его с иными целями. Религиозное искусство с каноном в основе может выражать конфессиональную принадлежность. Использование орнамента в христианстве (например, характерный византийский, романский или готический) знаково-отличительное, но не каноническое [6, с. 11], при том, что орнамент в исламе вполне каноничен [12]. В искусстве авраамических религий канон может оставаться обще-конфессиональным и даже обще-религиозным, и это, в первую очередь, Священное Писание. Основные принципы внешнего и внутреннего устройства храма в авраамизме каноничны и воплощаются в храмах трех авраамических религий. Само образование конфессий и деноминаций – это религиозные процессы, отраженные в религиозном искусстве. Религиозное искусство шире, чем каноническое, прежде всего, по формальным и содержательным возможностям. Однако и в формах религиозного искусства художник может обращаться к теме трансцендентного и вызывать своим творчеством религиозные переживания. И даже в формах светского в секулярном мире религиозное начало живет и проявляется в искусстве. В секулярном обществе люди по-прежнему способны на яркие религиозные переживания и поиск Абсолюта, здесь хочется вспомнить, что П. Тиллих считал «Гернику» П. Пикассо истинно

христианским произведением искусства [14, с. 53]. Переход от канонического к религиозному на примере больших исторических стилей связан с религиозными процессами, в первую очередь, с секуляризацией. Обращение к сакральному в формах русского авангарда отмечает В.В. Бычков, говоря об «апокалиптических прозрениях авангарда» [4, с. 457].

Выбор авраамических религий нами обосновывается их глубокой включенностью в историю европейской культуры и истории. Авраамические религии в их динамике и взаимодействии открывают интереснейший контекст для изучения эволюции религиозного искусства, его связей с религиозными процессами, обоснованными политическими, экономическими и социальными причинами. Кроме того, отдельный интерес представляет то, что иудаизм, христианство и ислам обладают тем, что мы условно назовем *метафизическим эстетическим единством*, тем, что находится именно в сфере религиозного искусства и его канонов. В своих традиционно-ортодоксальных воплощениях авраамические религии – это основа формирования канонов религиозного искусства. Эволюция авраамических религий оригинально отразилась в искусстве, новые формы миропонимания неизбежно отражаются в новых формах искусства, как во вместилищах новых смыслов. Скульптура Мадонны в готическом искусстве и в эпоху Возрождения – это два разных миропонимания. Деревянная скульптура Саваофа, венчающего распятие в православном иркутском храме 18 в. [18, с.6] интересует нас тем, какая религиозная ситуация стояла за ее появлением в то время, как стало возможно участие в православной литургии этих скульптур. Относительно многообразия эволюционных форм авраамических религий мы ограничиваемся наиболее значительными для истории религий и резонансными течениями. Отдельный интерес представляют квазирелигиозные формы, использующие символику авраамических религий. Познавая религиозное искусство, предпосылки его трансформаций, образы этих трансформаций, мы, в том числе, познаем самих себя и пытаемся увидеть, как устроен современный мир с новых, порой очень неожиданных позиций.

Под религиозными процессами нами подразумеваются значимые события эволюции религий, как правило, связанные с трансформацией вероучений и, в контексте нашего исследования, получившие отражение в сфере религиозного искусства. Эти процессы могут быть как явными и хорошо изученными, так и недавно отмеченными в науке, либо еще не изученными. Имеется определение В.А. Бондаренко, фиксирующее широкий диапазон религиозных процессов: «религиозные процессы – это состояния функционирования и эволюции религий, моменты их возникновения и угасания, в которых вероучением и повседневной обрядностью рационализируются и психологизируются религиозное сознание, отношения и деятельность людей, их философские, нравственные, эстетические, правовые, политические и экономические позиции, взгляды и убеждения» [2, с. 14]. Из логики данного определения также следует вывод о глубокой интеграции религиозных процессов в жизнь не только общественную, но и личную. Отметим, что именно по этой причине особенно актуально изучение влияния религиозного искусства на жизнь личности в новейшее время, когда произошла т.н. «приватизация религий» [21, с. 102] на общем фоне секуляризации общества.

Также интересно рассмотреть трансформации религиозного искусства в обществе, живущем на этапе утраты религией своего доминирующего институционального авторитета, или, напротив, возврата к религиозным убеждениям в секулярном обществе в XX–XXI веках, демодернизации [15, с. 80]. Весьма интересны переходные состояния образов и символов религиозного искусства в эпоху постмодернизма и на рубеже XX–XXI в., включая наши дни.

Методологию изучения религиозного искусства условно можно разделить на религиозоведческий, праксеологический, философско-искусствоведческий и конфессионально-структуралистский и интегрально-традиционалистский подходы. Религиоведческий подход к религиозному искусству можно отметить в работах Е.Г. Яковлева, Д.М. Угриновича, И.Н. Яблокова, И.П. Давыдова. Праксеологический подход в исследованиях о связи литургических функций и

художественного воплощения, а также литургическом содержании православных предметов искусства, в первую очередь, икон встречается у Ю.С. Андреевой, В.С. Глаголева. Философско-искусствоведческий подход к религиозно-символическим системам характерен для трудов В.Г. Арсланова, Н.А. Дмитриевой, В.И. Жуковского, Л.М. Буткевич. Конфессионально-структуралистский подход выражен в исследованиях Э. Панофского, Л.А. Успенского, В.В. Бычкова, П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева, Е. Трубецкого, С.С. Аверинцева, А. Меня, Р. Карелина и других авторов. Исследования искусства ислама встречаются в искусствоведческих работах О. Грабаря, Г.А. Пугаченковой, Л.И. Ремпеля, М.Б. Пиотровского, Ш.М. Шукурова и Т. Буркхардта. Т. Буркхардт в анализе религиозно-эстетических систем авраамических религий исходит из всеобщих традиционных для религиозного искусства понятий и идей, например, идея храма, идея небесного и земного во внутреннем убранстве храма, не делая различий между, например, индуистским храмом и мечетью, напротив, отмечая общее, что имеется в организации всех храмов во всех религиях. Т. Буркхардт следует в этом за Р. Геноном, автором интегрального традиционализма. Ритуально-символическое значение искусства иудаизма освещается в работах П.Е. Люкимсона, Н.Ю. Раевской, И. Корн. Смыслы и практика искусства иудаизма раскрываются в публикациях на интернет-ресурсах, посвященных иудейской культуре, написанных или прокомментированных раввинами, например, «Ежевика», «Я - Тора» [9], [19].

У религиозно-символических систем искусства есть несколько отличительных особенностей, назовем их. Во-первых, это каноничность. Под каноническим в религиозном искусстве мы понимаем свод правил и образцов, имеющих догматический характер, связь искусства с литургико-мистической стороной вероучения и особым для каждой религии и конфессии представлением о спасении. Во-вторых, это предельная символичность: каноническое религиозное искусство глубоко отлично от всего индивидуального, единичного. Такое религиозное искусство предельно условно, оно не выражает ничего реального, посюстороннего, конкретного. В-тре-

тых, религиозное искусство литургично по своему назначению и характеру, и это главный критерий каноничности. Объекты религиозного искусства должны участвовать в культовых служениях.

О роли стиля скажем здесь только самое главное, поскольку тема стиля в религиозном искусстве нуждается в отдельном рассмотрении. Стиль, стилизация усиливает идею произведения, выделяет определенные черты и свойства, сглаживая другие. В определении стиля будем следовать за Г. Вельфлином, понимая стиль как узнаваемое единство всех выразительных средств, а также особых выразительных средств, присущих только религиозному искусству. Вельфлин выделял три направления стиля: индивидуальный стиль, народный стиль и стиль эпохи. Все три направления, по нашему мнению, встречаются в религиозном искусстве, всегда имеющем *способ* изображения как таковой [5, с. 11]. Главная задача стиля в религиозном искусстве – подчеркивание сверхценного значения нереального мира, его вечности, его вневременной смысловой значимости. В религиозном искусстве стиль связан с догматическими представлениями, литургией и сотериологией, подчинен идее их передачи.

Приведем небольшой пример для иллюстрации сказанного. В православной традиции имеется много школ иконописи, выработавших свой узнаваемый стиль: московская, новгородская, псковская, владимирская и другие. Как было уже сказано, стиль – это единство художественных выразительных средств. Например, московская школа иконописи, основателем которой считают А. Рублева, самая классическая по рисунку и эмоциям. Сдержанная гамма, экспрессия, выражена размеренность, значимо осязаемы симметрия, легкость и плавность линий, на святых ликах особое духовное спокойствие. Фигуры легкие, колорит приглушенный, теплый, использованы сложные оттенки. Иначе, а именно – с другими чувствами, работают мастера псковской школы – их стиль драматичен. Преобладают глубокие тона, повышенная эмоциональность персонажей, лики с пронзительными выражениями, даже используются характерные «треугольники» для изображений нижнего века святых для усиления драматизма. Композиции будут малоустойчивы

и ассиметричны, в отличие от устойчивой, при этом паряще-легкой симметрии московской школы. Новгородская школа также менее гармонична, чем московская, более народна и празднично-жизнерадостна, не столь изысканна, как московская. В новгородской школе часто использован симультанный контраст зеленого и красной киновари, столь любимый в народном лубке, и в целом, выразительная грубоватость народного лубка – в основе нижегородского стиля. Композиция статичная, застывшая, линейно-графичная, что тоже можно увидеть на лубке. Рекомендуем посмотреть в сравнении иконы: Богоматерь Одигитрия (1483 г., московская школа), Богоматерь Толгская (1314г., псковская школа) и Богоматерь Донская (1390г., новгородская школа).

Имеющиеся стилевые особенности не нарушают канонического содержания изображений в московской, псковской и новгородской школах. Созданные стилевые различия на основе местных традиций и творческого самовыражения мастеров выражают общую строгость и *вневременной характер метафизики* византийского канона. При этом художники творчески интерпретируют канон, работая с выразительными средствами не шаблонно, но и не нарушая его содержания, используя местные традиции рисунка. Творец пропускает реальность через себя, при этом для творческого духа невозможны штампы и шаблоны, скорее, гений-визионер сам создаст образы, которым суждено будет стать шаблонами. Задачей художника – творца, личности одаренной и высоконравственной, обладающей способностью творчески пропускать через себя реальность, является передача священного сюжета либо образа.

Отдельного рассмотрения заслуживает ситуация выхода за пределы канона, когда искусство становится внеканоническим, оставаясь при этом религиозным (с религиозными сюжетами в основе) и даже выражающим конфессиональные особенности восприятия красоты и гармонии (например, живопись и музыка в готическом или византийско-православном искусстве). Инновации в религиозном искусстве проходят несколько инстанций, на вершине – самый значимый уровень управления религиозной жизнью. Например, в

исламе эта инстанция – принятие инноваций общиной верующих [3, с. 38]. Сложная иерархичность РПЦ со Христом во главе создает свои инстанции. Простое и самое поверхностное знакомство с раннехристианской живописью позволяет говорить о куда большей реалистичности и даже натуралистичности образов святых в отличие от символизма восточно-христианского иконографического канона. Следовательно, были этапы истории принятия этого символизма, и его окончательное утверждение как смыслового источника православной иконографии. В чем же он состоит, что в себе содержит?

Выделим самый, на наш взгляд, главный критерий каноничности иконографического образа – то, что Л.А. Успенский называет «литургичностью». Этот аспект наиболее актуален в связи с появлением различных «псевдоикон» (изображения И.В. Сталина, Ивана Грозного и прочих исторических фигур и политических деятелей) [1]. Итак, «иконописный канон есть известный принцип, позволяющий судить, является ли данный образ иконой или нет. Он устанавливает соответствие иконы Священному Писанию и определяет, в чем заключается соответствие, то есть подлинность передачи Божественного Откровения в исторической реальности тем способом, который мы называем символическим реализмом. Основным критерием, предъявляемым к образу, является его литургичность» [17, с. 64]. Критерий литургичности неотделим от истины Боговоплощения и Искупытельной Крестной жертвы Спасителя». Литургичность создается с помощью таких приемов символического реализма, как передача пространства («обратная перспектива»), времени (вечность), символичность происходящего (предельная обобщенность), композиция (у канонических и «нерукотворных» образов). Детализация и прорисовка индивидуальных черт возможна только в пределах сложившихся исторических стилей русских школ иконописи. Выразительные средства имеют символический, предельно нереалистический смысл и характер. Имеются исторические, географические, археологические особенности, принятые и соблюдаемые.

Следовательно, православная икона тем более литургична и глубока, чем более она ортодоксальна и символична, и в этом случае

она не будет вызывать вопроса – можно ли через нее обращаться к Богу, молиться, использовать ее в литургии. Инновации могут вводиться по инициативе церковных властей, руководствующихся собственным духовным вкусом. В качестве иллюстрации приведем пример сибирской деревянной иконы 17–18 вв. Скульптурные изображения Саваофа стали появляться в пермских и иркутских православных храмах, хотя и запрещенные еще на Седьмом Вселенском соборе, когда запретили изображать Бога Отца как личность в любом человеческом облики, и в 17 веке Большим Московским собором. Но изображения все же были использованы, очевидно, в силу польского культурного влияния и большей территориальной удаленности от Москвы и центральных городов, а также в силу предпочтений митрополитов, выходцев из Малороссии.

Религиозное искусство создано для религиозных практик, оно вовлечено в ритуалы и создается для них – со времен наскальных росписей в пещерах позднего палеолита. В католичестве характерны изображения юных Девы Марии и Иисуса Христа, Бога Отца в образе старца Саваофа, Святого Духа – в образе голубя. С развитием готической культуры скульптурные изображения становятся все более страстными, чувственными, реалистичными – в религиозное искусство проникает единичное, конкретное, размывая обобщенно-символическое, и в раннее Возрождения достигая, например, уровня реализма Никколо дель Арка.

На примере ислама мы видим, что для религиозного канона имеет значение, запрещено ли изображать Бога, а также называть Его по имени вслух. Полный запрет на изображения Бога сопровождается страстными обращениями к нему по имени, благочестивыми многократными произношениями 99 имен Аллаха. Ссылаясь на Титуса Буркхарда скажем, что исламский костюм мирянина отражает понимание разделения мира на сакральное и светское пространство у мусульман [3, с. 89]. Если у католиков и православных это разделение четко соблюдается, о чем свидетельствует облачение священника – человека «не от мира сего», то в исламе каждый мирянин – это священник, вся жизнь – это ритуал, который необходи-

мо поддерживать ношением хиджаба и чалмы. Вплоть до полного слияния мирского (светского) и духовного у салафитов, в странах с шариатом, с вытекающим запретом на фотографии, детские игрушки в форме людей и зверей, как следствие хадиса на запрет создавать реалистичные изображения [11, с. 10].

В иудаизме запрещено произносить имя Бога вслух и фигуративное, личностное его изображение (аникони́зм) [13, с. 210]. Иудеи следуют заповеди о запрете на изображения и поклонение изображениям. Встречаются упоминания о попытках передачи образа Бога в изображениях в виде яркого света, потока, лучей света, направленного в мир. Не смотря на то, что раввинистический иудаизм постоянно развивается, нововведения почти не коснулись традиций изображения Бога. К визуальным образам – символам иудаизма и его истории позволим себе причислить предметы иудейской жизни и культа: свитки Торы, менора, ханукия, магендавид, мезуза, талит и другие. Если говорить о стиле, отмечается следующая особенность. Взгляд на архитектуру синагог в разных столицах мира замечает полное слияние стиля синагоги с окружающей городской архитектурой, поэтому дом собрания может быть выполнен и в готическом, и в романском стиле, и в ар-деко, и в ампир. В селах или деревнях синагога выглядела как крестьянская изба. По понятным причинам диаспоры старались не выделяться и стилистически буквально сливались с окружающей архитектурной средой.

Таким образом, в авраамических религиях канон варьируется от полного запрета на изображение до драматизации образа. Искусство вырабатывает свои выразительные средства, в зависимости от предписаний канона. Например, запрет на изображения в исламе вызвал максимально абстрактное искусство арабеска и орнамента, сложную работу с выразительными средствами: глубокое понимание возможностей цвета, линий, форм и фактур.

Визуальное религиозное искусство обладает мощным средством воздействия на восприимчивого зрителя. Это особенно важно в эпоху т.н. «клипового мышления», когда у невербально - визуального типа восприятия преимущество перед вербальным, особенно тек-

стовым. Доминирующее значение приобретает изображение, «картинка». Стихийное восприятие выхватывает фрагменты различных религиозных культур по признаку визуальной аттрактивности, даже смешивает их, использует так же хаотично, на основе разрозненного типа мировоззрения без единого ценностно-смыслового ядра. Пример синтетического использования религиозных визуальных ценностей мы видим уже в эзотерических учениях позднего средневековья, использующих христианскую символику вместе с культовыми символами Древнего Египта, а также символами иудаизма и других учений – все в пределах одного изображения (например, орден розенкрейцеров). Между тем, символы обладают силой воздействия на восприятие – сошлемся на В.В. Налимова, полагавшего у символов способность «самораспаковываться» в сознании воспринимающего [10, с. 143]. Влияние религиозного искусства на личность – самое прямое. Через чувственное восприятие искусства в традиционных обществах верующие познают глубинные принципы вероучения без текстов, проповедей и учителей. Канон и стиль формируют духовный вкус личности, воздействуя своими образами и выразительными средствами, опосредуя связь человека с Богом. Мы видим, что религиозное искусство не может быть заменено другими видами и способами восстановления связи с Абсолютом.

Религиозное искусство – самая лаконичная при большом ценностно-смысловом объеме форма передачи основ вероучения; верхний слой с большой глубиной; вершина развития долгого пути всей истории вероучений авраамических религий, визуальный показатель трансформаций вероучений и изменения положения церкви и религии в обществе. Переложение вероучения на выразительные средства требует больших усилий *философско-творческого характера*. Андрей Рублев, сделавший Священное Писание своей монашеской жизнью и судьбой, так сумел изобразить «Троицу», что создал новый канон, не нарушив ни одного положения церковного права.

Нельзя недооценивать силу выразительности религиозного искусства, оно глубоко воздействует на воспринимающего, поэтому закономерно, что религиозное искусство связано с миссионерством,

или обращением в веру. В эпоху т.н. «клипового мышления» люди идут на «картинку», на красоту и пышность обряда, красоту облачения. Примеров в истории и современности белее, чем много. Вспомним о воздействии византийской эстетики послон князя Владимира в храме святой Софии Константинопольской, не понимавших, «на земле мы или на небесах». Внешнее оформление религии становится визуальным характерным фактором стремления к аскетическим формам, отрицанию выразительных средств и каких-либо образов у салафитов, у них же хиджаб становится почти социальным манифестом, символом, и этот визуальный символ – сам по себе как проповедь, собирает нуждающихся в этом социальном высказывании. Художественная ценность готики может повлиять на принятие католицизма. Песни и танцы («танцевальные служения») – фактор обращения новых христиан веры евангельской – уже в секулярном обществе. Искусство – это эмоционально-чувственная сторона религии, обращенная к чувственному восприятию людей, весьма сильнодействующая, утоляющая потребность в эстетических переживаниях. Поэтому религиозное искусство – важный фактор миссионерской деятельности.

Посредничество религиозного искусства для связи с трансцендентным – это первая и важная функция религиозного искусства, связанная с возникновением искусства как такового. Религиозное искусство – в восприятии верующих – позволяет «трансгрессировать» в мир иной, устанавливать с ним связь. Искусство как инструмент для связи с Богом для верующих несет в себе выразительность, подобную Богу, адекватную представлениям о Боге. Поэтому само религиозное искусство наделяется сверх-ценностью как святыня, частица Бога, хуление которой в традиционных обществах карается, а исторические факты освящения поруганного, либо признание в качестве святыни наделяются статусом больших религиозных праздников – например, торжество Православия или Ханука. В светских обществах пост-секулярный плюрализм позволяет одновременное существование самых разных ценностей и культур. Прецедент панк-молебна Pussy Riot в 2012 г. оказался

политическим, показавшим положение религии в стране. Процесс выявил курс на десекуляризм в российском обществе – возврат к религиозным ценностям в секулярном обществе, политизацию этого возврата [16, с. 177].

Религиозное искусство приводит к единству все догматы верования, в нем нет случайностей, все отклонения будут либо ересью, либо допустимым отходом от канона, что также свидетельствует о характере религиозных процессов в определенный период истории. Появление скульптур христианских святых у готов, усвоивших византийский канон, чувственность этих скульптур свидетельствует о мировосприятии готов, их склонности к конкретному, посястороннему (но отнюдь не упрощенному), что выразилось в уходе от предельной обобщенности канона. Появление деревянных скульптур в сибирских храмах 17–18 веков свидетельствует об особенностях положения православия в Сибири в это время.

Религиозное искусство дает протекцию, покровительство Абсолюта и защищает от темных сил даже в тех религиях, где изображения запрещены как идолопоклонство. Эта функция религиозного искусства стала источником конфликта между традиционалистами и фундаменталистами в исламе. Все амулеты должны быть запрещены вплоть до святынь хаджа, по мнению последних.

Символизм придает религиозному искусству нужную степень обобщенности, необходимую для совершения литургии. Традиция религиозного искусства авраамических религий связана со строгостью системы образов. Отклонение от канона во многом будет связано с особенностями мировосприятия народов, принявших христианство и ислам, включивших их в свои традиционные ритмы жизни. Лики святых на иконах будут принимать признаки новообращенных верующих, например, монголоидные черты. Будут использоваться традиционные народные орнаменты в резьбе и росписях храмов. Есть множество этноконфессиональных примеров необходимых отклонений от строгости канона.

Религиозное искусство закрепляет эксклюзивизм той или иной религии или конфессии. Если изнутри религии канон можно счи-

тать вероучительным, то на внешнем уровне канон – это опознавательный знак, позволяющий определить религиозно-конфессиональную принадлежность другого. В период раннего христианства последователей Христа римляне-язычники преследовали и клеймили, и тогда сами христиане стали ставить себе клеймо как знак своей принадлежности к христианству. В социологии близкое к данному явлению понятие – стигматизация, добровольное внешнее опредмечивание себя как знак принадлежности к желаемой социальной группе. Стигматизация верующих также требует дальнейшего философско-религиоведческого изучения.

Исходя из всего вышесказанного, становятся более очевидными подходы, на основании которых возможно исследование религиозного искусства в контексте религиозных процессов. В первую очередь, это компетентностный подход, направленный на углубление представлений о содержании авраамических религий через их визуальную данность, раскрытие скрытых связей между религиями и другими социальными институтами. Изучая религиозное искусство, мы выходим на глубинный уровень понимания оснований смыслов религий и религиозных процессов, как исторически отдаленных, так и актуальных. Адекватен компаративистский метод сравнительного исследования, поскольку мы считаем, что только сравнивая, можно понять сущность сравниваемого. Подход, связанный с идеей «невидимой религии» в социологии Т. Лукмана [20, с. 43] – в светском обществе религиозность остается, но визуализируется в иных формах, соответствующих секуляризации и модернизации жизни общества. Среди выше рассмотренных методологических подходов, посвященных религиозному искусству, нам ближе религиоведческий и праксеологический (используемый в трудах Андреевой Ю.С., Глаголева В.С.), поскольку они позволяют непосредственно рассматривать предмет нашего исследования в связи с его ролью в религиозных процессах, а также семиотический, позволяющий наблюдать за изменением содержания между означаемым и означающим в символических системах религий. Сложившаяся в искусствоведении теория описания феноменов религиозного искусства не всегда учитывает

значение эволюции религий и трансформации религиозных идей в контексте использования религиозного искусства. Внимание заслуживает изучение расподобления (эманации) литургических свойств религиозного искусства, особенностям религиозно-символических систем в протестантских традициях, влиянию модернизации на свойства искусства христианства, ислама и иудаизма.

Итак, в религиозном искусстве сверхценное переводится на язык выразительных средств. Сверхценное – представления об образе Бога, преданность общества этим представлениям в теократических обществах, размывание либо политизация – в секулярном мире. Религиозное искусство в досекулярном мире весьма подробно изучено во множестве работ по целому ряду дисциплин, но аспект литургичности религиозного искусства нуждается в специальном рассмотрении с позиции эволюции религии в современном мире, с позиции процессов, характерных для религии в нашу постсекулярную эпоху. Мы подчеркиваем, что говорить о религиозном искусстве «вообще» нельзя, оно всегда принадлежит своему времени, своей религии в ее актуальном социокультурном выражении.

Список литературы

1. Андреева Ю.С. Псевдоиконы нашего времени. URL: <http://uspeniekolmovo.cerkov.ru/2015/12/24/psevdoikoni-nashego-vremeni/> (дата обращения: 5.02.2012).
2. Бондаренко В.А. Религиозные процессы: генезис, эволюция, влияние на деятельность пограничной службы: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук: М., 2006. 293 с.
3. Буркхард Т. Искусство ислама. Язык и значение. [Пер. с англ.] Таганрог: Ирби, 2010 г. 286 с.
4. Бычков В.В. 2000 лет христианской культуры *subspecieaesthetica*. В 2-х тт. Т.2. Славянский мир. Древняя Русь. Россия. М. - СПб.: Университетская книга, 1999. 527 с.
5. Вельфлин Г. Основные понятия теории искусств. Проблема эволюции стиля в новом искусстве / пер. с нем. А.А. Франковского. М.: В. Шевчук, 2009 г. 344 с.

6. Герчук Ю.Я. Что такое орнамент. Структура и смысл орнаментального образа. М.: «Рип – холдинг», 2013. 301 с.
7. Глаголев В.С. Православное искусство в преподавании курса «Эстетические проблемы религиоведения» // Церковь, государство и общество в истории России и православных стран. Материалы III Международной конференции, посвященной памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Владимир. 2011. С. 16–21.
8. Давыдов И.П. Религиозное искусство / А.П. Красников, А.Н. Забияко, Е.С. Элбакян // Религиоведение: словарь. М.: Академический проспект, 2007. С. 408–409.
9. Ежевика. Академическая Вики – энциклопедия по еврейским и израильским темам [Blackberry. The Academic Wiki is an encyclopedia of Jewish and Israeli topics]. <http://ejwiki.org/wiki> (дата обращения 5.02.2021).
10. Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Академический проект, 2011 г. 399 с.
11. Наумкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // «Восток», М., 2006 г. № 1, с. 5–24.
12. Пиотровский М. Б. Орнамент и единобожие. URL: <http://www.islam-portal.ru/e-store/books/articles/74/251/> (дата обращения 5.02.2021).
13. Раевская Н.Ю. Иудаизм: Бог и его образ // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т.15. №2. С. 208–2017.
14. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: ЦГИ, 2017, 362 с.
15. Узланер Д.А. Конец религии? История теории секуляризации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 240 с.
16. Узланер Д.А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI в. М.: Изд-во института Гайдара, 2020. 416 с.
17. Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. М.: Дарь, 2008. 480 с.
18. Фатьянов А.Д. Вступительная статья // Сокровища Иркутского художественного музея. Огородникова Т.П. Ленинград: Аврора, 1989. 150 с.

19. Я – Тора. Еврейская Библия и мир. <https://ja-tora.com/tag> (дата обращения 5.02.2021).
20. Luckmann Th. *The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society*. L.: Collier-Macmillan, 1970. 128 p.
21. Berger P.L. *The Social Reality of Religion*. Harmondsworth: Penguin, 1969. 229 p.

References

1. Andreeva Yu.S. *Psevdoikony nashego vremeni* [Pseudo-icons of our time]. URL: <http://uspeniekolmovo.cerkov.ru/2015/12/24/psevdoikoni-nashego-vremeni/> (accessed February 5, 2012)
2. Bondarenko V.A. *Religioznye processy: genesis, evolyuciya, vliyanie na deyatel'nost' pograničnoj sluzhby* [Religious processes: genesis, evolution, influence on the border service]: Abstract of PhD dissertation. M., 2006, 293 s.
3. Burkkhard T. *Iskusstvo islama. Yazyk i znachenie* [The art of islam. Language and meaning]. [Translation from English] Taganrog: Irbi, 2010 g. 286 s.
4. Bychkov V.V. *2000 let hristianskoj kul'tury subspeciesaesthetica. V 2-h tt.T.2. Slavyanskij mir. Drevnyaya Rus'. Rossiya* [2000 years of Christian culture subspeciesaesthetica. In 2 vols. V.2. Slavic world. Ancient Russia. Russia]. M. - SPb.: Universitetskaya kniga, 1999. 527 s.
5. Vel'flin G. *Osnovnye ponyatiya teorii iskusstv. Problema evolyucii stilya v novom iskusstve* [Basic concepts of art theory. The problem of style evolution in new art]. / per. s nem. A.A. Frankovskogo. M.: V. Shevchuk, 2009g. 344s.
6. Gerchuk Yu.Ya. *Chto takoe ornament. Struktura I smysl ornamental'no-go obraza* [What is an ornament. The structure and meaning of the ornamental image]. M.: «Rip – holding», 2013. 301 s.
7. Glagolev V.S. *Pravoslavnoe iskusstvo v prepodavanii kursa "Esteticheskie problem religiovedeniya" / Cerkov', gosudarstvo i obshchestvo v istorii Rossii I pravoslavnyh stran. Materialy III Mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati pravoslavnyh prosvetitelej svyatykh ravnoapostol'nyh Kirilla I Mefodiya*. [Church, state and society in the

- history of Russia and Orthodox countries. Materials of the III International Conference dedicated to the memory of the Orthodox enlighteners of Saints Cyril and Methodius]. Vladimir. 2011, pp. 16–21.
8. Davydov I.P. Religioznoe iskusstvo [Religious art]. / A.P. Krasnikov, A.N. Zabiyako, E.S. Elbakyan // *Religious Studies Dictionary*. M.: Akademicheskij prospekt, 2007, pp. 408–409.
  9. *Ezhevika. Akademicheskaya Viki – enciklopediya po evrejskim I izrail'skim temam* [Blackberry. Academic Wiki – an encyclopedia of Jewish and Israeli topics]. <http://ejwiki.org/wiki> (accessed February 5, 2021).
  10. Nalimov V.V. *Spontannost' soznaniya. Veroyatnostnaya teoriya smyslov I smyslovaya arhitektonika lichnosti* [Spontaneity of consciousness. Probabilistic theory of senses and semantic architectonics of personality]. M.: Akademicheskijproekt, 2011 g. 399 s.
  11. Naumkin V.V. Islamskij radikalizm v zerkale novyh koncepcij i podhodov [Islamic radicalism in the mirror of new concepts and approaches] // «*Vostok*», M., 2006 g., № 1, pp. 5-24.
  12. Piotrovskij M.B. *Ornament i edinobozhie* [Ornament and monotheism]. URL: <http://www.islam-portal.ru/e-store/books/articles/74/251/> (accessed February 5, 2021).
  13. Raevskaya N.Yu. Iudaizm: Bog i ego obraz [Judaism: God and His Image]. // *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*. 2014. T.15. №2, pp. 208–2017.
  14. Tillih P. *Izbrannoe. Teologiya kul'tury Favorites* [Theology of culture]. / per. s angl.; Sost. S.YA. Levit, S.V, Lyozov. M.; SPB.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015. 256 s.
  15. Uzlaner D.A. *Konec religii? Istoriya teorii sekulyarizacii*. [End of religion? History of the theory of secularization]. M.: Izd. Dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2019. 240 s.
  16. Uzlaner D.A. *Postsekulyarnyj povorot. Kak myslit' o religii v XXI v.* [Post-secular turn. How to think about religion in the XXI century]. M.: Izd-vo instituta Gajdara, 2020. 416 s.
  17. Uspenskij L.A. *Bogoslovie ikony Pravoslavnoj Cerkvi* [Theology of the icon of the Orthodox Church]. M.: Dar, 2008. 480 s.

18. Fat'yanov A.D. Vstupitel'naya stat'ya [Introductory article] // Sokrovishcha Irkutskogo hudozhestvennogo muzeya [*Treasures of the Irkutsk Art Museum*]. Ogorodnikova T.P. Leningrad: Avrorra, 1989. 150 s.
19. *Ya – Tora. Evrejskaya Bibliya i mir* [I am Torah. The Jewish Bible and the World]. <https://ja-tora.com/tag> (accessed February 5, 2021).
20. Luckmann Th. *The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society*. L.: Collier-Macmillan, 1970. 128 p.
21. Berger P.L. *The Social Reality of Religion*. Harmondsworth: Penguin, 1969. 229 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Кузнецова Виктория Сергеевна, кандидат философских наук,
доцент,
кафедра философии и методологии науки, отделение философии и теологии,
исторический факультет
Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса, 1, г. Иркутск, 664003, Российская Федерация
philosophychair_isu@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsova Victoria S., Candidate of Philosophical Sciences, Department of Philosophy and Methodology of Science, Department of Philosophy and Theology,
Faculty of History
Irkutsk State University
1, K. Marx Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation
philosophychair_isu@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7400-5758

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ**HISTORY STUDIES**

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-52-92

УДК 811.111 + 930.2

**ОРИЕНТАЛИСТСКИЕ НАРРАТИВЫ
В АМЕРИКАНСКОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ
В РОМАНАХ ЦИКЛА «ДЮНА»***Кирчанов М.В.*

Автор анализирует тексты цикла «Дюна» в контекстах пост-колониального подхода как метода, позволяющего конструировать и деконструировать «ориентальные» нарративы.

Цель. *Целью статьи является «ориенталистская» реинтерпретация текстов цикла «Дюна».*

Методы. *Автор использует методологический инструментарий, предложенный интеллектуальной историей и исследованиями национализма, включая концепцию изобретения традиций, которая позволяет анализировать ориентальные образы как одну из изобретенных традиций американской научной фантастики на примере текстов цикла «Дюна». Ориентализм как метод в данной статье используется для анализа текстов Фрэнка Херберта, Брайана Херберта и Кевина Андерсона, вдохновленных восточными стимулами и актуализирующих многочисленные образы, которые традиционно определяется как арабские. Автор полагает, что ориенталистский подход может стать эффективной исследовательской оптикой и интерпретационной моделью для междисциплинарного анализа американской научной фантастики.*

Результаты. *Проанализированы внешние социальные и политические стимулы, которые сыграли определяющие роли в генезисе и возникновении ориенталистских мотивов в американской*

массовой литературе второй половине 1960-х гг. Изучены ориентальные прототипы и праобразы героев цикла «Дюна». Проанализированы основные проявления и формы внешней ориентализации текста, представленные многочисленными лингвистические ориентализмами арабского происхождения. Особое внимание уделено внутренней ориентализации текста – социальным, политическим и религиозным попыткам интерпретации джихада в американской массовой культуре. Тексты цикла «Дюна» реинтерпретированы в рамках ориенталистской парадигмы как возможной модели объяснения и интерпретации американской массовой культуры.

Ключевые слова: *Фрэнк Херберт; Брайан Херберт; Кевин Андерсон; «Дюна»; ориентализм; ориентализация; интеллектуалы; ориентальные образы; джихад*

ORIENTALIST NARRATIVES IN AMERICAN SCI-FI PROSE IN THE DUNE NOVELS

Kyrchanoff M. W.

The author analyzes the texts of the cycle Dune in the contexts of the postcolonial approach as a method for constructing and deconstructing “oriental” narratives.

Purpose. *The aim of the article is an “orientalist” reinterpretation of the texts of the Dune cycle.*

Methods. *The author uses the methodological tools offered by intellectual history and studies of nationalism, including the concept of the invention of traditions, which allows to analyze oriental images as the invented traditions of American science fiction in texts of the Dune cycle. Orientalism as a method in this article is used to analyze the texts of Frank Herbert, Brian Herbert and Kevin Anderson, inspired by oriental stimuli because they actualize numerous images traditionally defined as Arabic. The author believes that the Orientalist approach can be an effective research optics and interpretive model for interdisciplinary analysis of American science fiction.*

***Results.** The external social and political incentives that played a decisive role in the genesis and emergence of Orientalist motives in American mass literature in the second half of the 1960s are analyzed. The oriental prototypes of the heroes of the Dune cycle have been studied. The main forms of external orientationalization of the text, represented by numerous linguistic orientalisms of Arabic origin, are also analyzed. Particular attention is paid to the internal orientalization of the text. Social, political and religious attempts to interpret jihad in American popular culture are also studied. The Dune cycle is reinterpreted within the Orientalist paradigm as possible model for explaining and interpreting American popular culture.*

***Keywords:** Frank Herbert; Brian Herbert; Kevin Anderson; Dune; Orientalism; Orientalisation; intellectuals; oriental images; jihad*

Введение

Популяризация термина «ориентализм» и его активное использование в академической литературе связано с одноименным исследованием Эдварда Саида, впервые изданным в 1978 г. [72]. Книга оказалась не только спорным текстом, но и фактически культурным проектом одновременно, вызвавшим различные отзывы и критические оценки, спектр которых варьировался от поддержки автора до неприятия его идей, а также важным интеллектуальным стимулом, вдохновившим новые работы, повторяющие, симулирующие и / или имитирующие методологию, предложенную Э. Саидом [11; 12] во второй половине 1970-х гг. [71; 81; 82; 83].

Традиционно в академической литературе культурное и интеллектуальное влияние и воздействие «Ориентализма», с одной стороны, анализируется в контекстах истории и литературоведения, а с другой, географически и тематически ограничивается антиколониальными восточными, африканскими или балканскими националистическими движениями, культурными и интеллектуалами практиками и стратегиями колонизированных / колонизируемых в их борьбе против колонизаторов или постколониальными националистами как попытками ревизии колониального опыта и демонтажа

колониального наследия. В целом, к концу 2010-х гг. интеллектуальная мода на постколониальный подход и соответствующую «ориенталистскую» стилистику академических текстов в значительной степени успела ослабнуть по сравнению с предшествующими годами [19; 57; 59; 63; 64; 70].

Постколониальный анализ стал своеобразной изобретенной историографической традицией [7; 8; 10], оставшись важным элементом культурной и интеллектуальной западной истории второй половины 20 в. Процессы деколонизации и распада авторитарных режимов в Восточной Европе в конце 1980-х гг. обеспечили историков и литературоведов с многочисленными сюжетами, актуальность и злободневность которых к 2020 г. в значительной степени должна была сократиться, что отчасти и произошло, т.к. в ряде случаев «ориенталистская» стилистика академических текстов начинает восприниматься и осознаваться как анахронизм, хотя репутация ориентализма как историографического направления и / или историографической изобретенной традиции по-прежнему признается сторонниками этого подхода.

Цель и задачи статьи

Целью статьи является «ориенталистская, т.е. постколониальная реинтерпретация текстов Фр. и Б. Хербертов и К. Андерсона (в силу того, что таковой в историографии они еще не подвергались), а задачами – анализ культурных истоков литературного «ориентализма» в американской научной фантастики, исследование внутренних и внешних форм ориентализации текста как его интеграции в постколониальный дискурс, а также изучение культурных влияний ориенталистского дискурса в фантастической прозе, редуцированной до текстов, формирующих цикл «Дюны».

Сформулированная выше цель определяет и методологию настоящего текста, которая не является ориенталистской и тем более постколониальной, представляя собой в большей степени попытку деконструкции восточного / исламского мифа, созданного другими исследователями «Дюны» [73; 85], которые были в большей степе-

ни склонны конструировать ориенталистские мотивы, нежели деконструировать таковые.

Анализ условного, «воображаемого» ориентализма текстов, связанных с миром Дюны, будет наиболее эффективен в рамках интеллектуальной и культуральной истории, а также археологии идей. Именно в этом контексте ориентализм прозы Фр. и Б. Хербертов и К. Андерсона может быть описан в категориях как процесса «изобретения традиций», так и функционирования и воспроизводства «изобретенных традиций» в литературных текстах через призму теории постколониальности. С формальной точки зрения, историография постколониальных литератур значительна [20; 26; 28; 29; 31; 58], но практически никто из историков и культурологов не пытался анализировать тексты, относящиеся к циклу «Дюны в рамках теории постколониальности. Вклад Фр. Херберта в развитие образов Востока в западной культуре в ее массовой версии был проигнорирован. Это стало следствием или инерции, заложенной уже Э. Саидом, который еще в конце 1970-х гг. ограничил возможный источниковый корпус условной воображаемой классикой.

Проблемы методологии и источникового корпуса.

Историография

Кризис ориентализма как интерпретационной модели: ревизия канона как часть его реанимации. Анализируя то состояние, в котором к началу 2020-х гг. оказались подходы, известные в литературе под родовыми именами «ориентализм» и «постколониализм», вероятно, имеет смысл констатировать их кризис в качестве интерпретационных моделей, ранее претендовавших если не на универсальность, то как минимум на доминирование в определенных сегментах историографии. Кризис направления стал следствием целого ряда факторов. В 2003 г. скончался создатель этого подхода. Тексты, которые воспроизводили ориенталистский дискурс или имитировали его, выходили преимущественно в 1980–2000-е гг. Интерпретационная модель, предложенная в «Ориентализме», оказалась не столь эффективной как другие идеи, возникшие в истори-

ографии несколькими годами позднее, включая концепции «воображаемых сообществ» [18] и «изобретения традиций» [77].

Фактор, связанный с противоречивыми политическими предпочтениями Э. Саида и его несколько спорной репутацией, также не могли содействовать росту популярности предложенной им концепции. В целом, к 2020 г. ориентализм, с одной стороны, успел стать частью интеллектуальной истории западной историографии, а с другой – число подлинных «ориенталистов» и последовательных популяризаторов этого подхода сократилось. В такой ситуации попытки ревизии постколониального анализа становятся актуальными.

Для реанимации постколониализма (если таковая ему, конечно, необходима) возможно применение двух стратегий. Мы можем вновь и вновь использовать «ориенталистский» подход и связанный с ним язык в рамках анализа его традиционных сюжетов, т.е. антиколониальных интеллектуальных и националистических политических активностей и культурных практик, что представляется не столь эффективным в силу того, что мы обречены на вторичность. Если мы хотим не возродить постколониализм (т.к. это слишком амбициозно), но придать новые стимулы междисциплинарным исследованиям, более рационально и целесообразно использовать «ориенталистский» подход для изучения таких текстов, к которым он ранее практически не применялся, или его использование имело ограниченный характер.

Речь идет о попытке интерпретации или ревизии в стилистике, предложенной в рамках постколониального подхода, смыслов и значений романов американского писателя-фантаста Фрэнка Херберта [14; 61; 76; 78], формирующих цикл «Хроники Дюны» [50; 51; 52; 53; 54; 55], а также текстов, вдохновленных оригинальным циклом и написанных сыном писателя Брайаном Хербертом и его соавтором Кевином Андерсоном [40; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49].

Ориентализм и постколониализм в историографических ситуациях 2020-х гг. Несмотря на формальное признание постколониального подхода как одного из универсальных языков гуманитарного знания и закрепление за ориентализмом статуса в культурной

и интеллектуальной истории науки и археологии идей, к 2020-м гг. статус и положение этих подходов в гуманитарных науках было спорным. Если ориентализм ассоциировался с западными попытками воображения Востока как Ориента в категориях «подчинения», «подавления» и «доминирования», то постколониализм, наоборот, имел репутацию универсального метода, призванного деконструировать негативное влияние Запада в восточном мире путем как демонтажа, так и ассимиляции западных интерпретационных моделей одновременно.

Комментируя особенности развития этих подходов в гуманитарном, болгарский историк Н. Аретов подчеркивает, что «в классическом случае модернизм возникает в современном обществе и связан с людьми, которые имеют современные идеи для мира, которые нашли свое выражение в своих работах. Или, другими словами, модернизм – это не только совокупность текстов, он подразумевает определенный социальный и культурный контекст, определенное мировосприятие и существование традиции, которая должна быть отвергнута». Подобная редукция модерна до исключительно западного интеллектуального канона вовсе не исключает, что могут возникать и незападные формы модерна как интерпретационной модели. Поэтому, «современное общество может стимулировать некоторые (частично) современные идеи для мира представителей наций и этнических групп, где процесс модернизации не завершен» [9, с. 12].

К числу таких модернистских по своей природе моделей интерпретации могут быть отнесены постколониализм и ориентализм. Разводя эти две категории, которые начиная с конца 1970-х гг. успели стать изобретенными историографическими традициями, во внимание следует принимать и то, что ориентализм постепенно редуцировался до частного случая постколониального подхода, став одной из страниц его интеллектуальной истории и археологии идей. На протяжении 2000-х гг. стали заметны кризисные тенденции в функционировании постколониального анализа, т.к. категории «постколониализм» и «ориентализм» начали «извлекаться» из традиционных арабских контекстов, трансплантируясь в балканские

и западные культурные пространства, что позволило некоторым авторам указывать на кризис подхода.

Арабские интеллектуалы, которые, начиная с конца 1970-х гг. не только стремились интегрировать постколониальную модель эпистемологии, но и пытались ассимилировать ее, были вынуждены от раннего восхищения перейти к констатации кризиса. На современном этапе они нередко предпочитают конструировать свой проект постколониального модерна как гуманитарной эпистемологии через деконструкцию западного модерна. В. Халлак полагает, что большинство «проявлений кризиса, которые были созданы модернистским проектом, и его когнитивными системами, нуждаются в пересмотре, включая уничтожение окружающей среды, глобальный империализм, отрицающий человечность людей, создание фатальных политических образований, отравление источников пищи и воды, уничтожение биоресурсов, социальная дезинтеграция и усиление суверенного индивидуализма, нарциссизм и психические заболевания, связанные с эпидемическим ростом самоубийств» [65]. Постколониальный модус описания идентичностей и анализа культурных ситуаций постепенно утратил свою более раннюю географическую ограниченность, начал активно использоваться как универсальный язык для изучения западных сюжетов, редуцированных из политических и культурных штудий Ближнего Востока до различных форм массовой культуры современного западного общества, где ориентальные и постколониальные мотивы оказались достаточно широко представлены в научно-фантастическом дискурсе массовой культуры общества потребления, включая тексты, формирующие цикл романов «Дюна» Фр. Херберта и его наследников.

От источникового корпуса к лингвистической модели интерпретации ориентализма в западной научной фантастике. Источниковый корпус статьи представлен текстами Фр. Херберта и его продолжателей, относящихся к циклу «Дюны». К 2020 г., т.е. моменту издания последнего романа цикла, в его состав вошло 19 произведений, опубликованных в период между 1965 и 2016 гг. [40-49;

50-55]. Статья не позиционируется ни в качестве позитивистской по методу написания, ни вводной в проблематику постколониального и ориенталистского в «Дюне». Автор не считает необходимым пересказывать сюжеты анализируемых текстов, т.к. предполагается знакомство с ними потенциального читателя. Интерпретация источникового корпуса статьи актуализирует ситуацию конфликта между радикальной гуманитарной эпистемологией, которая по своей природе междисциплинарна, и рецидивами позитивистского описательного подхода [3; 4], основанного на склонности к изоляции гуманитарного знания в пределах ограниченного сообщества, неудачных и неясных формулировках, ошибочных утверждениях и невнятных конструкциях, унаследованных от советской модели гуманитарного знания, воспроизводстве идеологически и политически мотивированных клише, что сочетается с незнанием новейшей научной литературы.

Комментируя общие закономерности функционирования исторического знания в современном обществе, российский историк М. Кром полагает, что рано или поздно «деконструкция базовых понятий, на которых строилась вся концепция истории и историографии», ставит историков «в очень непростое положение»: они, с одной стороны, «могут разрабатывать частные сюжеты, пользуясь языком источников для построения нарратива», но, с другой, им явно будет не хватать «понятийного аппарата для серьезных обобщений» [6, с. 110]. Подобные кризисные симптомы заметны и в значительной части текстов, составляющих «твердое ядро» описательного литературоведения, редуцирующего анализ до описательно реферативности, хотя возможна и иная перспектива изучения ориентального и постколониального в текстах цикла «Дюны». Специфика источникового корпуса, представленного текстами, возникшими в рамках американской массовой культуры, а также историографическая традиция использования постколониализма для изучения географически гетерогенных культурных ситуаций определили особенности академического дискурса междисциплинарных постколониальных штудий.

На своем пути к постколониализму как языку исторического воображения с претензиями на универсальность интеллектуалы не избежали влияния структурализма, основанного на синтезе «лингвистики как дисциплины-образца и двух господствующих дисциплин – социологии и этнологии, и двух авторитетных доктрин – марксизма и психоанализа», нового историзма, критической парадигмы, позволившей провести «резкую границу между научным и обыденным знанием, имплицитно основанной на антропологическом пессимизме», интерпретационного поворота, который дал историкам «возможность не ограничивать себя ложной альтернативой между ориентированной на монокаузальную схему научностью и эстетизирующим отклонением от нее» и, как результат, «отказом от основанного на детерминистских посылках проекта тотальной истории», когда «историки обратились к изучению отдельных объектов прошлого» [1, с. 11-13].

В этой ситуации представленная статья фактически воспроизводит травмы речевого рождения постколониализма на стыке политического протеста колониальных интеллектуальных сообществ и интеграцией их методологического языка в фактически чуждый западный инструментарий, который воспроизводит свои интерпретационные модели, где концепты «воображение» и «изобретение», а также их производные становятся центральными нарративами. Комментируя эту особенность академического языка современной историографии, У. Абу Иршид полагает, что большая часть такой терминологии является политически и идеологически «сфабрикованной» [80], а В. Кандил указывает на то, что «никто не в состоянии конкурировать с арабскими элитами в деле использования терминов... складывается впечатление, что арабы добровольно и мирно сами заперли себя в холокосте терминов и классификаций, циркулирующих в течение почти целого века в условиях преобладания моделей множественной культуры поглотившей арабский регион в форме колониальных определений и теорий, воспринятых некоторыми элитами почти как священные тексты» [84], что автоматически переносится к академический дискурс, воспринимаемая

не только арабскими, но и западными авторами как часть лингвистического канона постколониального анализа, которому необходимо следовать.

Фактически в представленной статье предпринимается попытка применить категории постколониализма для изучения цикла «Дюны» как культурного явления, которое возникло не в постколониальном обществе, но в содержательно других культурных пространствах, наоборот, ассоциирующихся с феноменом навязывания колониализма. При этом автор признает, что в определенной степени оказался, как и другие исследователи, перед дилеммой выработки языка и модуса описания изучаемой проблематики. В этой ситуации, трансплантируя категорию постколониальности из восточных контекстов в американскую массовую культуру, мы рискуем оказаться заложником лингвистических ярлыков, сгенерированных не нами, но западными культурными фобиями [35].

Фобия и предубеждение сторонников позитивизма перед лингвистическими особенностями постколониального дискурса, основанного на воспроизводстве гранд-нарративов «воображения» и «изобретения», представляется неуместной. Поэтому, комментируя роль гранд-нарративов в развитии исторической науки, российский историк П. Уваров смог, вероятно, сформулировать одну из их универсальных характеристик, подчеркнув, что его «особенно веселят разговоры о “смерти больших нарративов истории”, таких как “нации” или “классы”. Насчет классов не знаю, а вот нации вовсе не собираются сходиться с подмостков историографической сцены, скорее, наоборот. Не говоря уже о государствах и конфессиях» [2, с. 60]. Трансплантируя это предположение, в контексты данной статьи, вероятно, следует признать, что по своей природе гранд-нарративы «воображения» и «изобретения», заимствованные нами из конструктивистской историографии, столь же адекватно могут описать ситуации постколониальности и проявления ориентального канона в американской научной фантастике, редуцированного в представленном тексте до цикла «Дюна», как и сугубо описательные и национально замкнутые практики несоветского литературоведения.

Анализ ориентального и постколониального в текстах цикла «Дюны», вероятно, представляется невозможным без актуализации больших нарративов современной историографии, выработанных при описании восточного в западной массовой культуре. Эти нарратива российским историком Н. Копосовым определяются как «коллектив-сингуляры», т.е. «индивидуальные собирательные имена» [5, с. 80]. Если в случае с западной историографией такими собирательными именами стали «дворянство», «крестьянство» или «революция», то в арабском историческом воображении их место заняли категории «модерна», «ориентализма» или «колониализма», которые автоматически переносятся в современные постколониальные междисциплинарные исследования. Если «современность внесла в легитимность человеческого общества то, что политическое по определению представляет собой набор верований и мифов, наиболее важным из которых является проблема идентичности – мифа о необходимости соответствия между государством и коллективной идентичностью его граждан» [68], то постколониальность в современной массовой культуре, включая тексты цикла «Дюна», редуцируется до попыток деконструкции этих категорий.

Ориентальное в «Дюне»:

социальные и политические стимулы, проблемы прототипов

Если воспринимать тексты, формирующие цикл «Дюны», как в большей или меньшей степени ориенталистские, во внимание следует принимать и внешние политические, социальные и культурные контексты их появления на американском книжном рынке. Вероятными внешними побудительными мотивами, которые стимулировали Фр. Херберта интегрировать арабские мотивы в дискурс американской научной фантастики в форме ориентализма, стали события в арабском мире 1960–2020-х гг., включая процессы политической консолидации и модернизации арабских стран, революционные социалистические эксперименты в ряде государств региона, как подавление, так и ответный рост исламского фундаментализма и политического ислама, рост национализма и попытки трансплан-

тации нации и нации-государства как политических универсалий в арабские политические и социальные пространства, военные конфликты как между арабскими государствами, так и Запада с ними, революции и тенденции дестабилизации в регионе. На генезис «Дюны» повлияли «исламское богословие, мистицизм и история арабского мира» [32]. Кроме этого в качестве отдельного фактора следует упомянуть Исламскую революцию в Иране, и хотя Иран не является арабской страной, это событие, тем не менее, самым существенным образом повлияло на формирование восточных образов в западных идентичностях, определив векторы и траектории развития литературного ориентализма в американской научной фантастике. При этом, вероятно, будет упрощением и схематизацией искать в текстах, входящих в цикл «Дюны», отражение конкретных событий новейшей арабской истории.

Если воспринимать тексты Фр. Херберта и его литературных наследников и продолжателей как постмодернистские, то мы имеем дело с текстами-конструктами и симулякрами, которые не только воспроизводят ориентализм, но и подвергают его определенной ревизии в соответствии с канонами и запросами массовой культуры как интеллектуальное место памяти западной литературной традиции, имитируя и симулируя ориентальные, в данном случае – арабские, мотивы и образы.

Если воспринимать тексты, формирующие цикл «Дюны», как произведения, отражающие политические, социальные, культурные и религиозные процессы периода их написания, то актуальным становится вопрос о реальных исторических прототипах героев как классического первого романа [33], так и его более поздних продолжений или приквелов, написанных как Фр. Хербертом, так и его наследниками. Содержание романов достаточно подробно проанализировано в имеющихся немногочисленных научных публикациях [61; 76], кроме этого тексты Фр. Херберта были трижды экранизированы [21; 22; 23; 24; 27; 38; 75], что освобождает автора статьи от пересказа этих текстов, позволяя сосредоточиться на анализе возможных прототипов основных героев,

включая Пола Атрейдеса или Муад'Дибя и падишаха-императора Шаддама IV Коррино.

Если основными моментами в политической и религиозной биографии Пол Атрейдеса или Муад'Дибя были рождение от наложницы в аристократической семье и принадлежность к элите Империи, установление контактов с местным населением планеты Арракис, превращение в их политического и религиозного лидера, победа над правительственными войсками с дальнейшим установлением авторитарного режима, основанного на религиозном фундаментализме, отречение от власти и убийство религиозными фанатиками за осуждение собственного культа, позволяет предположить, что среди его возможных исторических прототипов могли быть несколько исторических деятелей, включая

- Сейид Али Мухаммад Ширази (1820–1850, проповедник, известный как инициатор и лидер религиозного антиправительственного движения в Персии в 1844–1850-х гг.),
- Томас Эдвард Лоурэнс (1888–1935, британский археолог и военный деятель, бывший незаконнорождённым сыном аристократа, стал известен как советник арабского принца Фейсала в период антиосманского восстания 1916–1918 гг., которые привело к появлению независимых арабских государств в регионе Ближнего Востока),
- аятолла Хомейни (1902–1989, иранский богослов, пришедший к власти в 1979 г. в результате Исламской революции, установившей фундаменталистский режим).

Собирательный образ Муад'Дибя, вероятно, имеет несколько исторических прототипов, деятельность которых, таким образом, носила преимущественно религиозный характер и была связана с Ближнем Востоком. Несмотря на то, что наиболее реальные кандидаты на статус исторических прототипов Муад'Дибя были персами (а не арабами), тем не менее, некоторые траектории воображаемой биографии махди в романах Фр. Херберта можно рассматривать как проецирование исторического и политического опыта именно этих политиков.

Некоторые авторы и вовсе в качестве прототипа Муад'Дибба склонны рассматривать Мухаммеда [36; 37], что чрезмерно радикально даже для постмодернистского воображения, в значительной степени основанного на деконструкции. Комментируя особенности применения этого метода в постколониальном анализе, Г. Спивак полагает, что это – «не просто разрушение. Это также сооружение. Это критическая близость, а не критическая дистанция. Ты фактически говоришь изнутри. Это и есть деконструкция» [74], но в случае с циклом «Дюна» мы имеем дело с преимущественно западным восприятием, когда интеллигент, формально относящийся к группе колонизаторов, пытается говорить от лица колонизированных. Генезис «Дюны» условно можно связывать и с культурным эхо текстов, которые формировали привлекательный образ Востока как центра сопротивления против колонизации. В ряде случаев в качестве возможного прототипа рассматривается имам Шамиль, но такая генеалогия в значительной степени вторична, т.к. Ф. Херберт мог быть вдохновлен не самим Шамилем, а его литературным переосмыслением и конструкцией его образа в романе «Саблы раи» («The Sabres of Paradise», 1960) Лэсли Бланча [30]. В целом, образ Муад'Дибба собирателен, эклектичен и гетерогенен и в этой ситуации среди его возможных прототипов в одинаковой степени могут быть Хафез аль-Асад и Башар Асад, но такая точка зрения представляется чрезмерно радикальной, основанной на ориентализме как присвоении и трансплантации, в данном случае – переносе (причем вторичном, вызванном современной политической повесткой дня) восточных / арабских образов в контексты американской массовой культуры. В этом культурном и интеллектуальном контексте «Дюна» – совокупность постколониальных текстов, основанных на присвоении арабского как восточного и его интеграции в американские масс-культурные контексты. Причем, это постколониальное «присвоение» в ряде случаев носит вторичный характер, т.к. основано на реинтерпретации уже ранее присвоенного ориентального контента.

Принимая во внимание особенности и моменты воображаемой биографии падишаха-императора Шаддама IV Коррино, включая

противоречивую политику в сфере армии и обороны (на протяжении первых шестнадцати лет его правления число бурсегов (генералов) удвоилось, а финансирование сардукаров непрерывно сокращалось), рост расходов на чиновничий аппарат и нужды двора, увеличение числа социальных, экономических и политических противоречий, фримены на планете Арракис начали вооруженное восстание, чем фактически остановили поставки ресурсов, правительственные войска были разгромлены, к власти пришли религиозные фанатики Муад'Диба, а сам падишах-император был вынужден отправиться в изгнание) в качестве его вероятных прототипов можно рассматривать персидского царя Дария III, последнего султана Османской Империи Мехмеда VI, последнего шахиншаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви.

Образ Шаддама IV в романах цикла «Дюны» актуализирует и повторяет некоторые траектории из биографий трех этих восточных политиков, что позволяет предположить, что именно незападные, но ориентальные, процессы и реалии были среди тех определяющих стимулов, которые вдохновили Фр. Херберта на создание своего цикла.

Романы, формирующие цикл «Дюны», стали формой не только ориентализма, но и постколониального сознания. В современном гетерогенном западном обществе, как полагает Х. Флинт, если «вы – человек арабского происхождения», живущий в западной стране, то «вы смиритесь с тем фактом, что вы не увидите много людей, похожих на вас, в кино, но если вы их и увидите, то они будут играть жен, таксистов или в большинстве случаев террористов» [36]. Некоторые американские критики последовательны в своих попытках интерпретации «Дюны» в контекстах постколониального анализа и, поэтому, определяют тексты Фр. Херберта как тексты-«присвоения» [37]. В данном случае, если мы имеем в виду умеренные академические тренды в историографии, речь идет о «присвоении» западным миром ориентальной специфики, в то время как сторонники радикальной эпистемологии доводят анализ процессов «присвоения» до вопросов сексуальности, гендера, цве-

та (кожи) и расы [56]. Воображаемый Запад «присвоил» Ориент с целью его дальнейшей интеграции в свою упрощенную массовую культуру, что позволило сформировать в ее рамках уникальный дискурс «мусульманского футуризма» [16] – исламского по форме, но западного по содержанию в силу своей вторичности, проистекания от присвоения и интеграции в пространства массовой культуры.

Истоки подобного «присвоения» Ориента в американской фантастике, к которой принадлежат тексты Фр. Херберта, разнообразны и их не следуют сводить до примитивной трансплантации ориентального в окцидентальный культурный контекст. Появление ориентальных образов в американской фантастике было именно их присвоением, которое привело к дальнейшей ассимиляции в соответствии с канонами массовой культуры, хотя имеют попытки сравнивать тексты Фр. Херберта с работами С. Рушди [15], что в большей степени является вольным допущением. Если «Дюну» и «Сатанинские стихи» и можно воспринимать как формы и проявления ориентализма, то они принадлежат к двум его различным версиям, актуализирующим уровни «низкой» и «высокой» культуры, если эта типология, конечно, применима к объектам исследований в рамках постколониального анализа.

Фр. Херберт в своих попытках присвоения Ориента продолжает традиции Просвещения, т.к. именно этой эпохе коллективный Запад обязан тем научным инструментарием и теми интерпретационными моделями, которые позволили сформировать ориенталистский канон в западном культурном и историческом воображении. Болгарский французский философ Ц. Тодоров, комментируя роль Просвещения, полагал, что именно оно создало «идеологические основания европейского колониализма», утвердив идею «единства человеческого рода и, следовательно, универсальность ценностей» [13, с. 25]. Поэтому некоторые американские критики арабского происхождения, например Лейла и Зейна Уджайли [79], не только склонны воспринимать тексты «Дюны» как ориенталистские, но и указывают на то, что американская научная фантастика, актуализирующая арабские мотивы, стала формой легитимации внешней

политики, с которой масс-культовых писателей роднит способность игнорировать аутентичную арабскую культуру и предпочитать не слышать критические отзывы ее носителей. Возможно, что именно вера в универсальность ценностей позволила Фр. Херберту превратить вообразенную религию, которая фактически представляла модифицированный ислам (что не исключает попыток интерпретации «Дюны» в христианско-центричной системе координат [62]), в коллективного героя, сделав фрименов, как идеальных мусульман, носителями тех универсальных ценностей (социальная справедливость, право борьбы против несправедливого режима, осознание необходимости защиты экологии), дефицит которых испытывали сами американские интеллектуалы в реалиях США 1960–1980-х гг.

Цикл «Дюна» в этом отношении интересен как именно ревизионистская попытка сложившегося канона: фримены, прототипами которых были арабы, актуализируют ценности и добродетели отваги и доблести, а махди, лидер религиозных фундаменталистов и фанатиков, и вовсе оказывается человеком, изначально принадлежащего к другому сообществу, в описании которого прозрачно просматриваются черты западного общества. В этой идеализации арабов Фр. Херберт и его наследники выступают как ориенталисты, потому что сами конструируют свой собственный вообразенный мир с явными арабскими элементами, но попытка подобной конструкции в целом оказывается составной частью ориенталистского канона, важным элементом которого является присвоение, т.к. и Фр. Херберт и его продолжатели предпочли игнорировать аутентичные арабские источники, несмотря на то, что именно арабские интеллектуалы в тех проблемах, которые затрагивает цикл «Дюны», могут рассматриваться как «выдающиеся эксперты и жертвы одновременно», т.к. «под влиянием колониальной эксплуатации Ближнего Востока для добычи нефти оригинальный роман Фрэнка Герберта опирается на арабскую и исламскую историю, чтобы исследовать эксплуатацию ресурсов и угнетение» [79], чего, по мнению сторонников постколониального анализа, явно недостаточно. Аналогичные претензии сторонники постколониальной теории предъявляют

и экранизациям «Дюны», настаивая на том, что «в фильме, критикующем эксплуатацию ресурсов пустыни, населенной коренными народами, которые носят одежду Магриба, говорят по-арабски и фактически совершают пародию на исламское богослужение, арабские актеры не произносят ни слова, осуждающего империализм или эксплуатацию» [79]. Поэтому приверженцы ориенталистского прочтения текстов из цикла «Дюна» склонны полагать, что опора на арабский опыт не столь важна, как сочувствие в отношении арабского национализма как формы социального и национального протеста. В этом контексте тексты «Дюны» и вовсе превращаются в постколониальные, т.к. ответственность за проблемы Арабского Востока и его религиозную радикализацию возлагается на внешние силы, некий коллективный воображаемый Запад.

Внешняя ориентализация текста: лингвистические ориентализмы

Если ориентализм в западной литературе 19–20 вв. основан на использовании восточных образов, их упрощении и интеграции в европейские и американские культурные пространства в качестве культурных или символических товаров, то Фр. Херберт и его последователи не только использовали восточные / ориентальные мотивы, но и сконструировали на их основе мир, который в реальности никогда не существовал. В этой ситуации мир Дюны – это мир-конструкт, основанный на переосмыслении более раннего западного опыта литературной ассимиляции Оrients и его интеграции в научно-фантастический дискурс американской массовой литературы.

Если западные авторы, предшественники и современники Фр. Херберта, в своих текстах в большей или меньшей степени отражали социальные, культурные и религиозные особенности реального Оrients, то Фр. Херберт от этих формальных ограничений был фактически свободен, но, по логике Э. Саида, согласно которой каждый ориенталист создает и конструирует свой собственный Оrients [4, с. 7-9], американский автор, хотя и не относился к сфере

интересов В. Саида, предпочитавшего анализировать другие тексты [5], именно это и сделал, используя образы истории Востока для их интеграции в не существовавшие, но им же воображенные реальности.

Известно, что Фр. Херберт интересовался Ближним Востоком, и в определенной степени ориентальные образы в его текстах могут быть определены как проекция или развитие именно этого интереса. Несмотря на то, что все тексты Фр. Херберта, относящиеся к циклу «Дюны», и произведения его продолжателей написаны на английском языке, с лингвистической точки зрения тексты в определенной степени ориентализированы [25]. Вероятно, такая ориентация текста может быть определена как внешняя в отличие от внутренней, представленной ориентальными образами и мотивами научной фантастики как сегмента американской массовой культуры.

Вселенная Дюны, как и других подобных проектов американской массовой культуры, отличается значительной степенью детализации, в том числе и языка обитателей планеты Арракис. Большинство терминов фрименов, которые упоминаются в текстах Фр. Херберта и его продолжателей, генетически восходят к арабскому языку, точнее, его йеменскому и сирийскому диалектам, а сами фримены позиционируются как потомки землян-суннитов, переселившихся на другие планеты. Подобная этимология терминов из текстов Фр. Херберта признается многими исследователями и критиками, но некоторые определяют использование им арабизмов как «некорректное» [34]. Топоним «Карфаг» (англ. Carthag) этимологически восходит к семитскому «Карфаген». Ориентальная (арабская и персидская) этимология религиозных терминов «махди», «падишах» (перс. «великий царь», «царь царей») относительно прозрачна, хотя название системы верований воображаемой вселенной Дюны, «дзенсунни» («Zensunni» или «Nilotic al-Ourouba») представляет в большей степени конструкт, имеющий арабскую этимологию. Другая социальная и религиозная терминология Вселенной Дюны, включая «Муад' Диб» (англ. Muad'Dib, араб. «воспитанный»),

«бакка» (в английском оригинале – «bakka», плакальщица), «Китаб аль-Ибар» (Kitab al-Ibar, «книга объяснений»), «ихван» («ichwan» от араб. «эхван» – «братство»), «Лисан аль-Гаиб (Lisan al-Gaib, араб. «нездешний язык», или «Глас из Внешнего Мира») этимологически восходит к арабскому языку.

Значительная часть терминологии в романах Фр. Херберта, включая Шай-Хулуд (Песчаный червь), восходит к языкам семитской семьи, означая искаженное арабское «шах-е-хулуд» или «владыка вечности». Термин «Сайядина» («Sayyadina» в оригинальном английском тексте, «подруга Бога») также имеет истоки в языках семитской семьи. Аналогичную этимологию имеет и терминология («Аш!» – «Налево!»; «Гейрат!» – «Вперёд!»; «Дерш!» – «Направо!»; «Хайй-ио» – «Пошёл!»), связанная с управлением червями. Терминология, описывающая войну в целом («джихад», в английском оригинале – «jihad»), а также воинскую этику («тахадди» – вызов на смертельный поединок, «тахадди аль-бурхан» – испытание, не подлежащее отмене), в частности, в романах из цикла «Дюны», имеет арабское происхождение. Воинские должности в мире «Дюны» (федайкины, сардукары, бурсег, батор, башар) также отличаются арабской или более широкой восточной этимологией. Термин «Квисац Хадерах», обозначающий в мире Дюны результат генетических экспериментов, восходит к ивритскому «китцур хадерекх» («сокращающий путь»).

**Внутренняя ориентализация текста:
воображение / изобретение сообществ и социальные,
политические и религиозные измерения джихада**

Среди коллективных героев «Дюны» особое место принадлежит фрименам – одному из удачных примеров воображения сообществ и изобретения традиций в литературе. Реальные исторические истоки, культурные археологии, религиозные и политические генеалогии фрименов как сообщества в значительной степени разнообразны и гетерогенны. В самом общем плане, точнее, в религиозном смысле, историческими прототипами фрименов могут

быть определены мусульмане-шииты, а в этническом плане – арабы и берберы.

Воображая мир Дюны, Фр. Херберт и его последователи использовали реальные этнические общности и группы арабского мира. Известно, что среди групповых героев проекта особое место занимают фримены, которые несмотря на английские корни этого этнонима, имеют больше арабских, чем европейских черт и особенностей. Конструируя социальные, культурные и религиозные реалии фрименов, Фр. Херберт и его последователи в целом пребывали в рамках ориенталистского дискурса, используя арабские и мусульманские реалии, хотя некоторые исследователи интерпретируют их религиозный протест в категориях «крестового похода» [22].

В целом, фримены как воображаемое сообщество в прозе, тематически принадлежащей к циклу «Дюны», отличаются некоторыми приписанными им особенностями реальных восточных западных групп, среди которых наличие института правителей – наибов (в реальности существовавшего в средневековых странах с численным преобладанием мусульман). При этом некоторые критики указывают на то, что Фр. Херберт не конструировал образы фрименов в рамках ориенталистской парадигмы [60], полагая, что в текстах самого писателя и его наследников они нуждаются во внешнем управлении и, следовательно, их не нужно цивилизовать как классических колонизированных или колонизируемых. В литературе, сфокусированной на культурном анализе «Дюны», в качестве их прототипов воспринимаются берберы [17]. Кроме этого, в качестве прототипов / прообразов фрименов могут рассматриваться и исмаилиты, с которыми их сближает склонность к актуализации социального и принципов свободы воли в религиозном учении.

В этом контексте ориентализм прозы Фр. Херберта отличается значительными особенностями и практически не имеет точек соприкосновения с классическим ориентализмом «высокой культуры», который формировал образы Востока как экзотического и универсального Другого. В то время, когда классические ориенталисты в западных литературах 19 – первой половины 20 в. «дегума-

низируют жителей Востока и лишают их качеств “культурности”, “образованности” и “предприимчивости”» [30], то Фр. Херберт конструировал образы фрименов с использованием элементов ориенталистского языка, наделяя их арабскими чертами и особенностями, актуализируя тем самым их социальную сознательность в их противостоянии с системой.

Одним из центральных ориентальных мотивов в прозе Фр. Херберта и его наследников является джихад, т.е. насилие, в той или иной мере опирающееся на религиозные формы легитимации. При анализе конфликтных измерений классической «Дюны» во внимание следует принимать и то, что в историографии предлагались и альтернативные прочтения конфликта как классового, а не религиозного. Поэтому некоторые авторы склонны видеть в насилии «Дюны» не джихад, а социальную революцию [67]. Что касается Фр. Херберта, то он был знаком с многозначностью понятия «джихад» в исламской традиции, хотя его восприятие этого явления предусматривало сочетание религиозных и классовых мотивов. Если в исламе понятие джихад имеет двойственное значение, означая не только борьбу против неверных, но и борьбу против собственных пороков, то Фр. Херберт и его наследники актуализировали в своих текстах оба эти измерения джихада.

Мотивы джихада в текстах классического цикла прослеживаются в романах «Дюна» и «Мессия Дюны», где мотивы священной войны переплетаются с политической риторикой социального и религиозного сопротивления против авторитарного режима с целью дальнейшего освобождения и утверждения теократического порядка как формы устройства, которая некоторыми интеллектуалами воображалась как более справедливая. Вероятно, центральным текстом в постклассический период, который актуализирует образы джихада, следует признать «Дюна: Батлерианский Джихад», опубликованный в 2002 г. Примечательно различное отношение в американском обществе к самой проблеме джихада в период между выходом первых текстов и романа 2002 г, написанного уже наследниками Фр. Херберта.

Если в 1960-е гг. понятие «джихад» в США было знакомо только профессиональным ориенталистам, которых было сравнительно немного, то к концу 1970-х гг. образы ислама подверглись определенной политически и идеологически мотивированной демонизации (что стало результатом Исламской революции в Иране в 1979 г.). В первой половине 2000-х концепция «джихада» успела стать составным элементом негативных образов ислама как универсального Другого, что было вдохновлено террористическими актами 11 сентября. Тем не менее, проза как Фр. Херберта, так и его наследников не позволяет заключить, что американские интеллектуалы воспринимали джихад (а через него и ислам) исключительно негативно.

Появление и развитие подобных мотивов в американском интеллектуальном дискурсе 1960 – 1970-х гг. свидетельствует об одновременном сосуществовании и софункционировании ряда тенденций, среди которых 1) романтизированное и идеализированное восприятие ислама, 2) солидарность с арабами-мусульманами в их борьбе как против местных авторитарных режимов, так и угрозы со стороны поддерживаемого тогда США израильского сионизма, 3) склонность к критической оценке, неприятию и даже отрицанию американской капиталистической системы, которая некоторым авторам в США могла казаться нравственно неправильной в сравнении с идеализируемым ими же арабским Востоком.

В этом контексте ориентализм в американской научной фантастике возникал не только как часть собственно интереса к Востоку как Оrientsу, но и как проявление недовольства внутривосточной ситуацией в США. «Дюна: Батлерианский Джихад» представляет собой, вероятно, центральный текст в актуализации образов джихада в современной американской фантастической литературе, точнее, в ее ориенталистском течении, если таковое и существует. Если тексты как классической «Дюны», так и «Дюны: Батлерианского Джихада» и содержат образы джихада (анализируя тексты в рамках конструктивистской парадигмы, мы обречены на то, чтобы проецировать в них исламские образы джихада, что фактически является приписыванием смыслов литературному произведению, которые автор / авторы могли

в него и не вкладывать), то они могут быть описаны / интерпретированы / деконструированы в категориях антропологизации религиозного учения фрименов, в основу которого Фр. Херберт положил некоторые идеи шиитского ислама, что в первой «Дюне» и других текстах проекта представлено в учении Махди или Муад'Дибя.

Анализируя текст в попытке найти восточные истоки этой концепции, наиболее вероятными кандидатами окажутся иранский шиизм и бабизм. Этимология понятия «Махди» в текстах Фр. Герберта арабская, а само понятие связано с концептами «المهدي» («пророк») и «المنقذ» («спаситель»). В прозе Фр. Херберта контролем чистоты учения Махди занимался «Квизарат», полномочия которого сравнимы с реально существующим в Иране Советом экспертов. Если в классической «Дюне» антропологизация политически и идеологически мотивирована, представляя собой протест религиозных фанатиков против авторитарного режима (в этом контексте, если интерпретировать текст ориенталистски, его можно воспринимать как текст-послание и текст-предчувствие исламской революции в Иране, вызванной, в том числе, и дефицитом демократии предшествующего режима), то в «Дюне: Батлерианский Джихад» антропологизация фактически символизирует традиционность и антитехнократизм через продвижение политически маркированного лозунга «Человек не может быть заменён» («Man may not be replaced»).

Концепция джихада в «Дюне: Батлерианский Джихад» и вовсе становится попыткой литературизации в массовой культуре мифа национализма и национально-освободительного движения, т.к. в этом тексте джихад фактически выступает в качестве освободительной борьбы человечества против рабства машин, что, с одной стороны, было попыткой актуализировать идеи популярные в среде американских левых интеллектуалов о справедливости национализма, если он направлен на освобождение угнетенных сообществ-меньшинств, но, с другой, для американской массовой литературы на момент издания романа (2002) эта идея была более чем вторична, т.к. в значительной степени аналогичные мотивы уже успели стать общим местом ряда других проектов поп-культуры.

Предварительные выводы

В первой половине 2000-х гг. американским историком Дж. Мак-Ферсоном, подчеркивалось, что «ревизия является жизненной основой исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог между настоящим и прошлым. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым данным, за счёт лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной “истины” о событиях прошлого и их значении. Бесконечные попытки историков разобратся в прошлом, по сути “ревизионизм”, как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой» [66, р. 1]. Поэтому, выводы данной статьи носят в некоторой степени ревизионистский характер, т.к. по мнению автора, противоречат неопозитивистским описательным моделям, которые, к сожалению, доминируют в значительном числе формально научных текстов [10; 11], написанных с использованием устаревшего методологического инструментария, что автоматически отражается на общем языке подобных работ, стилистически и содержательно приближая его к советскому историографическому канону и автоматически исключая из современного гуманитарного знания.

Романы цикла «Хроники Дюны» и связанные с ними тексты актуализируют проблему идентичности и аутентичности ориентального. Аутентичен ли воображаемый и изобретаемый в анализируемых романах Ориент? Насколько он соотносится с современным Фр. Херберту идентичным Востоком? Иными словами, что первично – ориенталистская поэтика или рыночная логика фантастики как части массовой литературы общества потребления? Анализируя тексты, формирующие мир Дюны, вероятно, следует признать, что ориентализм в них вторичен, являя и представляя собой изобретенную традицию, одну из самых удачных как с художественной точки зрения, так и с точки зрения рыночной логики попытку актуализации восточного / ориентального в американской фантастической прозе. Несмотря на эту вторичность, ориентализм прозы Фр. Хер-

берта показывает, что американский писатель обладал такими познаниями в истории ислама и Востока (большинство аллюзий прозрачны и достаточно четко прочитываются: джихад, незападные и неевропейские, но в большей степени восточные имена героев, а также описанные культурные, религиозные, музыкальные и этнические реалии), которые позволили ему создать мир-конструкт, успешно ставший «изобретенной традицией».

Анализируемые тексты ставят вопрос как об их генезисе, так и культурном влиянии, интеллектуальных параллелях между Фр. Хербертом как американским писателем и многочисленными восточными интеллектуалами, которые были чрезвычайно активны в политическом и культурном плане в 1960–1970-е гг. Тексты, которые впоследствии сформировали воображаемый мир Дюны, начали издаваться в 1963 г., за 15 лет до выхода «Ориентализма» Э. Саида. В этой ситуации, культурное влияние и соответствующие стимулы со стороны американского ученого вряд ли имели место, да и сам Э. Саид позднее предпочитал анализировать тексты несколько иного свойства и плана, в большей степени относящиеся к «высокой культуре», условной литературной классике (что заметно и в других его работах), а не массовой культуре американской фантастической литературы. Вероятно, в этой ситуации основными стимулами для возникновения мира Дюны, с одной стороны, стали собственные интересы Фр. Херберта, а, с другой, политическая активизация арабского мира, его социальное и культурное пробуждение после второй мировой войны, сопровождавшееся втягиванием в процессы модернизации.

Если принимать парадигму классического ориентализма в версии его основателя, романы из цикла «Дюны» могут быть интерпретированы как типично ориенталистские, т.к. они, подобно более ранним западным текстам, не ставят задачи объективно и реально описать Восток (впрочем, не имеет смысла требовать и ожидать подобного от писателя-фантаста), но лишь воображают, изобретают и конструируют свой собственный Ориент, имитируя и симулируя мусульманские мотивы и оттенки. Тексты, формирующие цикл

«Дюны», ориенталистские и в силу того, что они западные – фактически Фр. Херберт, в большей степени, и его продолжатели, в несколько меньшей, поднимали политически неудобные и идеологически нежелательные вопросы о колониализме, дискриминации и неравноправии и, как следствие, о национальном и религиозном освобождении, т.е. фактически об антиколониальной борьбе для западного общества, когда толерантность была только изобретаемой традицией и не успела стать частью доминирующего культурного дискурса.

Тексты «Дюны» могут быть прочитаны и реинтерпретированы, т.е. подвергнуты ревизии в рамках ориенталистской парадигмы, но этот подход обеспечивает потенциальных исследователей только одним из возможных модусов анализа и интерпретации западных представлений о Востоке как Oriente (Oriente покоренном, Oriente революционном, Oriente религиозном, пребывающем в ожидании махди, и Oriente социально борющимся за справедливость), локализованных в пространствах фантастического дискурса как части массовой литературы общества потребления.

Список литературы

1. Досс Ф. Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 9-56.
2. Кобрин К., Уваров П. Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать // Неприкосновенный запас. 2007. № 55. С. 54-72.
3. Кофман А.Ф. Тема варварства в испаноамериканской литературе // Литература двух Америк: Историко-литературный журнал. 2016. № 1. С. 8-49.
4. Кофман А.Ф. Испанский конкистадор. От текста к реконструкции типа личности. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 303 с.
5. Копосов Н. Исторические понятия в мире без будущего // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 57-93.

6. Кром М. Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 94-125.
7. Плешак Д. Белые маски насилия: краткое введение в постколониализм // НОЖ. Интеллектуальный журнал о культуре и обществе. 10.09.2020. <https://knife.media/postcolonial-studies/> (дата обращения: 19.09.2020)
8. Ападурай А. Свободната модерност. Културни измерения на глобализацията / прев. от англ. М. Димитрова, Г. Христов, ред. Е. Тодорова. София: ИК «Лик», 2006. 322 с.
9. Аретов Н. Диалектика на традиционното и модерното в българската национална митология. «Миналото» на Стоян Заимов // Култура и критика. Варна: LiterNet, 2003. Т. 3. Краят на модерността? / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. С. 10-27.
10. Ганди Л. Постколониална теория. Критическо въведение / прев. от англ. М. Атанасова. София: Издателство «Кралица Маб», 2005. 221 с.
11. Саид Е. Ориентализмът / прев. Л. Дуков. София: Издателство «Кралица Маб», 1999. 441 с.
12. Саїд Е. Култура й імперіалізм / пер. з англ. К. Ботанова та інші. Київ: Критика, 2007. 608 с.
13. Тодоров Ц. Духът на Просвещението / прев. от френски Т. Атанасова, науч. ред. Ст. Атанасов. София: УИ «Св. Климент Охридски», 2009. 116 с.
14. Abernathy S. Frank Herbert's Dune and Salman Rushdie's Satanic Verses // Medium. 2019. March 24. <https://medium.com/@sidnathy/frank-herberts-dune-and-salman-rushdie-s-satanic-verses-82ddc6af2af1> (дата обращения: 19.09.2020)
15. Ahrens Ch. Muslim Futurism and "Dune" // Charles Center Summer Research Blog. 2019. August 27. <http://ccsummerresearch.blogs.wm.edu/2019/08/27/charles-center-research-1-muslim-futurism-dune/> (дата обращения: 19.09.2020)
16. Amiras M.Z. Amazighité, Arab/Islamic Hegemony, and the Christian Evangelical Challenge // Religion, Politics, and Globalization: Anthro-

- polological Approaches / eds. G. Lindquist, D. Handelman. Oxford: Berghahn Books, 2011, pp. 209-230.
17. Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. L.: Verso, 1983. 256 p.
  18. Aravamudan S. Enlightenment Orientalism: Resisting the Rise of the Novel. Chicago: The University of Chicago Press, 2011. 360 p.
  19. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. (eds.). The Post-Colonial Studies Reader. L.: Routledge, 1994. 526 p.
  20. Asher-Perrin E. The Legacy of Muad'Dib: The Cult That Frank Herbert Never Wanted // Tor.com. 2014. October 8. <https://www.tor.com/2014/10/08/the-legacy-of-muaddib-the-cult-that-frank-herbert-never-wanted/> (дата обращения: 19.09.2020)
  21. Asher-Perrin E. David Lynch's Dune is What You Get When You Build a Science Fictional World With No Interest in Science Fiction // Tor.com. 2017. April 18. <https://www.tor.com/2017/04/18/david-lynchs-dune-is-what-you-get-when-you-build-a-science-fictional-world-with-no-interest-in-science-fiction/> (дата обращения: 19.09.2020)
  22. Asher-Perrin E. Syfy's "Dune" Miniseries is the Most Okay Adaptation of the Book to Date // Tor.com. 2017. May 9. <https://www.tor.com/2017/05/09/syfy-s-dune-miniseries-is-the-most-okay-adaptation-of-the-book-to-date/> (дата обращения: 19.09.2020)
  23. Asher-Perrin E. Why It's Important to Consider Whether Dune Is a White Savior Narrative // Tor.com. 2019. March 6. <https://www.tor.com/2019/03/06/why-its-important-to-consider-whether-dune-is-a-white-savior-narrative/> (дата обращения: 19.09.2020)
  24. Baheyeldin Kh. Arabic and Islamic themes in Frank Herbert's "Dune" // The Baheyeldin Dynasty. The journey for wisdom starts with knowledge. 2004. January 22. <https://baheyeldin.com/literature/arabic-and-islamic-themes-in-frank-herberts-dune.html> (дата обращения: 19.09.2020)
  25. Baucom I. Out of Place: Englishness, Empire and the Locations of Identity. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999. 260 p.
  26. Berger W. Cover Story: Where Spice of Life Is the Vital Variety // The New York Times. 2013. March 16. <https://www.nytimes.com/2013/03/16/tv/cover-story-where-spice-of-life-is-the-vital-variety.html> (дата обращения: 19.09.2020)

27. Bhabha H. *The Location of Culture*. L.: Routledge, 1994. 409 p.
28. Bhabha H. *Nation and Narration*. L.: Routledge, 1990. 352 p.
29. Blanch L. *The Sabres of Paradise: Conquest and Vengeance in the Caucasus*. L. – NY.: Bookblast Publishing, 2015. 488 p.
30. Chambers I., Curti L. *The Post-colonial Question: Common Skies, Divided Horizons*. L.: Routledge, 1996. 269 p.
31. Collins W. The Secret History of “Dune” // *Los Angeles Review of Books*. 2017. September 16. <https://lareviewofbooks.org/article/the-secret-history-of-dune/> (дата обращения: 19.09.2020)
32. DiTommaso L. History and Historical Effect in Frank Herbert’s “Dune” // *Science Fiction Studies*. 1992. Vol. 19. No 3. P. 311 – 325.
33. *Dune Companion* / eds. D.E. Palumbo, C.W. Sullivan III. NY.: McFarland & Company, 2018. 197 p.
34. Elderkin B. A Guide To Dune’s Strange And Intense Religions, Gizmodo. *The News Of Tomorrow* // *Today*. 2020. May 22. <https://www.gizmodo.com.au/2020/05/a-guide-to-dunes-strange-and-intense-religions/> (дата обращения: 19.09.2020)
35. Fadil al-Fadil, Al-huiat al-earabiat wal‘amn al-lughwi: fi shaqqa‘ lughatina (Arab identity and linguistic security: towards the poverty of our language) // *Al-Araby al-Jadeed*. 2014. August 28. (in Arab)
36. Flint H. “Dune” and religious appropriation // *SyFyWire*. 2019. April 21. <https://www.syfy.com/syfywire/dune-and-religious-appropriation> (дата обращения: 19.09.2020)
37. Flint H. Why Arab and Islamic representation matters in the new “Dune” // *SyFyWire*. 2019. February 13. <https://www.syfy.com/syfywire/why-arab-and-islamic-representation-matters-in-the-new-dune> (дата обращения: 19.09.2020)
38. Fritz S. *Dune: Remaking the Classic Novel* // *Cinescape*. 2000. December 4. http://www.mania.com/dune-remaking-classic-novel_article_26343.html (дата обращения: 19.09.2020)
39. Herbert Br. *Dreamer of Dune: The Biography of Frank Herbert*. NY.: Tor Books, 2004. 592 p.
40. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: House Atreides*. NY.: Spectra, 1999. 624 p.

41. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: House Corrino*. NY.: Spectra, 2000. 512 p.
42. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: House Harkonnen*. NY.: Spectra, 1999. 624 p.
43. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: The Butlerian Jihad*. NY.: Tor Books, 2002. 624 p.
44. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: The Machine Crusade*. NY.: Tor Books, 2002. 624 p.
45. Herbert Br., Anderson K.J. *Hunters of Dune*. NY.: Tor Books, 2006. 528 p.
46. Herbert Br., Anderson K.J. *Mentats of Dune*. NY.: Tor Books, 2014. 448 p.
47. Herbert Br., Anderson K.J. *Navigators of Dune*. NY.: Tor Books, 2016. 448 p.
48. Herbert Br., Anderson K.J. *Sandworms of Dune*. NY.: Tor Books, 2007. 496 p.
49. Herbert Br., Anderson K.J. *Sisterhood of Dune*. NY.: Tor Books, 2012. 496 p.
50. Herbert Fr. *Chapterhouse: Dune*. NY.: Putnam Publishing, 1985. 464 p.
51. Herbert Fr. *Children of Dune*. NY.: Putnam Publishing, 1976. 444 p.
52. Herbert Fr. *Dune Messiah*. NY.: Putnam Publishing, 1969. 256 p.
53. Herbert Fr. *Dune*. NY.: Chilton Books, 1965. 412 p.
54. Herbert Fr. *God Emperor of Dune*. NY.: Putnam Publishing, 1981. 411 p.
55. Herbert Fr. *Heretics of Dune*. NY.: Putnam Publishing, 1984. 683 p.
56. Herman P. *The Blackness of Liet-Kynes: Reading Frank Herbert's Dune Through James Cone // Religions*. 2018. Vol. 9. No 9. <https://www.mdpi.com/2077-1444/9/9/281/htm> (дата обращения: 19.09.2020)
57. Iwamura J. *Virtual Orientalism: Asian Religions and American Popular Culture*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 214 p.
58. Jameson F. *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press, 1991. 438 p.
59. King R. *Orientalism and Religion: Post-Colonial Theory, India and "The Mystic East"*. L. – NY.: Routledge, 1999. 296 p.
60. Kunzru H. *Dune, 50 years on: how a science fiction novel changed the world // The Guardian*. 2015. July 3. <https://www.theguardian.com/books/2015/jul/03/dune-50-years-on-science-fiction-novel-world> (дата обращения: 19.09.2020)

61. Lacroix I. Les enseignements de Dune: Enjeux actuels dans l'oeuvre phare de Frank Herbert. Quebec City: Presses de l'Université du Québec, 2020. 253 p.
62. List J. "Call me a Protestant": Liberal Christianity, Individualism, and the Messiah in *Stranger in a Strange Land*, *Dune*, and *Lord of Light* // *Science Fiction Studies*. 2009. Vol. 36. No 107. March. <https://www.depauw.edu/sfs/backissues/107/list107.htm> (дата обращения: 19.09.2020)
63. Lockman Z. *Contending Visions of the Middle East: The History and Politics of Orientalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 344 p.
64. MacKenzie J.M. *Orientalism: History, Theory and the Arts*. Manchester: Manchester University Press, 1995. 256 p.
65. Mahna al-Habil, Al-tmrrd ealaa al'akadimiat al-gharbiat bayn Hilaq wa Saeid (Revolt against the Western Academy: between Hallaq and Said) // *Al-Araby al-Jadeed*. 2020. December 1. (in Arab)
66. McPherson J. Revisionist Historians // *Perspectives on History: newsmagazine of the American Historical Association*. 2003. Vol. 41. No 6. 2003. P. 1.
67. Morton T. Imperial Measures: *Dune*, Ecology and Romantic Consumerism // *Romanticism on the Net*. 2001. February. No 21 (Romanticism and Science Fictions). URL.: <https://www.erudit.org/en/journals/ron/1900-v1-n1-ron433/005966ar/>
68. Muhamad Hafiz Yaequb, Al-hwyt walhryt wnhn (Identity, Freedom and Us) // *Al-Araby al-Jadeed*. 2020. April 19. (in Arab)
69. Murphy S. Building the Perfect DUNE // *Video Watchdog*. 2014. December 15. <http://www.figmentfly.com/published/dunearticle.html> (дата обращения: 19.09.2020)
70. *Orientalism: A Reader* / ed. A. Macfie. NY.: NYU Press, 2011. 400 p.
71. Quinn R. *An Analysis of Edward Said's Orientalism*. L. – NY.: Macat, 2017. 108 p.
72. Said E.W. *Orientalism*. L. – NY.: Pantheon Books, 1978. 368 p.
73. Shelton M. *Mysteries of Dune: Sufism, Psychedelics, and the Prediction of Frank Herbert*. NY.: Temple of Justice Books, 2020. 74 p.
74. Spivak G. *Critical Intimacy: An Interview with Gayatri Chakravorty Spivak*. Steve Paulson interviews Gayatri Chakravorty Spivak // *Los Angeles Review of Books*. 2016. July 29. <https://lareviewofbooks.org/>

- article/critical-intimacy-interview-gayatri-chakravorty-spivak/ (дата обращения: 19.09.2020)
75. Strasser Br. David Lynch reveals his battle tactics // *Prevue*. 2013. January 18. <http://www.thecityofabsurdity.com/dune/duneprevue.html> (дата обращения: 19.09.2020)
76. *The Dune Encyclopedia: The Complete, Authorized Guide and Companion to Frank Herbert's Masterpiece of the Imagination* / eds. Fr. Herbert, W.E. McNelly. NY.: Berkley Books, 1984. 526 p.
77. *The Invention of Tradition* / Eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 324 p.
78. *The Science of Dune: An Unauthorized Exploration into the Real Science Behind Frank Herbert's Fictional Universe* / ed. K.R. Grazier. NY.: Smart Pop Press, 2007. 232 p.
79. Ujayli L., Ujayli Z. What "Dune" and us foreign policy have in common. They both sideline Arab voice // *Inkstick*. 2020. September 10. <https://inkstickmedia.com/what-dune-and-us-foreign-policy-have-in-common/> (дата обращения: 19.09.2020)
80. Usamat abu Arshyd, Maearik al'iilgha' wal'iiqsa' bayn "elimaniayna" wa "islamiyin" (Battles to undo the distinction between "secularists" and "Islamists") // *Al-Araby al-Jadeed*. 2020. July 31. (in Arab)
81. Vandeviver N. *Edward Said and the Authority of Literary Criticism*. L. – NY.: Palgrave Macmillan, 2017. 362 p.
82. Varisco D.M. *Reading Orientalism: Said and the Unsaid*. Washington: University of Washington Press, 2017. 530 p.
83. Warraq I. *Defending the West: A Critique of Edward Said's Orientalism*. NY.: Prometheus, 2007. 500 p.
84. Wayil Qandyl, Al-diyn walthawrat fi mahraqat al-mustalahat (Religion and Revolution in Holocaust Terminology) // *Al-Araby al-Jadeed*. 2020. August 05. (in Arab)
85. Williams K. *Wisdom of the Sand: Philosophy and Frank Herbert's Dune*. NY.: Hampton Press, 2013. 226 p.

References

1. Doss F. Kak segodnya pishetsya istoriya: vzglyad s frantsuzskoy storony [How history is written today: a view from the French side]. *Kak*

- my pishem istoriyu* [How we write history] / eds. G. Garreta, G. Dufuot, L. Pimenova. M.: ROSSPEN, 2013, pp. 9-56.
2. Kobrin K., Uvarov, P. Svoboda u istorikov poka yest'. Vo vsyakom sluchaye – yest' ot chego bezhat' [Historians still have freedom. In any case - there is something to run from]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency ration], 2007, no. 55, pp. 54-72.
  3. Kofman A. Tema varvarstva v ispanoamerikanskoj literature [The topic of barbarism in Spanish-American literature], *Literatura dvukh Amerik: Istoriko-literaturnyy zhurnal* [Literature of the Americas: Historical and literary Journal], 2016, no. 1, pp. 8-49.
  4. Kofman A. *Ispanskiy konkistador. Ot teksta k rekonstruktsii tipa lichnosti* [Spanish conquistador. From text to personality type reconstruction]. M.: IMLI RAN, 2012, 303 p.
  5. Koposov N. Istoricheskiye ponyatiya v mire bez budushchego [Historical concepts in a world without a future]. *Kak my pishem istoriyu* [How we write history] / eds. G. Garreta, G. Dufuot, L. Pimenova. M.: ROSSPEN, 2013, pp. 57-93.
  6. Krom M. Ispol'zovaniye ponyatij v issledovaniyakh po istorii dopedrovskoy Rusi: smena vekh i novyye oriyentiry [The use of concepts in research on the history of pre-Petr Rus: a change of landmarks and new landmarks]. *Kak my pishem istoriyu* [How we write history] / eds. G. Garreta, G. Dufuot, L. Pimenova. M.: ROSSPEN, 2013, pp. 94-125.
  7. Pleshak D. Belye maski nasilija: kratkoe vvedenie v postkolonializm [White masks of violence: a short introduction to post-colonialism]. *NOZH. Intellectual magazine about culture and society* [KNIFE. Intellectual magazine about culture and society], 2020, September 10. <https://knife.media/postcolonial-studies/> (accessed 19.09.2020)
  8. Apadurāi A. *Svobodnata modernost. Kulturni izmerenija na globalizatsijata* [Free modernity. Cultural dimensions of globalization]. Sofia: IK «Lik», 2006, 322 p.
  9. Aretov N. Dialektika na traditsionnoto i modernoto v bülgarskata natsionalna mitologiya. “Minaloto” na Stoyan Zaimov [Dialectics of the traditional and the modern in the Bulgarian national mythology. “The Past” by Stoyan Zaimov]. A. Vacheva, G. Chobanov (eds). *Kultura i kri-*

- tika. Krajat na modernostta?* [Culture and critics. End of modernity?]. Varna: LiterNet, 2003, pp. 10-27.
10. Gandi L. *Postkolonialna teorija. Kritichesko vïvedenie* [Postcolonial theory. Critical introduction]. Sofia: Izdatelstvo «Kralitsa Mab», 2005, 221 p.
  11. Said E. *Orientalizmït* [Orientalism]. Sofia: Izdatelstvo «Kralitsa Mab», 1999, 441 p.
  12. Sajiid E. *Kul'tura j imperijalizm* [Culture and imperialism]. Kyjiv: Krytyka, 2007, 608 p.
  13. Todorov Ts. *Dukhït na Prosveshthenieto* [The Spirit of the Enlightenment]. Sofia: UI «Sv. Kliment Okhridski», 2009, 116 p.
  14. Abernathy S. Frank Herbert's Dune and Salman Rushdie's Satanic Verses, *Medium*, 2019, March 24. <https://medium.com/@sidnathy/frank-herberts-dune-and-salman-rushdie-s-satanic-verses-82ddc6af2af1> (accessed 19.09.2020)
  15. Ahrens Ch. Muslim Futurism and "Dune", *Charles Center Summer Research Blog*, 2019, August 27. <http://ccsummerresearch.blogs.wm.edu/2019/08/27/charles-center-research-1-muslim-futurism-dune/> (accessed 19.09.2020)
  16. Amiras M.Z. Amazighité, Arab/Islamic Hegemony, and the Christian Evangelical Challenge, Lindquist G., Handelman D. (eds.), *Religion, Politics, and Globalization: Anthropological Approaches*. Oxford: Berghahn Books, 2011, pp. 209-230.
  17. Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. L.: Verso, 1983, 256 p.
  18. Fadil al-Fadil, Al-huiat al-earabiat wal'amn al-lughwi: fi shaqqa' lughatina (Arab identity and linguistic security: towards the poverty of our language), *Al-Araby al-Jadeed*, 2014, August 28.
  19. Mahna al-Habil, Al-tmrrd ealaa al'akadimiat al-gharbiat bayn Hilaq wa Saeid (Revolt against the Western Academy: between Hallaq and Said), *Al-Araby al-Jadeed*, 2020, December 1.
  20. McPherson J. Revisionist Historians, *Perspectives on History: news-magazine of the American Historical Association*, 2003, vol. 41, no 6, 2003, p. 1.

21. Muhamad Hafiz Yaequb, Al-hwyt walhryt wnhn (Identity, Freedom and Us), *Al-Araby al-Jadeed*, 2020, April 19.
22. Usamat abu Arshyd, Maearik al'iilgha' wal'iiqsa' bayn "elimaniayna" wa "islamiyin" (Battles to undo the distinction between "secularists" and "Islamists"), *Al-Araby al-Jadeed*, 2020, July 31.
23. Wayil Qandyl, Al-diyn walthawrat fi mahraqat al-mustalahat (Religion and Revolution in Holocaust Terminology), *Al-Araby al-Jadeed*, 2020, August 05.
24. Aravamudan S. *Enlightenment Orientalism: Resisting the Rise of the Novel*. Chicago: The University of Chicago Press, 2011, 360 p.
25. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. (eds.). *The Post-Colonial Studies Reader*. L.: Routledge, 1994, 526 p.
26. Asher-Perrin E. The Legacy of Muad'Dib: The Cult That Frank Herbert Never Wanted, *Tor.com*. 2014, October 8. <https://www.tor.com/2014/10/08/the-legacy-of-muaddib-the-cult-that-frank-herbert-never-wanted/> (accessed 19.09.2020)
27. Asher-Perrin E. David Lynch's Dune is What You Get When You Build a Science Fictional World With No Interest in Science Fiction, *Tor.com*, 2017a, April 18. <https://www.tor.com/2017/04/18/david-lynchs-dune-is-what-you-get-when-you-build-a-science-fictional-world-with-no-interest-in-science-fiction/> (accessed 19.09.2020)
28. Asher-Perrin E. Syfy's "Dune" Miniseries is the Most Okay Adaptation of the Book to Date, *Tor.com*. 2017b, May 9. <https://www.tor.com/2017/05/09/syfy-s-dune-miniseries-is-the-most-okay-adaptation-of-the-book-to-date/> (accessed 19.09.2020)
29. Asher-Perrin E. Why It's Important to Consider Whether Dune Is a White Savior Narrative, *Tor.com*. 2019, March 6, <https://www.tor.com/2019/03/06/why-its-important-to-consider-whether-dune-is-a-white-savior-narrative/> (accessed 19.09.2020)
30. Baheyeldin Kh. Arabic and Islamic themes in Frank Herbert's "Dune", *The Baheyeldin Dynasty. The journey for wisdom starts with knowledge*. 2004, January 22, <https://baheyeldin.com/literature/arabic-and-islamic-themes-in-frank-herberts-dune.html> (accessed 19.09.2020)
31. Baucom I. *Out of Place: Englishness, Empire and the Locations of Identity*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999. 260 p.

32. Berger W. Cover Story: Where Spice of Life Is the Vital Variety, *The New York Times*, 2013, March 16. <https://www.nytimes.com/2003/03/16/tv/cov-er-story-where-spice-of-life-is-the-vital-variety.html> (accessed 19.09.2020)
33. Bhabha H. *The Location of Culture*. L.: Routledge, 1994, 409 p.
34. Bhabha H. *Nation and Narration*. L.: Routledge, 1990, 352 p.
35. Blanch L. *The Sabres of Paradise: Conquest and Vengeance in the Caucasus*. L. – NY.: Bookblast Publishing, 2015, 488 p.
36. Chambers I., Curti L. *The Post-colonial Question: Common Skies, Divided Horizons*. L.: Routledge, 1996, 269 p.
37. Collins W. The Secret History of “Dune”, *Los Angeles Review of Books*. 2017, September 16. <https://lareviewofbooks.org/article/the-secret-history-of-dune/> (accessed 19.09.2020)
38. DiTommaso L. History and Historical Effect in Frank Herbert’s “Dune”, *Science Fiction Studies*. 1992, vol. 19, no 3, pp. 311 – 325.
39. Elderkin B. A Guide To Dune’s Strange And Intense Religions, *Gizmodo. The News Of Tomorrow, Today*, 2020, May 22. <https://www.gizmodo.com.au/2020/05/a-guide-to-dunes-strange-and-intense-religions/> (accessed 19.09.2020)
40. Flint H. “Dune” and religious appropriation, *SyFyWire*, 2019a, April 21. <https://www.syfy.com/syfywire/dune-and-religious-appropriation> (accessed 19.09.2020)
41. Flint H. Why Arab and Islamic representation matters in the new “Dune”, *SyFyWire*, 2019b, February 13. <https://www.syfy.com/syfywire/why-arab-and-islamic-representation-matters-in-the-new-dune> (accessed 19.09.2020)
42. Fritz S. Dune: Remaking the Classic Novel, *Cinescape*, 2000, December 4. http://www.mania.com/dune-remaking-classic-novel_article_26343.html (accessed 19.09.2020)
43. Grazier K.R. (ed.). *The Science of Dune: An Unauthorized Exploration into the Real Science Behind Frank Herbert’s Fictional Universe*. NY.: Smart Pop Press, 2007, 232 p.
44. Herbert Br. *Dreamer of Dune: The Biography of Frank Herbert*. NY.: Tor Books, 2004, 592 p.
45. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: House Atreides*. NY.: Spectra, 1999a, 624 p.

-
46. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: House Harkonnen*. NY.: Spectra, 1999b, 624 p.
  47. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: House Corrino*. NY.: Spectra, 2000, 512 p.
  48. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: The Battle of Corrin*. NY.: Tor Books, 2002a, 620 p.
  49. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: The Butlerian Jihad*. NY.: Tor Books, 2002b, 624 p.
  50. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: The Machine Crusade*. NY.: Tor Books, 2002c, 624 p.
  51. Herbert Br., Anderson K.J. *Hunters of Dune*. NY.: Tor Books, 2006, 528 p.
  52. Herbert Br., Anderson K.J. *Mentats of Dune*. NY.: Tor Books, 2014, 448 p.
  53. Herbert Br., Anderson K.J. *Navigators of Dune*. NY.: Tor Books, 2016, 448 p.
  54. Herbert Br., Anderson K.J. *Sandworms of Dune*. NY.: Tor Books, 2007, 496 p.
  55. Herbert Br., Anderson K.J. *Sisterhood of Dune*. NY.: Tor Books, 2012, 496 p.
  56. Herbert Fr. *Chapterhouse: Dune*. NY.: Putnam Publishing, 1985, 464 p.
  57. Herbert Fr. *Children of Dune*. NY.: Putnam Publishing, 1976, 444 p.
  58. Herbert Fr. *Dune Messiah*. NY.: Putnam Publishing, 1969, 256 p.
  59. Herbert Fr. *Dune*. NY.: Chilton Books, 1965, 412 p.
  60. Herbert Fr. *God Emperor of Dune*. NY.: Putnam Publishing, 1981, 411 p.
  61. Herbert Fr. *Heretics of Dune*. NY.: Putnam Publishing, 1984, 683 p.
  62. Herbert Fr., McNelly W.E. (eds.). *The Dune Encyclopedia: The Complete, Authorized Guide and Companion to Frank Herbert's Masterpiece of the Imagination*. NY.: Berkley Books, 1984, 526 p.
  63. Herman P. The Blackness of Liet-Kynes: Reading Frank Herbert's Dune Through James Cone, *Religions*, 2018, vol. 9, no 9. <https://www.mdpi.com/2077-1444/9/9/281/htm> (accessed 19.09.2020)
  64. Hobsbawm E., Ranger T. (eds.). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, 324 p.
  65. Iwamura J. *Virtual Orientalism: Asian Religions and American Popular Culture*. Oxford: Oxford University Press, 2011, 214 p.

66. Jameson F. *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press, 1991, 438 p.
67. King R. *Orientalism and Religion: Post-Colonial Theory, India and "The Mystic East"*. L. – NY.: Routledge, 1999, 296 p.
68. Kunzru H. Dune, 50 years on: how a science fiction novel changed the world, *The Guardian*, 2015, July 3. <https://www.theguardian.com/books/2015/jul/03/dune-50-years-on-science-fiction-novel-world>
69. Lacroix I. *Les enseignements de Dune: Enjeux actuels dans l'oeuvre phare de Frank Herbert*. Quebec City: Presses de l'Université du Québec, 2020, 253 p.
70. List J. "Call me a Protestant": Liberal Christianity, Individualism, and the Messiah in *Stranger in a Strange Land*, *Dune*, and *Lord of Light*, *Science Fiction Studies*, 2009, Vol. 36, No 107. March. <https://www.depauw.edu/sfs/backissues/107/list107.htm> (accessed 19.09.2020)
71. Lockman Z. *Contending Visions of the Middle East: The History and Politics of Orientalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, 344 p.
72. Macfie A.L. (ed.). *Orientalism: A Reader*. NY.: NYU Press, 2011, 400 p.
73. MacKenzie J.M. *Orientalism: History, Theory and the Arts*. Manchester: Manchester University Press, 1995, 256 p.
74. Morton T. Imperial Measures: Dune, Ecology and Romantic Consumerism, *Romanticism on the Net*, 2001, February, No 21 (Romanticism and Science Fictions). <https://www.erudit.org/en/journals/ron/1900-v1-n1-ron433/005966ar/> (accessed 19.09.2020)
75. Murphy S. Building the Perfect DUNE, *Video Watchdog*. 2014, December 15. <http://www.figmentfly.com/published/dunearticle.html> (accessed 19.09.2020)
76. Quinn R. *An Analysis of Edward Said's Orientalism*. L. – NY.: Macat, 2017, 108 p.
77. Said E.W. *Orientalism*. L. – NY.: Pantheon Books, 1978, 368 p.
78. Shelton M. *Mysteries of Dune: Sufism, Psychedelics, and the Prediction of Frank Herbert*. NY.: Temple of Justice Books, 2020, 74 p.
79. Spivak G. Critical Intimacy: An Interview with Gayatri Chakravorty Spivak. Steve Paulson interviews Gayatri Chakravorty Spivak, *Los An-*

- geles Review of Books*, 2016, July 29. <https://lareviewofbooks.org/article/critical-intimacy-interview-gayatri-chakravorty-spivak/> (accessed 19.09.2020)
80. Strasser Br. David Lynch reveals his battle tactics, *Prevue*. 2013, January 18. <http://www.thecityofabsurdity.com/dune/duneprevue.html> (accessed 19.09.2020)
81. Ujayli L., Ujayli Z. What “Dune” and us foreign policy have in common. They both sideline Arab voice, *Inkstick*, 2020, September 10. <https://inkstickmedia.com/what-dune-and-us-foreign-policy-have-in-common/>
82. Vandeviver N. *Edward Said and the Authority of Literary Criticism*. L. – NY.: Palgrave Macmillan, 2017, 362 p.
83. Varisco D.M. *Reading Orientalism: Said and the Unsaid*. Washington: University of Washington Press, 2017, 530 p.
84. Warraq I. *Defending the West: A Critique of Edward Said’s Orientalism*. NY.: Prometheus, 2007, 500 p.
85. Williams K. *Wisdom of the Sand: Philosophy and Frank Herbert’s Dune*. NY.: Hampton Press, 2013, 226 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
ул. Пушкинская 16, 394000, Воронеж, Российская Федерация
maksymkyrchanoff@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kyrchanoff Maksym W., DrSci in History, Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies
Voronezh State University
16, Pushkinskaya, Voronezh, 394000, Russian Federation
maksymkyrchanoff@gmail.com
SPIN-code: 6547-1027
ORCID: 0000-00033819-3103

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-93-107

УДК [94+631.115.11-021.63](470.44)19||1930-1935|

РОЛЬ ЛИЧНОГО ПОДСОБНОГО ХОЗЯЙСТВА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КОЛХОЗНИКОВ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х

Котельников В.А.

***Цель.** Результаты создания колхозной системы путем построения крупных коллективных хозяйств неоднозначны. Современные авторы активно изучают и вводят в научный оборот всё новые факты и материалы, поэтому тема не теряет своей актуальности. Целью работы является анализ роли личных подсобных хозяйств в повседневной жизни колхозников Саратовского Поволжья в первой половине 1930-х годов.*

***Метод или методология проведения работы.** Реализация поставленной цели была достигнута благодаря использованию данных из государственного архива новейшей истории Саратовской области. Особый интерес представляли документы крайкомов и райкомов, органов НКВД, докладные записки председателей колхозов. Методологический потенциал включает в себя применение базовых принципов исторического исследования: сравнительного, системно-исторического и междисциплинарного подходов.*

***Результаты.** Были исследованы особенности существования личного подсобного хозяйства в повседневной трудовой жизни крестьян. Показана важнейшая роль подсобного хозяйства в материально-бытовом обеспечении колхозника. Сделан вывод о получении определенных послаблений после сплошной коллективизации и голода, которые были окончательно прекращены к 1939 г.*

***Область применения результатов.** В научный оборот вводятся новые архивные данные, которые могут быть использованы для изучения различных аспектов коллективизации. Результаты исследования могут быть применены в практике преподавания исторических дисциплин и в научных целях.*

Ключевые слова: коллективизация; личное подсобное хозяйство; крестьянство; примерный устав сельскохозяйственной артели

THE ROLE OF PERSONAL SUBSIDIARY PLOTS IN THE DAILY LIFE OF COLLECTIVE FARMERS IN THE SARATOV VOLGA REGION IN THE FIRST HALF OF THE 1930S

Kotelnikov V.A.

Purpose. *Consequences of collective farming are controversial. Modern authors are studying new facts and materials; therefore, the topic is still relevant. The purpose of this paper is to analyze the role of personal subsidiary farming as a part of collective farmers' daily routine in Saratov Volga region in the first half of the 1930s.*

Methods. *The purpose was achieved due to the data of Saratov State archive of modern history. The documents of district committees and NKVD, the reports from collective farm chairs were of a great interest. Basic methods were used, i.e. comparative, system-historical and interdisciplinary.*

Results. *The peculiarities of personal subsidiary farms as a part of collective farmers' daily routine were analyzed. The importance of a personal subsidiary farm as a financial source is described. As a conclusion comes certain weakening after collectivization and famine to have stopped in 1939.*

Possible application. *New archive data was introduced and can be used for studying different aspects of collectivization. The research results can be applied in history teaching and for scientific purposes.*

Keywords: *collectivization; personal part-time farm; peasantry; approximate charter of agricultural artel; market*

Введение

Крестьяне всегда мечтали о таком положении, когда они смогут быть полностью защищены от кризиса и разорения в неурожайные годы. Весьма актуальной эта проблема была для крестьян засуш-

ливого Саратовского Поволжья. Изначально считалось, что коллективизация решит этот вопрос и создаст необходимые условия для удовлетворения всех потребностей в колхозе. Однако, реалии первых лет колхозной жизни оказались совершенно иными. Неумеренное, неадекватное изъятие государством колхозной продукции как главного источника средств для выполнения планов индустриализации сделало то, что не удалось сделать засухе: в деревне разразился массовый голод, приведший к гибели миллионов крестьян.

Одной из причин высокой смертности населения стало либо полное изъятие у крестьян приусадебных участков либо их размеры, не позволявшие выращивать на них даже самые необходимые для пропитания овощи.

Путем проведения преобразований в деревне государство преследовало цель – установить жесткий контроль в своих интересах над всем сельскохозяйственным производством, как правило, игнорируя аграрные региональные и местные особенности. Например, до коллективизации основным занятием крестьян с. Мордово Бальцерского кантона АССР НП было выращивание плодов, овощей и ягод, после коллективизации основной отраслью созданного в деревне колхоза им. Калинина стало полеводство [4,32]. Применение тракторов и комбайнов на посевных площадях было невозможно ввиду гористого рельефа и изрезанности пашни оврагами и балками. В результате новая ведущая отрасль, внедренная сверху, направленная исключительно на удовлетворение приоритетных нужд индустриализации и отдававшая предпочтение зерновым посевам, в ущерб развитию других сельскохозяйственных культур, заведомо не могла быть эффективной как в силу объективных условий (характер местности) так и субъективного фактора (отсутствие у крестьян села Мордово навыков ведения полеводческого хозяйства). Одновременно разрушалось многолетнее уникальное плодоягодное производство. Подобных фактов в Саратовском Поволжье было немало.

Проблема коллективизации и форсированной модернизации страны подробно освящалась в работах российских и зарубежных

авторов [1; 8; 10; 11; 12; 16; 17; 18; 19; 20; 22]. Исследователей продолжают интересовать вопросы крестьянской повседневности в 1930-х, в последнее время это стало трендом в научных исследованиях. Изучение данной проблемы в Саратовском Поволжье не привело к появлению специализированных работ. В то же время в разные годы издавались работы, освещавшие различные аспекты политики государства в регионе [9; 21].

Целью работы является анализ роли личных подсобных хозяйств в повседневной жизни колхозников Саратовского Поволжья в первой половине 1930-х годов. В работе раскрываются вопросы повседневности членов артели, оплаты труда, практики выделения и обработки приусадебных участков в условиях становления колхозной системы.

Материалы и методы

В основу исследования были положены делопроизводственные документы Ф.594 Саратовского обкома ВКП (б) из государственного архива новейшей истории Саратовской области. С помощью данных источников была рассмотрена региональная специфика развития личного подсобного хозяйства. Работа подготовлена с опорой на базовые принципы научности и историзма с применением сравнительного, системно-исторического, междисциплинарного подходов.

Результаты

Повседневная жизнь в колхозе требовала от участников артели выполнения определенных повинностей, фактически крестьянин не принадлежал себе. Он должен был приходить и уходить в одно и то же время, выполнять распоряжения руководства, бережно относиться к социалистической собственности и др. Отказ от выполнения заданий считался грубым нарушением трудовой дисциплины и влек за собой суровое наказание. Кроме того, он общественно порицался: отстающим колхозникам и бригадам выдавалось рогожное знамя, их помещали на черные доски, выдавали орден лодыря и разгильдяя, и т.п. Вовлечение колхозников в ударное движение

встречало ожесточенное сопротивление со стороны крестьянства, «ударничество» все больше приобретало для них характер отрицательного, раздражающего фактора [11,216].

Запутанным, далеко не всегда ясным для колхозников оставался вопрос оплаты их труда. После выполнения всех обязательств перед государством, оставшиеся материальные и денежные средства доход колхозников распределялся в натуральном и денежном выражении. Рядовые труженики, работающие в бригадах чабанами, доярками, «севцами» (посевщиками) не знали, сколько они зарабатывают в день. Оплата по трудодням оплачивалась по-разному, в зависимости от сложности выполненных работ. Техника учета производилась 1 раз в три месяца – в результате выполнения квартального задания. Однако даже добросовестный труд, не гарантировал справедливой оплаты труда и безбедного существования. Так, колхозник «Красной зари» Ртищевского района Лежнев М.С. выработавший в 1932 г. 373 трудодня не имел хлеба и вынужден был продавать свои вещи на рынке, чтобы прокормить свою семью [5,122].

Пожалуй наиболее ярко политика власти по отношению к колхозникам осенью 1932 г. продемонстрирована в выступлении второго секретаря обкома ВКП(б) АССР немцев Поволжья А. Павлова на пленуме обкома: «Распределение доходов в колхозах было таково, что колхозникам мы не выдавали на руки хлеба, а засчитывали его в общественное питание, и по существу засчитывался хлеб тот, который был уже съеден в колхозе...» [9,266]. Это признание наглядно подтверждает тот факт, что в зиму 1932–1933 гг. крестьяне, кормильцы общества, сами остались без средств существования, то есть сознательно обрекались на голодную смерть.

В этих условиях фактор наличия приусадебного хозяйства, на котором имелась работа круглый год, становился решающим. Устав сельскохозяйственной артели 1930 г. разрешал обрабатывать небольшой участок исключительно на основе личного труда. Впрочем, документ носил формальный характер, он не определял размеры приусадебных угодий и не гарантировал защиты от посягательств со стороны государства [20,118]. Так, колхозники должны

были сдавать в определенном количестве картофель, при наличии коровы обобществлялось молоко и вне зависимости от наличия скота, им «спускался» план по мясозаготовкам. Более того, постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 июня 1933 г. предусматривалось организовать обязательную зернопоставку с колхозников, посеявших зерновые культуры на приусадебных землях: «из расчета фактического посева на 5% ниже нормы единоличников и на 5% выше нормы колхозов» [13].

Приусадебные участки в первой половине 1930-х оставались достаточно небольшими, поэтому крестьяне в первую очередь были заинтересованы в расширении своих угодий. В ходе проверки незаконно захваченные земли отбирались и переходили в пользование колхозов.

Чтобы внести ясность в данном вопросе в докладной записке в крайком ВКП(б) от 8 августа 1934 г., из Балтайского района предлагалось установить твердые размеры индивидуальных наделов. Нормы землепользования огородами для колхозников определялись в 0,08 га (8 соток) из расчета на одного едока, а размеры индивидуальных хозяйств 0,06 га (6 соток) на едока, при этом посев зерновых культур на индивидуальных участках запрещался [4,22]. Но даже если бы и не было запрета, ввиду ограниченности участков, сеять хлеб и технические культуры на них было нецелесообразно. Поэтому происходила переориентация производства на выращивание огородных культур, овощей, картофеля и различных корнеплодов.

Ликвидация кормовых посевов ухудшила условия для выращивания скота, а, следовательно, негативно повлияла на его количественный и качественный рост в индивидуальных хозяйствах колхозников. Крестьянину, у которого в личном хозяйстве уже имелась корова, сложно было прокормить даже ее единственную. Поэтому он был вынужден молодняк отправлять на забой.

Личное подсобное хозяйство большее развитие получило в районах правобережья, где качество приусадебных земель было значительно лучше, а размеры участков были в 2-3 раза больше, чем в левобережье. Практически вся земля, из которой выделялась часть

надела для личного пользования, принадлежала колхозу. Поскольку от своевременного и полного выполнения плана поставок сельхозпродукции зависела судьба колхозного руководства, лучшие земли оставались за колхозом, колхозники получали под приусадебные участки, в основном, отдаленные и худшие колхозные земли. Однако, нередкими бывали случаи, когда начальство отступало от этих правил и произвольно наделяло землей семьи, которым покровительствовало. Нередко, таким семьям передавались для посева зерновых культур: проса, ржи, пшеницы, неиспользуемые колхозом земли.

В некоторых районах за отдельную плату местным руководителям (председателю колхоза, председателю сельсовета) можно было обзавестись хорошими угодьями. В ходе обследования уполномоченного Комитета партийного контроля по Саратовскому краю И. Бельца, были установлены факты «искривления земельной политики». Пользуясь своим положением, сельсоветы сдавали в аренду колхозникам и единоличникам приусадебные участки отходников, раскулаченных и исключенных из артели. Земля сдавалась по цене от 10 до 50 рублей за участок («загон») размером 3-5 сажений ширины на 40-50 сажений длины¹. Бесхозные огороды и огороды раскулаченных сдавались в аренду по 5 копеек с квадратной сажени [7,240-244].

Большинство приусадебных посевов колхозников имели четкую товарную направленность. В постановлении ЦИК и СНК СССР «О порядке производства торговли колхозов, колхозников, и трудящихся единоличных крестьян» от 20 мая 1932 г. – разрешалась колхозная торговля, на жестко регулируемом рынке, и только после выполнения всех обязательств перед государством [16, 414]. В связи с постоянным и острым дефицитом продовольствия, роль колхозного рынка в снабжении населения молоком, яйцами, маслом, мясом, а

---

¹ В СССР была введена метрическая система мер, однако в деревне традиционно продолжали пользоваться русской системой мер, привязанной еще Петром I к английской системе мер. Одна дореволюционная сажень равнялась 7 английским футам, т.е. – 213,36 см.

в зимние месяцы колбасой, оставалась существенной. По причине высокого спроса продуктов животноводства, только одна корова могла принести крестьянину до 20% дополнительного дохода.

В результате, особо предприимчивые колхозники имели возможность не только выполнять обязательства перед государством, но и реализовать излишки в городе. При этом заработок с приусадебных посевов, на которых традиционно трудились женщины, порой в несколько раз превышал денежные доходы, полученные в колхозе. Так, колхозница Ф.Р. Горелова из Аркадакского района, за год заработала в колхозе 65 трудодней, а ее муж 270 трудодней, и получила деньгами 62 р., и 5,9 ц. зерна, а от индивидуального хозяйства заработала: от сада 2 000 рублей, огорода – 500 руб., от коровы 720 р., а всего 3 220 р. [4,92].

Размер приусадебных участков и производимой на них сельскохозяйственной продукции находился в прямой зависимости от близости к крупным городским и районным базарам. Так, в колхозах Вязовского района, граничившего с Саратовом, индивидуальные посеы были на 0,1-0,2 га больше, чем у колхозников в отдаленных от города колхозах [4,89]. Часть продуктов скрывалась от налогообложения, а на вырученные деньги в основном приобретались промышленные товары.

Естественно, столь интенсивное сосредоточение колхозниками своих сил на приусадебных хозяйствах влекло за собой снижение «трудовой дисциплины» в артели. В первой половине 1930-х массовый невыход на работу наблюдался по всему Саратовскому краю. Председатель колхоза «Знамя Труда» Бековского района жаловался, что не может заставить крестьян работать в выходные дни: «В воскресный день никто не выходит на работу, приходится работать только ударникам, чтобы не срывать работы по молотье, а остальные люди просто уходят. Молодежь едет по-праздничному одетая в Беково, старухи едут на базар» [3,23]. Помимо привязанности к своему земельному наделу, в крестьянском мировоззрении была заложена враждебность к крупному не принадлежавшему ему хозяйству: оно ассоциировалось с утратой личной свободы, и едва ли

не с возвращением к крепостным порядкам. Со времени отмены крепостного права прошло 70 лет и память о нем у крестьян была еще достаточно четкой и конкретной.

Крестьяне Балашовского района жаловались на плохое социально-экономическое и бытовое обеспечение в колхозах:

– «зачем я пойду в колхоз, когда я молоком себя обеспечу».

– «моя бабка (жена. – *В. К*) детей и огород свой не бросит, в поле не пойдет, у нее сердце есть. И дети будут здоровы и все, что с огорода соберу, будет мое, а на трудодни еще не знаю, дадут чего или нет» [6,39].

В условиях наращивания темпов производства и массового нежелания крестьян «ударно» трудиться в колхозах, государство прибегало к помощи административного нажима. Не случайно в 1933 году создаются чрезвычайные органы, политотделы МТС, в сферу деятельности которых входил надзор за работой в колхозе. В том же году была введена система штрафов за нарушение трудовой дисциплины. За отказ от работы или невыполнения планов налагался штраф в размере пяти трудодней, а за повторное нарушение следовало исключение из колхозов.

Со стороны власти любая попытка выхода за рамки «курса партии в деревне» было равносильно вредительству. По мнению партийного руководства, все сельское население либо должно было вступить в колхозы, либо автоматически приравнивалось к «кулакам» [1,256]. По этой же логике нарушение трудовой дисциплины колхозниками приравнивалось к «вредительству».

За 1934 год по Саратовскому краю насчитывалось 234 отстающих колхоза [2,34]. Крестьян обвиняли в «несознательности», мелкобуржуазности, нарушении трудовой дисциплины, объявляли классовыми врагами. Главной причиной этих обвинений в большинстве случаев становился недостаток тягловой и рабочей силы (из-за массового отхода крестьян на заработки, во время сева на одного трудоспособного приходилось от 12 до 15,5 га земли, которую необходимо было обрабатывать). Второй причиной было излишнее, с точки зрения партийного руководства, внимание колхозников к

своим приусадебным участком (стремление получать основной доход от собственных садов и огородов), что естественно вело к ослаблению трудовой дисциплины (нежеланию трудиться в колхозе).

Исключение из колхоза, как правило, сопровождалось тяжелыми последствиями. Ведь большинство колхозников не имело альтернативного источника дохода. Многие крестьяне, покинувшие колхозы, не смогли добиться возвращения своего имущества у местных властей. Они, как правило, уходили из колхоза без земли, лошади, сельскохозяйственного инвентаря. В Саратовском крае по данным 17 районов и 4 МТС, исключили за нарушение дисциплины в 1933 г. – 13 768 семей и 4 577 «социально чуждых элементов» [4, 57]. Сталин на закрытом совещании в ЦК ВКП (б) 2 июля 1934 по вопросам коллективизации так охарактеризовал эту меру: «это не то, что исключить из партии, это гораздо хуже... потому что у тебя отнимают источник существования, ты опозорен, во-первых, и, во-вторых, обречен на голодное существование» [17, 187].

В итоге, индивидуальное сельскохозяйственное производство в первой половине 1930-х развивалось неоднозначно. С одной стороны, в 1933 г. были приняты законы об обязательных поставках сельскохозяйственной продукции, запрещающие «встречные планы», облегчены условия приобретения и содержания скота индивидуального пользования, разрешалась колхозная торговля, частичное развитие получило приусадебное хозяйство и др.

Но с другой стороны, жесткое выполнение колхозных планов на основе «видов на урожай», плохая организация труда, бесхозяйственность, отсутствие материальных стимулов вынуждали колхозников сосредоточивать свои силы на приусадебных участках. Именно в своих угодьях проявлялась крестьянская хозяйственность, трудовая инициатива, заинтересованность в повышении урожайности. Государству, особенно после массовых голода и смертности населения в 1932–1933 гг. приходилось учитывать сложившуюся обстановку в деревне. Постепенно оно вынуждено было признать важную роль приусадебных участков в сфере удовлетворения насущных потребностей населения в селах и городах.

Результатом стало принятие нового Примерного устава сельскохозяйственной артели в начале февраля 1935 г. II Всесоюзным съездом колхозников-ударников СССР и утверждение его Совнаркомом СССР и ЦК ВКП (б). За колхозами земля закреплялась «на навечно», устанавливались размеры приусадебного участка. По предложению Сталина нормы для колхозного двора были установлены от 0,25 до 0,5 га (от 25 до 50 соток), а в отдельных районах до 1 га (100 соток): «в зависимости от областных и районных условий, определяемых наркомземами союзных республик на основе указаний Наркомзема СССР» [15, 392].

Заключение

Таким образом, колхозам удалось получить определенные послабления после разрушительных последствий сплошной коллективизации и голода. Теперь каждый колхозник мог законно рассчитывать на фиксированный приусадебный участок, иметь одну корову, до двух голов молодняка рогатого скота, одну свиноматку с приплодом, до десяти овец и коз, неограниченное количество птицы и кроликов, и до 20 ульев. Однако, задача «колхозного строительства» не была снята, а политика «чрезвычайщины» оставалась главенствующей. Более того, новый устав не запрещал местным органам нарушать права колхозников, и при проведении заготовок давать колхозникам встречные планы.

Либеральные отношения к селу продлилось всего несколько лет. 27 мая 1939 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление № 755 «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания», согласно которому надлежало произвести обмер приусадебных участков колхозников и все «излишки» земли отобрать и вернуть в состав общественных земель колхозов [14].

Список литературы

1. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010.
2. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 25.

3. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 44.
4. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 51.
5. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 55.
6. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 60.
7. ГАНИСО. Ф. 2863. Оп. 1. Д. 136.
8. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001.
9. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. М.: МСНК-пресс, 2007.
10. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008.
11. Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939. Москва: Наука, 2006.
12. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М.: РОССПЭН, 2008.
13. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 июня 1933 г. «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами из урожая 1933 г. На основе закона от 19 января 1933 г.» [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/41255> (дата обращения: 17.05.2020)
14. Постановление Совнаркома СССР и ЦУК ВКП(б) от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14904#010857415853179919> (дата обращения: 17.05.2020)
15. Сталин И.В. Выступление на заседании комиссии II Всесоюзного съезда колхозников-ударников для рассмотрения проекта Примерного устава с/х артели // Трагедия советской деревни. Т.4. М.: Росспэн, 2002.
16. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 3. Конец 1930-1933. М.: РОССПЭН, 2000.
17. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 4. 1934-1936. М.: РОССПЭН, 2000.

18. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.
19. Лопатина Н.Л. Коллективизация 30-х годов XX века и её влияние на изменение социокультурного облика российской деревни (по воспоминаниям очевидцев). Кемерово, 2005.
20. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.
21. Яковлева Ж.В. «Марш отсюда... церковь закрыта! Верующие теперь неверующие!»: Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х-начало 1940-х гг.). Саратов: Техно-Декор, 2020.
22. Ярский-Смирнов П.Р, Ярская-Смирнова Е.Р. Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007.

References

1. Viola L. *Krest'yanskiy bunt v epokhu Stalina: Kollektivizatsiya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya* [Peasant revolt in the era of Stalin: Collectivization and the culture of peasant resistance]. М.: ROSSPEN, 2010.
2. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Saratovskoy oblasti* [State Archives of the Contemporary History of the Saratov Region (SACHSR)]. F. 594. Op. 1.D. 25.
3. SACHSR. F. 594, op. 1. D. 44.
4. SACHSR. F. 594. Op. 1. D. 51.
5. SACHSR. F. 594. Op. 1. D. 55.
6. SACHSR. F. 594. Op. 1. D. 60.
7. SACHSR. F. 2863. Op. 1. D. 136.
8. Gratsiozi A. *Velikaya krest'yanskaya voyna v SSSR. Bol'sheviki i krest'yane. 1917–1933* [The Great Peasant War in the USSR. Bolsheviks and peasants. 1917-1933]. М., 2001.
9. Herman A.A. *Nemetskaya avtonomiya na Volge. 1918-1941* [German autonomy on the Volga. 1918-1941]. М.: MSNK-press, 2007.
10. Gregory P. *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The political economy of Stalinism]. М., 2008.
11. Zelenin I.E. *Stalinskaya «revolyutsiya sverkh» posle «velikogo pere-loma»*. 1930-1939 [Stalin's "revolution from above" after the "great turning point". 1930-1939]. Moscow: Nauka, 2006.

12. Osokina E.A. *Za fasadom «stalinskogo izobilija»: Raspreделение i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927-1941* [Behind the facade of “Stalinist abundance”: Distribution and the market in supplying the population during the years of industrialization. 1927-1941]. M.: ROSSPEN, 2008.
13. Resolution of the Council of People’s Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks dated June 20, 1933 “On obligatory grain deliveries to the state by collective farms and individual farms from the harvest of 1933. On the basis of the law of January 19, 1933”. <http://istmat.info/node/41255> (accessed 05/17/2020)
14. Resolution of the Council of People’s Commissars of the USSR and the Central Control Commission of the All-Union Communist Party of Bolsheviks dated May 27, 1939 “On measures to protect public lands from squandering”. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14904#010857415853179919> (accessed 05/17/2020)
15. Stalin I.V. Vystuplenie na zasedanii komissii II Vsesoyuznogo s’ezda kolkhoznikov-udarnikov dlya rassmotreniya proekta Primernogo ustava s/kh arteli [Speech at the meeting of the commission of the II All-Union Congress of Collective Farmers-Shock Workers to consider the draft Model Charter of the Agricultural Artel]. *Tragediya sovetskoy derevni* [Tragedy of the Soviet Village]. V. 4. M.: Rosspen, 2002.
16. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. Documents and materials]. Volume 3. 1930-1933. M.: ROSSPEN, 2000.
17. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. Documents and materials]. Volume 4. 1934-1936. M.: ROSSPEN, 2000.
18. Kozlova N.N. *Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii* [Soviet people. Scenes from history]. M., 2005.

19. Lopatina N.L. *Kollektivizatsiya 30-kh godov KhKh veka i ee vliyanie na izmenenie sotsiokul'turnogo oblika rossiyskoy derevni (po vospominaniyam ochevidtsev)* [Collectivization of the 30s of the twentieth century and its influence on the change in the socio-cultural appearance of the Russian village (according to the recollections of eyewitnesses)]. Kemerovo, 2005.
20. Fitspatrik Sh. *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's peasants. Social history of Soviet Russia in the 30s: the village]. M., 2001.
21. Yakovleva Zh.V. «Marsh otsyuda... tserkov'zakryta! Veruyushchie tep'er' neveruyushchie!»: *Antireligioznaya kampaniya v Saratovskom Povolzh'e (konets 1920-kh-nachalo 1940-kh gg.)* ["March from here ... the church is closed! Believers are now unbelievers!"]: Anti-religious campaign in the Saratov Volga region (late 1920s-early 1940s). Saratov: Techno-Decor, 2020.
22. Yarskiy-Smirnov P.R., Yarskaya-Smirnova E.R. *Sovetskaya sotsial'naya politika 1920–1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost'* [Soviet social policy of the 1920s – 1930s: ideology and everyday life]. M., 2007.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Котельников Вадим Алексеевич, аспирант 2 года обучения кафедры «Отечественной истории и историографии»
СГУ им. Н.Г. Чернышевского
ул. Астраханская, 83, Саратов, 410012 Российская Федерация
iimo@info.sgu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kotelnikov Vadim A., Graduate Student

Saratov State University

83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russian Federation

iimo@info.sgu.ru

SPIN-code: 4555-0969

ORCID: 0000-0003-0007-2699

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-108-129

УДК 94; 323.2; 327

АРКТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Попов И.Д., Подоплёкин А.О.

В статье с использованием главным образом парламентских документов рассмотрены основные этапы дискуссий по арктической проблематике в ФРГ в начале XXI века. Показано, что в условиях политической системы Германии содержание её национальной арктической стратегии в 2013 и 2019 гг. отразило основные положения межпартийного и парламентского компромисса. Доктрина ФРГ в Арктике сфокусирована главным образом на темах вполне традиционных для аналогичных документов других неарктических членов ЕС и НАТО: экологическая безопасность, приоритет международного права в вопросах полярного мореплавания, ведущая роль международных институтов, жизнедеятельность коренных народов и научные исследования. При этом отмечено, что имеются предпосылки к формированию особого статуса ФРГ как субъекта политики в Арктике, в том числе в части военной безопасности. Наряду с историческим опытом и долей в мировой экономике и торговле, к таковым относятся возможности ФРГ в сфере арктических исследований, особая заинтересованность в нефтегазовых поставках из Арктики, в том числе из российского сектора, а также потенциал в качестве поставщика технологий для освоения ресурсов региона. Прагматические интересы и политика ФРГ могут рассматриваться как потенциально стабилизирующий фактор международных отношений в циркумполярных районах. Результаты исследования применимы в качестве научно-методического обоснования конкретных мероприятий в сфере российско-германских отношений в арктическом макрорегионе.

Ключевые слова: Германия; Арктика; арктическая стратегия; приоритеты; парламентские и партийные дискуссии

ARCTIC AGENDA IN THE INTERNAL POLITICAL DISCOURSE OF CONTEMPORARY GERMANY

Popov I.D., Podoplekin A.O.

The article, based mainly on parliamentary documents, examines the stages of discussions on the Arctic issues in Germany at the beginning of the XXI century. Authors show that in the conditions of the German political system the national Arctic strategy in 2013 and 2019 reflects the main provisions of the inter-party and parliamentary compromise. The doctrine of the FRG in the Arctic is focused mainly on topics that are quite traditional for similar documents of other non-Arctic of the EU and NATO members: environmental security, the priority of international law in matters of polar navigation, the leading role of international institutions, sustainability of indigenous peoples and research. At the same time, noted that there are prerequisites for the formation of a special status of the FRG as a subject of politics in the Arctic, including in terms of military security. Along with historical experience and share in the world economy and trade, these include the FRG's capabilities in the field of Arctic research, a special interest in oil and gas supplies from the Arctic, including from the Russian sector, as well as its potential as a technology supplier for the development of the resources of the region. The pragmatic interests and policies of the FRG can be viewed as a potentially stabilizing factor in international relations in the circumpolar regions. The results of the study are applicable as a scientific and methodological substantiation of specific measures in the sphere of Russian-German relations in the Arctic macro-region.

Keywords: *Germany; Arctic; Arctic strategy; priorities; parliamentary and inter-party discussions*

Введение

Германия занимает особое место в «арктическом разделе» мировой истории. Современные знания об Арктике основаны, в том числе на наследии К. Кольдевея и А. Вегенера. В 1914–1945 гг.

своими действиями немцы «вскрыли» стратегическое значение региона в случае войны с британско-американо-российским альянсом. С 1920 г. Германия – участник договора о Шпицбергене, с 1990-х гг. – наблюдатель в Арктическом совете и в СБЕР; с 2010-х – субъект арктических стратегий ЕС и НАТО [2, С. 99]. Становление арктической политики современной ФРГ берёт начало с подписания Договора об Антарктике (1979 г.) и международного обсуждения проблемы истощения озонового слоя, итогом которого стало принятие Венской конвенции 1985 г. и Монреальского протокола 1988 г. Это побудило руководство страны к увеличению вложений в полярные исследования и инфраструктуры. В 1980 г. был учреждён Институт полярных и морских исследований имени А. Вегенера (один из ведущих мировых центров арктических исследований), для которого в 1982 г. построили научно-исследовательский ледокол «Polarstern».

В 1987 г. была создана специальная парламентская комиссия Бундестага «Охрана земной атмосферы» для публичного изучения вопросов парникового эффекта и истощения озонового слоя в атмосфере. Она привлекла к работе известных учёных, представителей бизнеса, экологических организаций, обществ потребителей, международных экспертов и в ноябре 1988 г. представила свой первый отчёт. Позиционируя себя как платформу донесения выводов современной науки до практической политики, она впервые в истории немецкого парламента остро подняла экологические проблемы Южного и Северного полюса.

В отчётах комиссии, проработавшей до 1995 г., содержались рекомендации сокращения выбросов углекислого газа (до 25% к 2005 г.), ужесточения и конкретизации глобальных мер по защите озонового слоя, рационального использования энергии (в т.ч. расширять возобновляемые источники энергии) и адаптации рынка к экологически ответственному управлению [6; 7, S. 3; 8, S. 3–4]. Арктическая тематика в отчётах комиссии фигурировала, прежде всего, в связи с проблемой изменения уровня озона в регионе [7, S. 261–263].

Выводы комиссии заложили фундамент арктической повестки Германии вплоть до начала канцлерства А. Меркель в 2005 г. Про-

блемы Арктики практически всегда фигурировали в связи с обсуждением «озоновых дыр» и изменений климата; по этой причине правительство каждый раз подчёркивало важность финансирования и расширения полярных исследований, которые были сосредоточены на проблемах Южного, нежели Северного полюса. Арктическая проблематика долгое время инициировалась «сверху» – федеральным правительством и его структурами, научными учреждениями, экологическими организациями – и мало интересовала политические силы. Вместе с тем в результате окончания Холодной войны были созданы благоприятные предпосылки для формирования в ФРГ общественного интереса к Арктике как пространству приложения национальных интересов и политики.

Ввиду особенностей государственного строя германской республики и известной системообразующей роли промышленных корпораций ФРГ, существенный импульс формированию арктического сегмента национальной политики был придан длительными внутрипартийными дебатами и межкоалиционными дискуссиями в парламенте. Наиболее полно содержание, ход и результаты этих обсуждений раскрываются в протоколах пленарных заседаний Бундестага (Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll) и его комиссий (Deutscher Bundestag. Drucksache), а также в «Больших» межпартийных коалиционных соглашениях (Koalitionsvertrag).

Актуализация арктической повестки в Германии на рубеже XX–XXI вв.

С начала 1990-х гг. происходит значительное расширение арктической повестки во внешней политике ФРГ, а с середины 2000-х гг. – и во внутривнутриполитическом дискурсе. В 1990 г. Германия стала членом Международного арктического научного комитета и расширила свою исследовательскую программу в Арктике. Одновременно страна вошла в число государств, имеющих постоянные исследовательские станции на Шпицбергене (Кольдевей), а в 1993 г. «Polarstern» впервые провёл трансарктическую экспедицию [9, S. 149]. В 1990-е Германия регулярно участвовала в министерских конференциях ар-

ктических государств, стала наблюдателем в СБЕР и Арктическом совете. Учитывая научно-технические возможности промышленных компаний ФРГ, нарастал потенциал для поставок высокотехнологичной продукции, позволявшей осваивать ресурсы Арктики. Расширились и двусторонние связи с арктическими государствами, и особенно с Россией, в первую очередь, в области энергетического сотрудничества. Перечисленное, наряду с зависимостью от заполярных месторождений России (до 57% импорта газа в 2018 г.) и Норвегии [28, Р. 148], долей страны в мировом ВВП и торговле, интересами в оптимизации коммерческих перевозок на азиатском маршруте, уязвимостью приморских земель от климатических сдвигов, объективно предопределило наличие в ФРГ самостоятельного курса в отношении Арктики [30, Р. 91; 34].

Становление постоянного интереса к Арктике, как к самостоятельному объекту политической активности ФРГ, относится к периоду 2006–2007 гг., ознаменованного появлением в государствах макрорегиона арктических стратегий, т.е. принципиально новых направлений национального развития [1; 3]. В этот период у власти находилась так называемая «Большая коалиция» неоконсерваторов (ХДС / ХСС) и социал-демократов (СДПГ), идеологические взгляды которых были во многом противоположны, и потому оба участника коалиции вынуждены были поступаться значительной частью своих требований.

Исключением был лишь период 2009–2013 гг., когда правила коалиция идеологически более близких друг другу ХДС / ХСС и либералов (СвДП). Для социал-демократов традиционно более удобным коалиционным партнёром являлись «Зелёные»; в то время как с партией «Левые», отличающейся ореолом наследницы правящей партии ГДР, федеральные коалиции не заключались. Вместе с тем именно «Зелёные» и «Левые» наиболее активно продвигали арктическую повестку, тогда как правые партии занимали более сдержанную позицию. Практически совсем равнодушной к проблемам Арктики оказалась ультраправая «Альтернатива для Германии», представленная в Бундестаге с 2017 г.

Неизменно входивший во все правящие коалиции с 2005 г. ХДС / ХСС руководствуется, с одной стороны, прагматическими задачами в арктическом регионе (защита окружающей среды, экспорт энергоносителей, инвестиционные проекты, технологическая экспансия, освоение северного морского пути, расширение научных исследований, включая геологоразведку); с другой стороны, пониманием того, что Германия – это неарктическое государство, и потому имеет скромные возможности влияния на эти территории. В период Большой коалиции 2005–2009 гг. представительница ХДС / ХСС Д. Вёрль (ХДС / ХСС) заявила, что правительство намерено расширить исследования месторождений нефти и газа в Арктике, а также активно поддерживать морские технологии, т.к. они имеют широкий потенциал занятости [24, S. 10781].

Выстроенные с СДПГ общие принципы арктической стратегии можно проследить в правительственном ответе на запрос фракции «Зелёные» по внешней энергетической политике (май 2009 г.). В нём правящий кабинет заявлял о стремлении:

1) руководствоваться такими международными актами, как Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., а также многосторонними природоохранными соглашениями (в частности, Лондонской конвенцией по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г. и Стокгольмской конвенцией о стойких органических загрязнителях 2001 г.);

2) участвовать во всех международных форумах, на которых обсуждаются вопросы, связанные с использованием ресурсов Арктики и сохранением её окружающей среды, особенно в работе Арктического совета в качестве наблюдателя и Международной морской организации (ИМО) в качестве активного участника;

3) продолжать широкое финансирование исследований Института имени Альфреда Вегенера в высоких широтах;

4) поддерживать основные принципы политики Еврокомиссии по защите окружающей среды в Арктике, т.е. учитывать интересы местного населения, содействовать устойчивому использованию ресурсов и поддерживать совершенствование многосторонних правил управления в регионе [10, S. 46–47].

В целом данный подход разделяла и СвДП, однако будучи оппозиционной фракцией, считала, что правительство недостаточно поддерживало свободу исследований в Арктике. Накануне объявления Четвёртого международного полярного года (2007 г.) либералы выступили с предложением «определить долгосрочные цели и разработать программу полярных исследований». В предложениях также содержался призыв содействовать тесному сотрудничеству между наукой и промышленностью для дальнейшего технологического развития в освоении региона. Предлагалось также использовать председательство в ЕС для привлечения партнёров в строительстве общеевропейского ледокола *Aurora Borealis* [11, S. 1-3]. Инициативу либералов поддержали «Зелёные» и «Левые», однако правящая коалиция её отвергла [12, S. 4].

Парламентские дискуссии по арктической проблематике в ФРГ в 2011–2013 гг.

В 2009 году СвДП стала членом правящей коалиции, в то время как СДПГ на четыре года ушла в оппозицию. В этом качестве социал-демократы 23.03.2011 подготовили предложение, впервые целиком и полностью посвящённое Арктике. В документе именуемом «Защитить полярные регионы – укрепить полярные исследования», главным пунктом была идея запуска национальной программы полярных исследований ФРГ и расширения арктической тематики в VIII Рамочной исследовательской программе ЕС.

В отличие от инициатив либералов, социал-демократы руководствовались не только принципом свободы исследований, но и желанием расширить количество институтов, занимающихся арктической проблематикой, а также исследовательских программ и проектов. Среди предложений фракции фигурировало значительное увеличение финансирования полярных исследований, повышение «осведомлённости населения Германии о важности полярных регионов для условий жизни в Европе», более решительная поддержка международных контактов учёных, международная поддержка полной свободы исследований Арктики по аналогии с Антаркти-

дой, запуск дополнительного ледокола, обеспечение «реалистичной структуры финансирования» европейских полярных исследований [15, S. 3].

Инициатива привела, по сути, к первым серьёзным дебатам по арктической политике Германии, которые состоялись на пленарном заседании Бундестага 30.06.2011. Правящая коалиция ХДС / ХСС и СвДП приветствовала требование расширить полярные исследования, однако полностью отвергла идею создания новых структур для этого. В свою очередь «Левые» и «Зелёные» в целом поддержали эту инициативу, но отметили, что одного расширения полярных исследований недостаточно для основательной арктической стратегии Германии. Одновременно социал-демократы подняли тему охраны морей и выступили за то, чтобы был заключён международный договор по охране Арктики по аналогии с Антарктическим договором и введён временный мораторий на добычу морских богатств. От имени фракции СДПГ было внесено предложение о создании глобальной сети морских охраняемых зон в рамках Конвенции ООН о биологическом разнообразии и о заключении договора по охране Арктики по аналогии с Антарктическим договором. «Левые» и «Зелёные» это предложение поддержали, в то время как ХДС / ХСС и СвДП его отклонили [14, S. 4].

В июне 2011 г. фракция «Зелёные» выступила с ещё более решительным видением арктической политики, представив предложение «Немедленно запустить Соглашение об охране Арктики – Международное сотрудничество по охране Арктики». В нём констатировалась уже начавшаяся гонка за ресурсами Северного Ледовитого океана и участвовавшие экспедиции арктических государств с целью обоснования расширения континентального шельфа. Выражалась озабоченность, что климат в регионе меняется гораздо более стремительно, чем на планете в целом, а приспособляемость различных видов арктических обитателей не поспевает за резким потеплением, что грозит глобальной катастрофой для биоразнообразия полярных районов.

Зелёные полагали, что Германия может играть активную роль в формировании международной арктической политики, а сама по-

литика должна руководствоваться не торговыми и ресурсными интересами, а сосредоточиться на основательной защите климата и окружающей среды. Как и социал-демократы, «Зелёные» являются сторонниками Арктического договора и считают недостаточными существующие соглашения и институты для защиты Арктики.

Предложения «Зелёных» сводились к следующим пунктам:

1) Германия должна стать «амбициозным пионером» в защите климата Арктики, не допуская его увеличения выше 2 градусов;

2) в Арктическом договоре должна быть существенно ограничена добыча сырья;

3) до заключения договора ввести международный мораторий на добычу полезных ископаемых (сырая нефть, природный газ, гидрат метана, уголь) и ядерного сырья во избежание местного и регионального загрязнения окружающей среды, а также дальнейших выбросов углекислого газа и метана;

4) в рамках Международной судоходной организации (ИМО) разработать «Полярный кодекс», который может стать частью Арктического договора;

5) ратифицировать Конвенцию МОТ № 169 о правах коренных народов;

6) более активно участвовать в обсуждениях Арктического совета и выступать за усиление его компетенции;

7) разработать единую позицию по защите Арктики в рамках Европейского Союза и представить её в Арктическом совете через европейские государства-члены;

8) выступать за укрепление Международного трибунала по морскому праву (МТМП) и Международного органа по морскому дну (МОДМ), предоставляя им возможности принимать меры против запланированных проектов и, в частности, запрещать добычу полезных ископаемых;

9) выступать за ограничение коммерческого судоходства в арктическом регионе до экологически совместимого уровня;

10) организовать устойчивый диалог по безопасности с арктическими государствами;

12) укреплять полярные исследования в Германии как важное обязательство по защите экосистемы и как символ приверженности Германии Арктике [16].

Дебаты по этой инициативе состоялись на пленарных заседаниях 21.09.2011 и 24.03.2012 [25, S. 14917–14922; 26, S. 21646–21654]. Правящая коалиция ХДС / ХСС и СвДП охарактеризовала этот план как крайне амбициозный и нереалистичный, подчеркнув, что неарктический статус ФРГ снижает её способность влиять на международное положение. «Осуществить требование зелёных и заставить государства соблюдать определённые экологические стандарты на своей территории крайне затруднительно, – заявила представитель ХДС / ХСС И. Либинг. – Мы должны признать, что Германия движется по очень тонкому льду, если она хочет вмешиваться в государственную политику других стран... Мы в Германии должны понимать международные процессы и сначала довольствоваться функцией наблюдателя», – подытожила она [25, S. 14918]. В свою очередь социал-демократы и «Левые» поддержали данные требования, особо подчёркивая угрозу бурения нефтяных скважин в свете произошедшего в 2010 г. взрыва нефтяной платформы «Deepwater Horizon» в Мексиканском заливе [25, S. 14918–14921].

Партия «Левые» проявляет ещё более активное внимание к арктической проблематике, воспринимая регион как арену межимпериалистических противоречий. Начиная с 2008 г. их партийная фракция регулярно выступает с запросами к правительству и акцентирует данную тему. «Левых» беспокоит, что таяние льдов будет «привлекать всё больше алчных взглядов», стимулировать рост спроса на энергию и международные торговые потоки, следовательно экологическое значение Арктики будет игнорироваться, а её биоразнообразие будет поставлено под прямую угрозу. «Левые» выступают за то, чтобы резолюции Арктического совета приобрели юридическую силу [25, S. 14921]. Их также волнует то, что рост добычи ресурсов арктических государств идёт параллельно с милитаризацией региона, в которую может быть втянута и ФРГ.

Данные опасения также были связаны с тем, что Бундесвер, начиная с 1992 г., не отрицал, что в число его задач входит «поддержание свободной мировой торговли и беспрепятственного доступа к рынкам и сырью», что не исключало военных сценариев обеспечения энергопоставок [13, S. 1–2]. В последнем малом запросе (май 2020 г.) фракция выразила глубокую озабоченность участвовавшими манёврами Бундесвера в арктическом регионе, которые, по мнению «Левых», не соответствуют цели федерального правительства поддерживать конфликтный потенциал Арктики на низком уровне [21, S. 1–2].

От межпартийного компромисса к практической реализации: арктическая стратегия Германии в 2013–2019 гг.

Бурные дебаты по арктической политике привели правящий кабинет к осознанию необходимости принятия арктической стратегии [29], однако практически этот вопрос стал реализовываться лишь после выборов 22.09.2013, когда социал-демократы вновь вернулись в правительство и образовали с ХДС / ХСС «большую коалицию».

Первая арктическая стратегия ФРГ «Руководящие принципы германской арктической политики» (ноябрь 2013 г.) носила преимущественно умеренно-прагматический характер и не содержала серьёзного полевения [32]. Поворотный характер 2013 г. в части актуализации арктической проблематики в политическом дискурсе Германии подчёркивается не только утверждением «Руководящих принципов», но и тем, что вопросы Арктики введены в повестку ведущих партий страны, что зафиксировано в коалиционном договоре «Создавая будущее Германии» ХДС, ХСС и СДПГ на 18-й созыв Бундестага [5, S. 120].

Приоритеты стратегии включали «долгосрочное стабильное и экологически безопасное энергоснабжение», освоение арктических источников сырья, принцип свободы арктических исследований, «высокие экологические стандарты и стандарты безопасности» в разработке новых ресурсов и развитии новых судоходных маршрутов в Арктике, постоянный пересмотр стандартов безопасности и

защиты, ориентация на существующие международные соглашения и работу в Арктическом совете, поддержка активной роли Евросоюза в арктической политике [32, S. 7–10, 12–16].

«Руководящие принципы» 2013 г. учитывали приоритеты левых партий: была закреплена ориентация на разработку Полярного кодекса в рамках ИМО, поддерживались превентивные меры по защите от загрязнения нефтью, обращалось внимание на коренное население. Главным принципом арктической политики был объявлен принцип «экологической настороженности» [32, S. 5, 8, 9–10], т.е. презумпция экологической опасности любой хозяйственной деятельности в Арктике и необходимости её заблаговременного предотвращения. Однако в целом арктическая риторика СДПГ после возвращения в правительство резко сместилась вправо и приобрела довольно умеренный характер.

Это ярко проявилось при подготовке ответа на запрос фракции «Зелёных» об охране арктических вод в 2015 г. Правительство не поддержало идеи Арктического договора, моратория на добычу полезных ископаемых, запрета на бурение нефтяных скважин и на рыболовецкие промыслы в Арктике [18, S. 7]. В этой связи активным продвижением арктической экологической повестки занимались, прежде всего, «Левые» и «Зелёные». Фракция «Зелёных» в августе 2015 г. выступила с запросами о добыче ископаемого арктического сырья [19], в сентябре 2016 г. – о таянии арктического льда [27, S. 19094–19095], в марте 2017 г. – о климатическом кризисе [17], в октябре 2018 г. – о развитии круизного туризма [22, S. 3, 5–6]. Каждый из этих запросов содержал уже озвученные в 2011–2012 гг. позиции партии. Резкой критике арктическую стратегию 2013 г. подвергли и «Левые», обвинив правительство в том, что его главной целью является доступ к арктическому сырью; а нежелание сдерживать крупные корпорации и межгосударственные конфликты будет приводить к милитаризации региона, росту глобального неравенства и обострению экологических проблем [20, S. 1–3].

Вместе с тем в течение второй половины 2010-х гг. подходы к Арктике даже правящего кабинета неуклонно левели, т.к. ввиду

не-арктического положения основным способом публично-правового позиционирования Германии в регионе была именно экологическая повестка. После подписания Парижских соглашений 2015 г. и вступления в силу Международного кодекса для судов, эксплуатируемых в полярных водах (Полярный кодекс) в 2017 г. для Германии открылись новые горизонты вовлечения в регион. В действующем коалиционном соглашении ХДС / ХСС и СДПГ выделены такие приоритеты ведущих партий ФРГ, как защита экологии и биоразнообразия арктических морей и развитие полярных исследований [23, S. 36, 138]. Высокий запрос на экологическую повестку сохранялся и внутри германского общества: в мае 2019 г. на выборах в Европарламент «Зелёные» стали главными триумфаторами, набрав свыше 20% голосов и выйдя на второе место по стране.

В этой связи федеральное правительство пошло на переработку «Руководящих принципов арктической политики» и 21.08.2019 издало их новую редакцию [33]. В отличие от документа 2013 г., новая концепция характеризуется ориентацией на более широкую аудиторию и аргументацией ряда принципов, что свидетельствует о том, что власти и парламентарии страны последовательно стараются сформировать арктическую повестку в широком общественном пространстве. Заметно изменилась и тональность стратегии с позиции государства–наблюдателя в сторону активного вовлечения в Арктику [31].

Выстраивая свою новую стратегию на старом принципе предосторожности и новом принципе «загрязнитель платит», в обновлённой редакции сделан гораздо больший акцент на экологическом ущербе от нерегулируемой добычи ресурсов и потеплении климата в Арктике [33, S. 11–15]. Кроме того содержатся и другие шаги навстречу левым партиям: требования многонациональной разработки концепций защиты окружающей среды в случае аварий, полного запрета тяжёлой нефти в качестве топлива, обозначения и расширения особо уязвимых морских районов [33, S. 20, 23]. Вместе с тем, концепция не пересматривает практически все старые принципы, в том числе доступа к ресурсам Арктики. Значительно шире представлен раздел о безопасности, в том числе и участие НАТО, хотя

тут же правительство решительно отрицает милитаризацию региона [33, S. 25, 42].

В дальнейшем под давлением правых партий ФРГ может продолжить позиционирование страны как влиятельного субъекта в Арктике, а под давлением слева – расширять перечень вопросов международного регулирования, который сама же и будет задавать. При этом арктический имидж Германии будет складываться из тех ориентиров, которые не вызывают дискуссий ни в обществе, ни в парламенте:

- 1) Германия должна на международном уровне выступать за более строгие экологические стандарты и тем самым влиять на регион;
- 2) будучи технологическим лидером, стараться продвигать в Арктику современные и безопасные технологии;
- 3) имея развитую инфраструктуру арктических исследований, страна должна поддерживать свободу исследований в регионе.

Заключение

Во втором десятилетии XXI в. по итогам внутривнутриполитических дискуссий и обсуждений ФРГ оказалась первым из «неарктических» государств, наряду с Объединённым Королевством, которые сформулировали собственные стратегии в отношении Арктики (Нидерланды – 2014 г., Италия – 2015 г., Испания и Франция – 2016 г.). В дальнейшем, в 2018–2019 гг., Германия вместе с Францией, Великобританией и Шотландией, произвела ревизию и обновление своей арктической политики [4, P. 7].

Германская доктрина в первую очередь отражает позиции страны как одного из мировых флагманов полярных исследований и отчасти мировой торговли, что отражается в её фокусе главным образом на проблемах экологии, международного морского права и науки. Тем не менее, обращает на себя внимание и готовность ФРГ «нести ответственность» в таких сферах, как военная безопасность, морские перевозки, производства продуктов питания, освоение ресурсов и экономическое развитие [35].

Кроме того, арктическая стратегия Германии как члена ЕС примечательна несколькими акцентами, отсутствующими в документах

Евросоюза по данной проблематике. Так, доктрина ФРГ содержит специальные отсылки к Декларации ООН о правах коренных народов (UNDRIP) 2007 г. и Конвенции МОТ № 169 (Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах) 1989 г., которые не упоминаются в материалах ЕС по Арктике. Этот факт позволяет предполагать стремление ФРГ к собственной особой позиции в рамках общей политики Евросоюза, причём, находящей отклик у арктических государств, о чём, например, свидетельствует неоднократно озвученная готовность правительств Канады и Норвегии к обсуждению с ЕС совместных действий, созвучных позиции ФРГ.

Список литературы

1. Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: хрестоматия в 3 томах / Рос. совет по межд. делам [под общ. ред. И.С. Иванова]. М.: Аспект-пресс, 2013. Т. 1. 360 с.
2. Белов В.В. Стратегия Германии в Арктике // Арктика и Север. 2016. №24. С. 96–104. http://www.arcticandnorth.ru/upload/iblock/91b/07-_belov.pdf
3. Подоплёкин А.О. Арктика как объект геополитических интересов неарктических государств // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 2. С. 40–46.
4. A Balanced Arctic Policy for the EU. Policy Department for External Relations. Directorate General for External Policies of the Union. PE 603.498. July 2020. Brussels: European Parliament, 2002. 50 p. DOI: <https://doi.org/10.2861/42779>
5. Deutscher Bundestag. Deutschlands Zukunft gestalten: Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD: 18. Legislaturperiode. Berlin, 27. November 2013. 175 S.
6. Deutscher Bundestag. Drucksache 11 / 3246. Erster Zwischenbericht der Enquete-Kommission «Vorsorge zum Schutz der Erdatmosphäre» gemäß Beschluß des Deutschen Bundestages vom 16. Oktober und vom 27. November 1987 (02.11.1988). 300 S.
7. Deutscher Bundestag. Drucksache 11 / 8030. Dritter Bericht der Enquete-Kommission «Vorsorge zum Schutz der Erdatmosphäre» zum Thema «Schutz der Erde» (24.05.1990). 935 S.

8. Deutscher Bundestag. Drucksache 12 / 8600. Schlußbericht der Enquete-Kommission «Schutz der Erdatmosphäre» zum Thema «Mehr Zukunft für die Erde – Nachhaltige Energiepolitik für dauerhaften Klimaschutz» (31.10.1994). 746 S.
9. Deutscher Bundestag. Drucksache 13 / 4554. Bundesbericht Forschung 1996 (08.05.1996). 676 S.
10. Deutscher Bundestag. Drucksache 16 / 13276. Antwort der Bundesregierung: Zur Energieaußenpolitik der Bundesregierung (28. 05. 2009). 252 S.
11. Deutscher Bundestag. Drucksache 16 / 4454. Antrag: Das Internationale Polarjahr 2007 / 2008 und Konsequenzen für eine deutsche Beteiligung (28.02. 2007). 3 S.
12. Deutscher Bundestag. Drucksache 16 / 7854. Beschlussempfehlung und Bericht des Ausschusses für Bildung, Forschung und Technikfolgenabschätzung (18. Ausschuss): Das Internationale Polarjahr 2007 / 2008 und Konsequenzen für eine deutsche Beteiligung (23.01.2008). 4 S.
13. Deutscher Bundestag. Drucksache 16 / 8881. Antrag: Konsequente Energiewende statt Militarisierung der Energieaußenpolitik (23.04.2008). 5 S.
14. Deutscher Bundestag. Drucksache 17 / 4566. Beschlussempfehlung und Bericht des Ausschusses für Umwelt, Naturschutz und Reaktorsicherheit (16. Ausschuss): a) Unsere Meere brauchen Schutz; b) Schutz der Meere vor Vermüllung und anderen Verschmutzungen (26.01.2011). 6 S.
15. Deutscher Bundestag. Drucksache 17 / 5228. Antrag: Polarregionen schützen – Polarforschung stärken (23.03.2011). 3 S.
16. Deutscher Bundestag. Drucksache 17 / 6499. Antrag: Abkommen zum Schutz der Arktis unverzüglich auf den Weg bringen – Internationale Zusammenarbeit zum Schutz der Arktis (06.07.2011). 3 S.
17. Deutscher Bundestag. Drucksache 18 / 11887. Kleine Anfrage: Position der Bundesregierung zur Klimakrise und Eisschmelze in der Arktis (29.03.2017). 5 S.
18. Deutscher Bundestag. Drucksache 18 / 4605. Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage: Nutzung und Schutz der arktischen Gewässer (13.04.2015). 14 S.
19. Deutscher Bundestag. Drucksache 18 / 5692. Kleine Anfrage: Engagement der Bundesregierung bei der Ausbeutung fossiler arktischer Rohstoffe (29.07.2015). 3 S.

20. Deutscher Bundestag. Drucksache 19 / 13193. Kleine Anfrage: Deutsche Arktispolitik (13.09.2019). 10 S.
21. Deutscher Bundestag. Drucksache 19 / 19084. Kleine Anfrage: Aktivitäten der Bundeswehr in der Arktis (11.05.2020). 4 S.
22. Deutscher Bundestag. Drucksache 19 / 4791. Kleine Anfrage: Aktuelle Entwicklungen im Kreuzfahrttourismus (08.10.2018). 6 S.
23. Deutscher Bundestag. Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land: Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD: 19. Legislaturperiode. Berlin, 12. März 2018. 175 S.
24. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll 16 / 105. Stenografischer Bericht: 105. Sitzung: Berlin, Donnerstag, den 21. Juni 2007. S. 10701–10903.
25. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll 17 / 126. Stenografischer Bericht: 126. Sitzung: Berlin, Mittwoch, den 21. September 2011. S. 14789–14999.
26. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll 17 / 181. Stenografischer Bericht: 181. Sitzung: Berlin, Donnerstag, den 24. Mai 2012. S. 21467–21673.
27. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll 18 / 192. Stenografischer Bericht: 192. Sitzung: Berlin, Mittwoch, den 28. September 2016. S. 19083–19136.
28. Germany 2020: Energy Policy Review. Paris: International Energy Agency, 2020. 229 P.
29. Haftendorn H. Zaungast in der Arktis. Deutschlands Interessen an Rohstoffen und Naturschutz // Internationalepolitik. 2011. №4 (Juli / August). S. 72–79.
30. Hossain K. EU Engagement in the Arctic: Do the Policy Responses from the Arctic States Recognize the EU as a Legitimate Stakeholder? // Arctic Review on Law and Politics. 2015. Vol. 6, № 2. p. 89-110. DOI: <https://doi.org/10.23865/arctic.v11.2401>
31. Kronauer J. Berlin mischt mit: Militarisierung der Arktis auch mit Hilfe der BRD // Junge Welt. 2020. 11. August. S. 3.
32. Leitlinien deutscher Arktispolitik: Verantwortung übernehmen, Chancen nutzen / Auswärtiges Amt, November 2013; Referat für Arktispolitik (E07); Referat für wirtschafts-, umweltund forschungspolitische Aspekte des Arktischen Ozeans (405). Berlin: Auswärtiges Amt, 2013. 22 S.

33. Leitlinien deutscher Arktispolitik: Verantwortung übernehmen, Vertrauen schaffen, Zukunft gestalten. Berlin: Zarbock, 2019. 43 S.
34. Steinicke S. A Slow Train Coming. Germany's Emerging Arctic Policy // Perceptions and Strategies of Arcticness in Sub-Arctic Europe. Ed. A. Sprūds and T. Rostoks. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2014. pp. 119–145.
35. Wegge N. Arctic Security Strategies and the North Atlantic States // Arctic Review on Law and Politics. 2020. Vol. 11. pp. 360–382. DOI: 10.23865/arctic.v11.2401.

References

1. *Arkticheskij region: Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva* [Arctic region: Problems of international cooperation]. M.: Aspekt-press, 2013, vol. 1, 360 p.
2. Belov V.V. *Arktika i Sever*, 2016, no. 24, pp. 96–104. http://www.arcticandnorth.ru/upload/iblock/91b/07-_belov.pdf
3. Podoplekin A.O. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Serija «Gumanitarnye i social'nye nauki»*, 2011, no. 2, pp. 40–46.
4. A Balanced Arctic Policy for the EU. Policy Department for External Relations. Directorate General for External Policies of the Union. PE 603.498. July 2020. Brussels: European Parliament, 2002. 50 p. <https://doi.org/10.2861/42779>
5. Deutscher Bundestag. Deutschlands Zukunft gestalten: Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD: 18. Legislaturperiode. Berlin, 27. November 2013. 175 S.
6. Deutscher Bundestag. Drucksache 11 / 3246. Erster Zwischenbericht der Enquete-Kommission «Vorsorge zum Schutz der Erdatmosphäre» gemäß Beschluß des Deutschen Bundestages vom 16. Oktober und vom 27. November 1987 (02.11.1988). 300 S.
7. Deutscher Bundestag. Drucksache 11 / 8030. Dritter Bericht der Enquete-Kommission «Vorsorge zum Schutz der Erdatmosphäre» zum Thema «Schutz der Erde» (24.05.1990). 935 S.
8. Deutscher Bundestag. Drucksache 12 / 8600. Schlußbericht der Enquete-Kommission «Schutz der Erdatmosphäre» zum Thema «Mehr

- Zukunft für die Erde – Nachhaltige Energiepolitik für dauerhaften Klimaschutz» (31.10.1994). 746 S.
9. Deutscher Bundestag. Drucksache 13 / 4554. Bundesbericht Forschung 1996 (08.05.1996). 676 S.
  10. Deutscher Bundestag. Drucksache 16 / 13276. Antwort der Bundesregierung: Zur Energieaußenpolitik der Bundesregierung (28. 05. 2009). 252 S.
  11. Deutscher Bundestag. Drucksache 16 / 4454. Antrag: Das Internationale Polarjahr 2007 / 2008 und Konsequenzen für eine deutsche Beteiligung (28.02. 2007). 3 S.
  12. Deutscher Bundestag. Drucksache 16 / 7854. Beschlussempfehlung und Bericht des Ausschusses für Bildung, Forschung und Technikfolgenabschätzung (18. Ausschuss): Das Internationale Polarjahr 2007 / 2008 und Konsequenzen für eine deutsche Beteiligung (23.01.2008). 4 S.
  13. Deutscher Bundestag. Drucksache 16 / 8881. Antrag: Konsequente Energiewende statt Militarisierung der Energieaußenpolitik (23.04.2008). 5 S.
  14. Deutscher Bundestag. Drucksache 17 / 4566. Beschlussempfehlung und Bericht des Ausschusses für Umwelt, Naturschutz und Reaktorsicherheit (16. Ausschuss): a) Unsere Meere brauchen Schutz; b) Schutz der Meere vor Vermüllung und anderen Verschmutzungen (26.01.2011). 6 S.
  15. Deutscher Bundestag. Drucksache 17 / 5228. Antrag: Polarregionen schützen – Polarforschung stärken (23.03.2011). 3 S.
  16. Deutscher Bundestag. Drucksache 17 / 6499. Antrag: Abkommen zum Schutz der Arktis unverzüglich auf den Weg bringen – Internationale Zusammenarbeit zum Schutz der Arktis (06.07.2011). 3 S.
  17. Deutscher Bundestag. Drucksache 18 / 11887. Kleine Anfrage: Position der Bundesregierung zur Klimakrise und Eisschmelze in der Arktis (29.03.2017). 5 S.
  18. Deutscher Bundestag. Drucksache 18 / 4605. Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage: Nutzung und Schutz der arktischen Gewässer (13.04.2015). 14 S.
  19. Deutscher Bundestag. Drucksache 18 / 5692. Kleine Anfrage: Engagement der Bundesregierung bei der Ausbeutung fossiler arktischer Rohstoffe (29.07.2015). 3 S.

20. Deutscher Bundestag. Drucksache 19 / 13193. Kleine Anfrage: Deutsche Arktispolitik (13.09.2019). 10 S.
21. Deutscher Bundestag. Drucksache 19 / 19084. Kleine Anfrage: Aktivitäten der Bundeswehr in der Arktis (11.05.2020). 4 S.
22. Deutscher Bundestag. Drucksache 19 / 4791. Kleine Anfrage: Aktuelle Entwicklungen im Kreuzfahrttourismus (08.10.2018). 6 S.
23. Deutscher Bundestag. Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land: Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD: 19. Legislaturperiode . Berlin, 12. März 2018. 175 S.
24. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll 16 / 105. Stenografischer Bericht: 105. Sitzung: Berlin, Donnerstag, den 21. Juni 2007. S. 10701–10903.
25. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll 17 / 126. Stenografischer Bericht: 126. Sitzung: Berlin, Mittwoch, den 21. September 2011. S. 14789–14999.
26. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll 17 / 181. Stenografischer Bericht: 181. Sitzung: Berlin, Donnerstag, den 24. Mai 2012. S. 21467–21673.
27. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll 18 / 192. Stenografischer Bericht: 192. Sitzung: Berlin, Mittwoch, den 28. September 2016. S. 19083–19136.
28. Germany 2020: Energy Policy Review. Paris: International Energy Agency, 2020. 229 P.
29. Haftendorn H. Zaungast in der Arktis. Deutschlands Interessen an Rohstoffen und Naturschutz // Internationalepolitik. 2011. №4 (Juli / August). S. 72–79.
30. Hossain K. EU Engagement in the Arctic: Do the Policy Responses from the Arctic States Recognize the EU as a Legitimate Stakeholder? // Arctic Review on Law and Politics. 2015. Vol. 6, № 2. p. 89-110. DOI: <https://doi.org/10.23865/arctic.v11.2401>
31. Kronauer J. Berlin mischt mit: Militarisierung der Arktis auch mit Hilfe der BRD // Junge Welt. 2020. 11. August. S. 3.
32. Leitlinien deutscher Arktispolitik: Verantwortung übernehmen, Chancen nutzen / Auswärtiges Amt, November 2013; Referat für Arktispolitik (E07); Referat für wirtschafts-, umweltund forschungspolitische Aspekte des Arktischen Ozeans (405). Berlin: Auswärtiges Amt, 2013. 22 S.
33. Leitlinien deutscher Arktispolitik: Verantwortung übernehmen, Vertrauen schaffen, Zukunft gestalten. Berlin: Zarbock, 2019. 43 S.

34. Steinicke S. A Slow Train Coming. Germany's Emerging Arctic Policy // Perceptions and Strategies of Arcticness in Sub-Arctic Europe. Ed. A. Sprūds and T. Rostoks. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2014. pp. 119–145.
35. Wegge N. Arctic Security Strategies and the North Atlantic States // Arctic Review on Law and Politics. 2020. Vol. 11. pp. 360–382. DOI: 10.23865/arctic.v11.2401.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Попов Иван Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Набережная Северной Двины, 17, г. Архангельск, 163002, Российская Федерация
i.d.popov@narfu.ru

Подоплёкин Андрей Олегович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории социокультурной динамики развития Арктических регионов Российской Федерации, заместитель директора по международному сотрудничеству, член Рабочей группы по социальным и гуманитарным наукам Международного арктического научного комитета
Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук
Набережная Северной Двины, 23, г. Архангельск, 163000, Российская Федерация
podoplekin@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Popov Ivan D., Candidate of Sciences (History), Docent, Docent of the World History Department
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
17, naberezhnaya Severnoi Dviny, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

i.d.popov@narfu.ru

SPIN-code: 7156-7061

ResearcherID: C-9135-2014

ORCID: 0000-0001-6740-2387

Scopus Author ID: 57220874993

Podoplekin Andrey Olegovich, Candidate of Sciences (History), Do-
cent, lead research fellow, Laboratory of Social-Cultural Dynam-
ics of Development of the Arctic Regions of the Russian Federa-
tion, deputy director, member of Social and Humanities Working
Group of the International Arctic Science Committee

*N.P. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the
Ural branch of the Russian Academy of Sciences*

*23, naberezhnaya Severnoi Dviny, Arkhangelsk, 163000, Russian
Federation*

podoplekin@mail.ru

SPIN-code: 4413-6953

ResearcherID M-6321-2016

ORCID: 000-0001-9939-6153

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LANGUAGE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-130-167

УДК 10.00.01

**КОННОТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО РЕЧЕВОГО
УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗООНИМОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ
ГРУППЫ «ЗАЙЦЕОБРАЗНЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ»)*****Болгова Е.В.***

Актуальность исследования обусловлена необходимостью фиксации процессов метаязыкового сознания, выявляемых в результате анализа функционирования языковых структур в современной речевой практике.

Цель работы – проанализировать специфику коннотативного потенциала зоонимической лексики современного русского языка.

Объект исследования – тематическая группа «Зайцеобразные млекопитающие».

Предмет исследования – коннотативный потенциал лексики данной тематической группы.

Методами исследования являются метод сплошной выборки, метод компонентного и дискурсивного анализа, анализ словарных дефиниций. Новизна работы состоит в таком анализе семантической структуры слова, который обнаруживает значимость признака в зависимости от его закреплённости в языковом сознании говорящего, а также в выявлении тенденций развития коннотативной системы зоонимической лексики современного русского языка.

Результаты исследования. Анализ функционирования зоонимов тематической группы «Зайцеобразные млекопитающие» показал,

что лексикографическое описание слов данной тематической группы не всегда отражает вторичное (переносное, метафорическое) значение. Изучение речевой практики показывает не только расширение коннотативного потенциала зоонимов, его содержания, но и изменение его состава, перераспределение его компонентов и усиление антропоцентрического начала, то есть его связи с человеческим сознанием. Были выявлены две тенденции развития коннотативного потенциала зоонимической лексики современного русского языка: первая – семантические модификации, основанные на семантико-прагматических процессах, и вторая – антропоцентризация, которая предполагает смену ценностной ориентации в сторону человека. Доказано, что речевая практика актуализирует как узуальные, так и окказиональные коннотативные компоненты. Утверждается, что главным механизмом возникновения коннотаций устойчивых сравнений русского языка выступают зрительные ассоциации.

Область применения результатов исследования. *Результаты исследования могут быть применены в учебном процессе в языковых вузах: в лекционных курсах по лексикологии, лингвокультурологии, семиотике, стилистике, общего языкознания, в преподавании спецкурсов и спецсеминаров по этим дисциплинам, на лекционных и семинарских занятиях по интерпретации художественного текста.*

Ключевые слова: *зоонимы; коннотативные признаки; современное речевое русскоязычное употребление*

**CONNOTATIVE POTENTIAL
OF THE VOCABULARY OF THE MODERN RUSSIAN
LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF MODERN SPEECH
USE OF ZOONYMS OF THE THEMATIC GROUP
“HARE-LIKE MAMMALS”)**

Bolgova E. V.

The relevance of the study is due to the need to fix the processes of metalanguage consciousness, revealed as a result of the analysis of the functioning of linguistic structures in modern speech practice.

*The **purpose** of the work is to analyze the specifics of the connotative potential of the zoonymic vocabulary of the modern Russian language.*

*The **object of the research** is the thematic group “Hare-like mammals”.*

*The **subject of the research** is the connotative potential of the vocabulary of this thematic group.*

***Research methods** are the method of continuous sampling, the method of component and discourse analysis, the analysis of dictionary definitions. The novelty of the work lies in such an analysis of the semantic structure of a word, which reveals the significance of a feature depending on its fixation in the speaker’s linguistic consciousness, as well as in identifying trends in the development of the connotative system of zoonymic vocabulary of the modern Russian language.*

***Research results.** The analysis of the functioning of zoonyms of the thematic group “Hare-like mammals” showed that the lexicographic description of the words of this thematic group does not always reflect the secondary (figurative, metaphorical) meaning. The study of speech practice shows not only the expansion of the connotative potential of zoonyms, its content, but also a modification in its composition, the redistribution of its components and the strengthening of the anthropocentric principle, that is, its connection with human consciousness. Two trends in the development of the connotative potential of the zoonymic vocabulary of the modern Russian language have been identified: the first is semantic modifications based on semantic-pragmatic processes, and the second is anthropocentrization, which involves a change in value orientation towards a person. It has been proved that speech practice actualizes both the usual and the occasional connotative components. It is argued that the main mechanism for the emergence of connotations of stable comparisons of the Russian language is visual associations.*

***Practical implications.** The research results can be applied in the educational process in language universities: in lecture courses on lexicology, linguoculturology, semiotics, stylistics, general linguistics, in teaching special courses and special seminars in these disciplines, in lectures and seminars on the interpretation of artistic text.*

***Keywords:** connotative features; zoonymic vocabulary; modern Russian-language speech practice*

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью фиксации процессов метаязыкового сознания, выявляемых в результате анализа функционирования языковых структур в современной речевой практике. Исследование дискурса особо актуально также при изучении меняющего когнитивного опыта человека, позволяющего обнаружить многочисленные связи между свойствами живой и неживой природы и человеческими качествами.

Цель работы – проанализировать специфику коннотативного потенциала зоонимической лексики современного русского языка.

Задачи работы обусловлены ее целью и предполагают следующие исследовательские шаги: 1) выявить разновидности коннотативных признаков зоонимов определенной тематической группы; 2) проследить особенности функционирования зоонимов исследуемой группы в современной речевой практике; 3) определить тенденции изменения коннотативного потенциала исследуемой зоонимической лексики.

Объект исследования – тематическая группа «Зайцеобразные млекопитающие» (терминология Е.Е. Юркова), включающая в себя обозначения следующих грызунов: байбак, дикобраз, ёж, ехидна, заяц, кролик, крот, крыса, мышь, сурок, суслик, хомяк. Выделение тематической группы и ее состав обусловлены спецификой метафорического освоения человеком мира [32, с. 431-432].

Предмет исследования – коннотативный потенциал лексики данной тематической группы.

Материал исследования – 1000 контекстов употребления зоонимов тематической группы «Зайцеобразные млекопитающие».

Источники исследования – толковые словари современного русского языка, словари сравнений, ассоциативные словари, Национальный корпус русского языка.

Использование Национального корпуса русского языка является принципиальным для данной работы, поскольку материалы Национального корпуса русского языка соответствуют принципам дескриптивного описания языка, принимающего во внимание язы-

ковую интуицию носителей языка. Выявление примеров из Национального корпуса русского языка осуществлялся путем автоматического поиска по точному совпадению.

Методами исследования являются метод сплошной выборки, метод компонентного и дискурсивного анализа, анализ словарных дефиниций.

Новизна работы состоит в таком анализе семантической структуры слова, который обнаруживает значимость признака в зависимости от его закреплённости в языковом сознании говорящего.

Мы основываемся на мнении Ю.Ю. Ушаковой, которая, разрабатывая область компаративной сочетаемости, указывает, что в сравнительной конструкции могут эксплицироваться не только самые сильные коннотации или постоянные признаки объекта сравнения, но и самые случайные (реальные или ассоциативные) его свойства, что даёт основание говорить, что сравнительная конструкция является средством формирования у слова новых коннотаций [28, с. 12] в отличие, например, от подхода, предложенного О.А. Рыжкиной, акцентирующей свое внимание на перераспределении компонентов лексического значения по степени их значимости при употреблении зоонима в речи [21, с. 19].

Кроме того, новизна работы состоит в выявлении тенденций развития коннотативной системы зоонимической лексики современного русского языка.

Постановка проблемы

Коннотативный компонент значения слова давно привлекает внимание лингвистов [13; 18; 26].

Коннотация в современном учении о семантической структуре слова понимается узко (как эмоциональный и оценочный компоненты значения или элемент прагматики) и широко (как совокупность стилистического, оценочного, эмоционального (эмотивного, экспрессивного), образного и культурного компонентов) [3, с. 67; 11, с. 92; 12; 25 и мн. др.]. Коннотация оценивается как макроэлемент лексического значения слова, хотя на этот счет существуют

разные мнения: ученые обсуждают, входит ли коннотация в структуру языкового значения или является сугубо речевым феноменом [6, с. 10-11]. Часть исследователей рассматривает коннотацию как дополнительную информацию, не входящую непосредственно в лексическое значение [3; 11; 27]. Серьезную проблему представляет разграничение денотативного и коннотативного аспектов значения [10, с. 135-146]. Многие ученые отмечают диалектическую взаимосвязь коннотата и денотата [2; 7; 12; 25; 30 и др.]. Наряду с коннотативным компонентом апеллятивной лексики исследуется так называемая ономастическая (как частный случай – антропонимическая) коннотация [8]. Отмечая типы коннотации, выделяемых В.И. Говердовским, Л.И. Зубкова, например, рассматривает 18 типов антропонимической коннотации, среди которых коннотации заимствованности, новизны и архаичности.

Есть мнение представить проблему коннотации в русле антропоцентрической парадигмы, в рамках которой считается, что коннотация как аспект лексического значения обусловлена дуализмом, то есть одновременной принадлежностью лексического значения как языковой системе, так и человеческому сознанию [6, с. 6].

Исследования ученых в области коннотативного макрокомпонента семантики слов показали некоторые тенденции его изменения. Так, Е.В. Сенько, исследуя китайские слова в современном русском языке, отмечает следующие коннотативные сдвиги, представленные частными трансформациями: исчезают семы отрицательной эмоциональной оценки; отрицательные семы меняются на положительные, нейтральные эмотивные семы трансформируются в положительные или отрицательные, семы положительной эмоциональной оценки меняются на отрицательные эмотивные [23, с. 63]. Л.Г. Зубкова, анализируя прецедентные имена, утверждает, что коннотативная наполненность слова увеличивается постепенно благодаря расширению речевых контекстов [8, с. 21, 24-25]. Н.В. Черникова, обращаясь к современной политико-идеологической лексике, выявляет переориентацию базовых сигнификатов, семантическую модификацию, внутрилексемную реструктуризацию и контекстную

диффузность коннотативной семантики [29, с. 22]. З.И. Минеева при исследовании зоотропов обнаружила тенденцию изменения их семантики от конкретному к абстрактному [16].

Основой анализа в нашем исследовании является мысль о том, что функционирование зоонима в речевой практике актуализирует в его семантической структуре коннотативные признаки разного типа. Мы разделяем точку зрения Ю.Ю. Ушаковой, что коннотативная система, являясь мощным средством, проявлением и результатом познавательной деятельности человеческого сознания, не является застывшим конгломератом, а находится в состоянии постоянного изменения и развития [28, с. 13]. Для нашего исследования важно, что у слова есть «сильные коннотации» (Ю.Ю. Ушакова), которые в нашей терминологии называются словарными, то есть представленными в толковании лексического значения в словарях литературного русского языка; коннотации, которые являются переходными от сильных к слабым, то есть закрепленными в языковом сознании носителя языка/культуры, но не представленными в словарях литературного русского языка, и слабые коннотации, которые не ассоциируются в полной степени в языковом сознании с данным зоонимом, так как имеют множественные синтагматические связи и эти связи лишь частично могут пересекаться с употреблением зоонима. Такое деление в отличие от традиционного выделения оценочных коннотативных компонентов и распределения изучаемых зоонимов на группы с разным соотношением семантики (нейтральной, негативной и положительной) [16, с. 331] позволяет проследить все оттенки коннотативного макрокомпонента, а не только оценочность, учитывая прозрачность границ между языком и речью.

Кроме того, в отдельную группу выделяются коннотации, которые не направлены на актуализацию постоянного признака животного для обозначения человека, а наоборот, выделяют в животном признаки человека. Этот подход даст возможность выявить процесс антропоцентризации в группе зоонимической лексики, который меняет вектор отношений человек↔животное, определив активную и пассивную роль всех участников когнитивного взаимодействия.

Рассмотрим эти положения на примере тематической группы «Зайцеобразные млекопитающие».

Результаты исследования

Тематическая группа «Зайцеобразные млекопитающие» включает в себя обозначения грызунов: байбак, дикобраз, ёж, ехидна, заяц, кролик, крот, крыса, мышь, сурок, суслик, хомяк.

Лексикографическое описание слов данной тематической подгруппы не всегда отражает вторичное (переносное, метафорическое) значение. Из 12 названий животных такое значение отражено в [5] только в 7. Причем статус такого компонента различен: в одних случаях это второе значение (байбак – о ленивом или одиноком, не имеющем своей семьи человеке [5, с. 55]; хомяк – о ком-либо неповоротливом, нерасторопном, обычно полном [Там же, с. 1451]; дикобраз – о лохматом, непричесанном, неопрятном человеке [Там же, с. 259]; крыса – (с опр.) о человеке, род занятий, деятельность которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное [Там же, с. 476]); в других – коннотация, добавляющая основное значение (суслик – о молодых, неопытных людях. *Эх вы, суслики!* [Там же, с. 1291]; ёж – о неуступчивом, обидчивом, колючем человеке [Там же, с. 295]); есть варианты представления информации как энциклопедической справки (заяц – традиционный персонаж русского фольклора – слабый, беззащитный, трусливый зверь) [Там же, с. 359]).

Употребление зоонимов в речевой практике увеличивает коннотативную наполненность слов, раскрывая их потенциал и актуализируя как узуальные, так и окказиональные коннотативные компоненты.

Анализируемую группу можно условно разделить по ключевому слову на следующие подгруппы: «сурок» (байбак, сурок, суслик, хомяк), «ёж» (дикобраз, ёж, ехидна), «заяц» (заяц, кролик), «крыса» (крыса, мышь) и «крот» (крот). Критерием для объединения слов в подгруппы служит не только биологический признак животного, но и общие ведущие коннотативные признаки зоонима.

В подгруппе «сурок» высокочастотным зоонимом, употребляемым в речевой практике в переносном значении, является слово сус-

лик. Ведущими признаками лексемы являются «ленивый» и «одинокий». Это сильные коннотации, которые являются узуальными, так как эти элементы значения стабильны, укоренены в языковом и национальном сознании носителя русского языка. Показателем стабильности («силы») коннотации является их фиксация в словарях русского литературного языка, в том числе в словаре устойчивых сравнений. См.: **жить как байбак** – обычно о ленивом, нигде не работающем человеке [14, с. 220]; **лежать как байбак** – о ленивом, не желающем трудиться человеке [Там же, с. 231]; **спать как сурок** – о человеке, быстро засыпающем и спящем крепко, долго [Там же, с. 72]; **спать как суслик <в норе/норке>** – о человеке, спящем спокойно, безмятежно, в безопасном месте [Там же, с. 72]; **сидеть, отсиживаться как суслик в норе/норке** – о человеке, ведущий замкнутый образ жизни [Там же, с. 229]. Сильные коннотативные признаки «ленивый» и «одинокий» в некоторых контекстах взаимозаменяемы. Ср.: **жить как байбак** – обычно о ленивом, нигде не работающем человеке [Там же, с. 220], **жить байбаком** – об одиноко живущем холостяке [15, с. 29].

Исследовательский интерес в исследуемой тематической группе представляют коннотации, которые связаны с ассоциациями среднего носителя языка. По мнению О.Н. Иванищевой, поскольку восприятие слова и текста связано с тем объемом знаний, которые носитель языка усваивает в процессе социологизации, в том числе при обучении в школе, то средним носителем языка логично считать всякого человека, получившего среднее школьное образование [10, с. 61]. Кроме того, средний носитель языка усваивает знания из текстов СМИ, в том числе кинематографической продукции. И хотя эти признаки не всегда относятся к числу исследуемых в настоящей работе, они обогащают коннотативную палитру зоонима и тесно связаны с восприятием мира человеком.

Так, в контекстах употребления лексем *сурок* и *суслик* встречаем примеры актуализации коннотативного компонента, связанного с фоновыми знаниями носителя языка. См. примеры: (1) – А из готовых, однако же, произведений? – Могу Бетховена «**Сурок**». – «**Сурок**»?

Что же? Давай твоего «Сурка» [Ю. Дружников. Виза в позавчера (1968-1997)]; Наигрывал, приглушенно напевая слова, и по многу раз повторял рефрен: «По разным странам я бродил, и мой **сурок** со мною...» [О.В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)]; (2) – Дело в том, что в Америке существует давняя народная примета: если второго февраля пенсильванский **сурок** высунется из норы, испугается своей тени и юркнет обратно — быть стуже и ветрам еще шесть недель [Б.Г. Стрельников. Тысяча миль в поисках души (1979)].

В примерах (1) реализуется коннотативный признак, связанный с произведением Л. Бетховена «Сурок» – песней на стихи И.В. Гёте, которая используется во многих курсах обучения музыке и считается популярной в исполнении детского хора и в академическом исполнении. В примере (2) актуализируются коннотации, основанные на ассоциациях, связанных с американским фильмом «День сурка» (1993). Выражение «день сурка» вошло во многие языки мира как синоним рутинно повторяющегося события. Из этого фильма российские зрители узнали о процедуре празднования Дня сурка в США 2 февраля, когда сурок-метеоролог предсказывает появление весны, вылезая или не вылезая после зимней спячки из своей норы.

Переходным вариантом от сильной коннотации к слабой являются случаи употребления лексемы в народной, диалектной речи, в субстандартном языке. Эти коннотации также фиксируются в словарях, но не имеют такой распространенности в языковом сознании всех носителей языка, о чем свидетельствует тот факт, что данной группе встречаются не только узуальные, но и окказиональные переходные коннотации.

Узуальные переходные коннотации детализируют признаки сильного коннотативного признака. Для сильного признака «ленивый» с глаголами-актуализаторами «спать», «отсиживаться», «лежать», «жить» в рассматриваемых примерах представлен переходный признак с актуализаторами «сидеть дома», «залезать в норку» («прятаться в норке»). Для сильного признака «одинокий» с глаголами-актуализаторами «спать», «отсиживаться», «лежать», «жить»

в рассматриваемых примерах представлен переходный признак с актуализаторами «сидеть дома», «залезать в норку» («прятаться в норке»). Наряду с признаком «полный», связанным причинно-следственными связями с сильным признаком «ленивый», в речевой практике актуализирован признак «нескладный», «большой по размеру» и неотчуждаемый признак «внешний вид» (щеки). См.: **здоровый как хомяк** – о здоровом, полном и не желающем работать человеке [15, с. 725]; **как хомяк** – о нескладном, неуклюжем человеке; о полном, пухлом и сонливом человеке [Там же]; **щеки у кого-то как у хомяка** – о чьих-то пухлых, массивных, толстых щеках [Там же].

Детализируют сильный коннотативный признак и окказиональные признаки, такие как «зимовать» (1) и «дремать» (2): (1) **зимовать как сурок** – о человеке, мало выходящем из дома зимой [Там же, с. 668]; (2) **дремать как сурок** – о не показывающем никаких сейсмических колебаний сейсмографе [Там же].

Мотивационными основаниями сильных и переходных признаков, конкретизирующих сильные коннотативные признаки, являются внешнее сходство человека с животным и их сходство в поведении. См.: **хомяк** – небольшой грызун *с толстым неуклюжим телом и развитыми защечными мешками*, живущий в норах и собирающий в них большие запасы зерен, семечек и т.п. [5, с. 1451] (ср.: **щеки у кого-то как у хомяка** [15, с. 725]; **здоровый как хомяк** [Там же]); **байбак** – степной грызун из рода сурков, осень и зиму *проводящий в спячке* [5, с. 55]; **сурок** – небольшое животное семейства беличьих, зимой *впадающее в спячку* [Там же, с. 1291].

В субстандартном языке, в народной и диалектной речи обнаружены также переходные коннотативные признаки «слабый», «замерзший», «мокрый», «пьяный» и неотчуждаемый признак «внешний вид» (лицо). См.: **Эх ты, суслик** – от подкаблучный (слабый робкий – о мужчине, характере, поведении) [24]; **замерзнуть как суслик** – о сильно замерзшем человеке [15, с. 668]; **мокрый как суслик** – о промокшем от дождя человеке [Там же]; **назюзиться как суслик** – о напившемся пьяном человеке [Там же]; **пьяный**

как суслик – об очень пьяном, вялом и сонном от выпитого алкоголя человека [Там же]; **лицо у кого как у суслика** – о человеке с худощавым, вытянутым лицом [Там же].

Коннотативный признак «внешний вид» (лицо), не конкретизирующий сильную коннотацию, мотивирован внешним сходством человека с животным (зрительные ассоциации с вытянутой мордочкой суслика).

Среди переходных признаков, не конкретизирующих сильные коннотативные признаки, в анализируемом материале встретились немотивированные признаки («слабый», «замерзший», «мокрый», «пьяный»). Можно, правда, в качестве мотивационного основания отметить один из способов добычи сусликов: их выгоняют из нор водой. Поэтому их внешний вид суслика при этой процедуре «мокрый» определяет ассоциативную связь с «пьяный».

Интересна конструкция «*Эх ты (вы), суслик(и)!*». Значение выражения варьируется от «о молодых, неопытных людях» [5, с. 1291]; до «подкаблучный (слабый робкий – о мужчине, характере, поведении)» [24]. Данные конструкции трактуются как выражение восхищения наряду с конструкциями типа *Вот стерва!* [16, с. 334] и *ай да Байбак!* в словаре Пушкина [19, с. 2965], в которых актуализируется только эмоциональный компонент коннотативного макрокомпонента. В последнем случае исследователи отмечают также смену оценочной коннотации, что делает лексему **байбак** амбивалентной, энантиосемичной [Там же].

Слабые коннотации широко представлены в речевом русскоязычном дискурсе, выявленном в Национальном корпусе русского языка [17]. Привлечение для исследования Национального корпуса русского языка позволяет представить, по мнению исследований, наиболее точную и полную картину состояния современной семантики зоонимов [16, с. 330].

Среди слабых коннотаций лексемы *суслик* выделяются следующие коннотативные признаки, разделяемые примерно по тем же критериям, что и остальные группы коннотативных признаков – «размер», «возраст», «характер», «поведение» (маленький (по раз-

меру)/старый/маленький (по возрасту)/воровитый/ничтожный/любопытный/гордый). См. примеры: «маленький (по размеру)» (И он, мало того, что терпелив, он еще, какой странный, снисходителен, великодушен, доверчив, как заяц, как маленький **сурок**, как крошечный воробей, и благодарен, как старый лохматый медведь, и безупречен, как воздух, господи боже мой...») [Б. Окуджава. Путешествие дилетантов (Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари) (1971-1977)]; «старый» (А себя-то я с Матреной, старый **хомяк**, забыл! [В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 1-2 (1939-1945)]); «маленький (по возрасту)» (А применительно к твоему возрасту это несколько проще: тебе, **суслик**, надо учиться... [Г. Полонский, Наталья Долинина. Перевод с английского (1972)]); «воровитый» (Еще до её покупки он натаскал понемножку, потихоньку, по охапкам у соседней и у кого попало просеяной и овсяной соломы, как **сурок**, припрятывая ее на чердаке! [А.Н. Будищев. Епифоркино счастье (1897)]); «ничтожный, мелкий» (Что мог показать ему, старому тундровому волку, такой робкий новичок, «полярный **суслик**», как я? [Б.Л. Горбатов. Карпухин с Полены (1937)]); Нахожусь я, как тот **суслик**, в неволе [П.Ф. Нилин. Ближайший родственник (1937)]; «Вот и вся твоя мелкая жизнь, **суслик**, — думал я о себе, лежа в снегу [П.Ф. Нилин. Знаменитый Павлюк (1937)]); «гордый» (Прихожу домой, гордая, как **суслик**, что в кои-то веки с вкусной добычей, которую в магазине ни за какие деньги не купишь, а он... [коллективный. Блоги // Русский репортер, 2012]); «любопытный» (Он любопытен, как **суслик**, бродит от костра к костру, выщупывает настроение людишек [В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 1 (1934-1945)]).

Таким образом, в группе со слабой коннотацией обнаруживается и нейтральная, и позитивная, и негативная коннотации.

Материал показывает, что внутри коннотативного макрокомпонента зоонимов происходят оценочные трансформации (от негативной оценки к нейтральной и позитивной), причем позитивные коннотации чаще наблюдаются в примерах хронологически более ранних, чем негативные. Ср.: А зачем уходила? Не плачь, **суслик**!

Для чего слезы? Ведь люблю тебя, девочка!... [А.П. Чехов. [Безотцовщина] (1878)]; Последние слова были сказаны ею не без игривого кокетства, что весьма удивило плюгавенького пискуна, ибо Лидинька никогда еще не обращалась к нему в подобном тоне. — Ну, что же вы, хомяк эдакой! — дернула она его за рукав. — Слышали мое приказание? [В.В. Крестовский. Понургово стадо (Ч. 1-2) (1869)].

У зоонима *суслик* развилась также антропоцентрическая коннотация (см. об этом [8, с. 22]). Этот зооним употребляется как имя собственное: «К обеду жди. Твой **Суслик**». А стул я захватил в столовой. Трамвая в эти утренние часы нет — отдыхал по пути [Е. Петров, И. Ильф. Двенадцать стульев (1927)]. В этом примере прецедентность текста переводит антропоцентрическую коннотацию зоонима *суслик*, с нашей точки зрения, в разряд сильных коннотаций.

Выбор зоонима *суслик* в качестве имени человека чаще мотивирован индивидуальными чертами именуемого и потребностями именуемого: А звали его **Суслик** потому, что когда рассказывал, то бровями договаривал — вдруг начинал как-то губами суслить, а брови, пока он суслил, останавливались, глаза почти закрывались [В.А. Гиляровский. Козел и «чайка» (1933-1935)].

Антропоцентрической коннотацией обладают не только зоонимы-имена собственные, но и зоонимы, употребляемые в роли прозвищ. См. примеры: (1) «Царскосельский **суслик**», как прозвали царя революционно настроенные матросы, отбыл на другие корабли [А.С. Новиков-Прибой. Цусима (1932-1935)]; (2) Казалось несколько странным, как подобный «придворный **суслик**», как прозвали гардемарины этого франтового и светского капитан-лейтенанта, мог быть флаг-капитаном у такого человека, как беспокойный адмирал [К.М. Станюкович. Беспокойный адмирал (1894)].

В подобных употреблениях основным признаком является признак «слабый» (1) и «выслуживающийся перед начальством» (2).

Необходимо отметить, что граница между коннотациями в языке и речи не является застывшей, статус языковых приобретают

только массово употребляемые, устоявшиеся во времени речевые коннотации, воспринятые представителями всех слоев общества [8, с. 22]. В анализируемых примерах доказательством этого факта может служить коннотативный признак «замирать» у зоонима *суслик*. В словарях этот коннотативный признак не указан, но в современной речевой практике употребляется часто, узнаваем носителями современного русского языка, а значит, закреплен в их языковом сознании. См. пример: И моей дочери тоже — где бы она ни была, когда идет эта реклама, несется к телеку сразу и замирает как **суслик** [Рекламные ролики на TV (2007)].

В анализируемой группе слов наблюдается взаимозамена зоонимов в устоявшихся сочетаниях: **спать как суслик** в современной речевой практике употребляется чаще, чем **спать как сурок**; вместо **надуться как мышь на крупу** – **надуться как хомяк**; **замереть как сурок** заменяется в других речевых контекстах на **замереть как ёж**.

В группе «ёж» высокочастотным зоонимом, употребляемым в речевой практике в переносном значении, является слово *ёж*. Ведущими признаками лексемы являются «лохматый, торчащий в разные стороны» и «мнительный, обидчивый».

Лексикографическое описание всех слов данной тематической подгруппы отражает вторичное (переносное, метафорическое) значение или как отдельное значение (дикобраз, ехидна), или как коннотативный компонент (ёж). См.: **дикобраз** – о лохматом, непричесанном, неопрятном человеке [5, с. 259]; **ёж** – о неуступчивом, обидчивом, колючем человеке [Там же, с. 259]; **ехидна** – злобный, язвительный и коварный человек [22]. Эти компоненты относятся к группе сильных коннотаций в данной тематической подгруппе. Ср. данные ассоциативных экспериментов: колючий (47 реакций на стимул *ёж*) [20].

Узуальные переходные коннотации детализируют признаки сильного коннотативного признака и представлены в данной тематической подгруппе элементами «колючий (о давно не бритом человеке или торчащих вверх волосах)» для сильного признака «лохматый, торчащий в разные стороны» (1) и «сердитый», «неу-

ступчивый», «неприветливый», «заносчивый, высокомерный» для сильного признака «мнительный, обидчивый» (2). Второй признак оказывается шире по своим потенциальным возможностям. См.: (1) **жуткий как дикобраз** – об очень грязном человеке [15, с. 169]; **заросший (обросший) словно дикобраз** – о заросшем жесткими, торчащими в разные стороны волосами и бородой человеке [Там же]; **колючий как дикобраз (как ёж)** – о человеке с жесткой и колючей щетиной на давно не бритом лице [Там же, с. 169, 189]; **щетина у кого как у ежа** – о человеке с заросшим, небритом, щетинистым лицом [Там же, с. 189]; **волосы у кого ежом (как у ежа, дикобраза)** – о чьих-либо коротко остриженных и торчащих вверх волосах; о поднявшихся дыбом от страха волосах [Там же, с. 169, 189]; **стоять/стать (торчать) ежом** – о чьих-то коротко остриженных, торчащих вверх волосах [Там же, с. 189]; (2) **ощетиниться как дикобраз (ёж)** – о человеке, рассердившемся на кого-либо на какие-либо слова, поступки [Там же, с. 169, 189]; **у кого словно ёж под черепом** – о человеке, который постоянно беспокоится, мучается чем-либо. [Там же, с. 189]; **шероховат как ёж** – о строптивом неуступчивом человеке [Там же]; **вертится словно на ежа сел** – о человеке в состоянии крайнего волнения, нервного возбуждения, беспокойства [Там же]; **сидеть/смотреть ежом/как ёж** – о чьем-то колючем, враждебном, неприветливом взгляде [Там же].

Мотивационным основаниям сильных и переходных признаков является внешних вид животного – наличие иголок у всех млекопитающих данной подгруппы.

Слабые коннотации, представленные в речевом русскоязычном дискурсе, выявленном в Национальном корпусе русского языка [17], актуализируют следующие коннотативные признаки, которые человек выделяет в поведении животного: «агрессивность в поведении» (1) (дикобраз), «фырканье» (2), «шелестенье под листвой» (3) (ёж), «замереть как ёж» (4), «бояться как ёж» (5). См. примеры: (1) – Ну, полно, Настасей Митрич, – унимал его Мазалевский и гладил по голове, как сердитого пса. – Экий ты у меня **дикобраз** какой! Ну чего ты на людей кидаешься, разбойничек муромский?

[Д.С. Мережковский. Александр Первый (1922)]; (2) Ребенка за мебелью... – директор фыркнула абсолютно как **еж**. – Я не ребенок [В. Токарева. Ни сыну, ни жене, ни брату (1984)]; (3) Завернувшись в ворох реквизированных газет, Саша долго шумно шелестел, как **еж**, и ворочался в сырых кустах, не в силах заснуть [Митьки. Папуас из Гондураса (1987)]; (4) Если она меня ими коснётся, я замру, как **ёж** [С. Сэ. Ева (2010)]; (5) Они, конечно, могут запретить. Олег боится этого, как **еж**. Но я скажу им: «Милые мои!» [Д. Смирнова. Массовая ирония судьбы (1997) // Столица, 1997.12.22].

В данной тематической подгруппе особенно частотны употребления зоонимов как обращения. См. пример: Да, прямо бухнул... Остолоп! **Дикобраз!** Тюфяк! Уродись он в меня, – иное бы дело было [Е.А. Салиас. Крутоярская царевна (1893)].

Примеры с зоонимом *дикобраз* встречаются чаще в литературе конца XIX– начала XX вв.

С зоонимом *ехидна* частотны примеры в номинативных конструкциях, в которых коннотативные признаки актуализируются в тексте и при наличии актуализаторов (1), и без них (2). Ср. примеры: (1) Вре-е-ешь, подлый человек! **Ехидна дьявольская!** Был во мне Бог! [Э. Володарский. Дневник самоубийцы (1997)]; (2) ...с притворным простодушием переспросила Машенька. – А ты **ехидна!** – рассмеялась Николь [В. Михальский. Весна в Карфагене (2001)].

Коннотации лексемы *ехидна* актуализируются и в более широком (фоновые знания), и в более узком (текст) окружении. Так, в примерах «Отец-то у нее хороший, достойный, да только он на работе круглые сутки. А Верка – не мать, а **ехидна**. Что ни день – пьяная» [А. Маринина. Шестерки умирают первыми (1995)] и «И напиши, – сказала Евдокия властно, – что ты от него отказываешься, что ты ему не мать, а **ехидна**» [В.Ф. Панова. Евдокия (1944-1959)] коннотативный признак выявляется при употреблении конструкции с противительным союзом (не ..., а). А в примере «Погодите минуту, – геолог принес старую книгу, нашел нужную страницу и прочитал: – «Женщина есть **ехидна**, и скорпион, и лев, и медведь,

и василиск, и аспид, и похоть несытая, и неправдам кузнец, и грехам пастух, и выпыкательница» [И. А. Ефремов. Лезвие бритвы (1959-1963)] *ехидна* олицетворяет женщину как сборище всех грехов согласно религиозным представлениям. Хотя в анализируемом материале встречаются примеры иного гендерного отношения: В унтах... Не иначе, как он... **ехидна!**.. [В.К. Кетлинская. Мужество (1934-1938)].

Исследовательский интерес представляет процесс создания прозвищ и кличек. Прозвище, как известно, носит ситуативный характер и в его основе лежат какие-то характеристики внешнего облика, поведения или особенности речи, признающиеся большим или малым коллективом [31, с. 214]. Само собой разумеется, что прозвище отражает признаки не только человека, которому дают прозвище, но и предмета или реалии, от которого прозвище образовано. По отношению к лексеме *ехидна* этот признак можно сформулировать следующим образом: «прямота в сочетании с безответственностью за последствия своих поступков и слов». См. пример: Фрейлина Анна Федоровна, старшая дочь от первого брака, унаследовала от отца блестящее остроумие, полную душевную свободу, опасно обострив ее женской безответственностью и вызывающей прямоотой, что укоренило за ней при дворе кличку **Ёж** [Ю.М. Нагибин. Сон о Тютчеве (1972-1979)].

Особую группу коннотативных признаков составляют те, которые реализуют двунаправленность употребления зоонима в речевой практике: животное сравнивается с человеком, а не наоборот. В анализируемой подгруппе *ехидне* приписывается качество человека – *хихикать*: – Вы бы слышали мою интонацию. Я даже приготовился захихикать, как **ехидна**. Мол, как тебе мой вопросик? [И. Грошек. Легкий завтрак в тени некрополя (1998)].

В подгруппе «*заяц*» (заяц, кролик) высокочастотным зоонимом, употребляемым в речевой практике в переносном значении, является слово *заяц*. Ведущими признаками лексемы являются «трусливый» и «слабый». Ср. данные ассоциативных экспериментов: трусливый (4 реакции на стимул *заяц*) [20].

Лексикографическое описание всех слов данной тематической подгруппы не полностью отражает вторичное (переносное, метафорическое) значение лексем. Только зооним *заяц* имеет словарную фиксацию коннотации в качестве созначения: заяц – слабый, беззащитный, трусливый зверь [5, с. 359].

Сильные узуальные коннотации в более полной степени представлены в словаре устойчивых сочетаний, но опять же для лексем *заяц*. См.: **дрожать, бояться, трусить как заяц** – о дрожащем от страха или сильной робости человеке [14, с. 265]; **бежать, разбегаться как зайцы** – о людях, в панике убегающих от опасности [Там же, с. 91]; **мотать, бегать <туда-сюда> как соленый заяц** – о человеке, пребывающем в заботах, хлопотах, чрезмерно занятом [Там же, с. 111]; **петлять как заяц** – о человеке, который стремясь оторваться от преследователей, запутывает следы [Там же, с. 114]; **петлять как заяц** – говорить неискренне, стремясь скрыть истинное положение дел, свою вину или намерения [Там же, с. 213]; **разбегаться, бежать <в разные стороны, врассыпную> как зайцы** – о людях, трусливо убегающих от опасности [Там же, с. 117]; **убегать, удирать как заяц** – без оглядки, трусливо (о человеке) [Там же, с. 121]; **трусливый, пугливый; трусить, пугаться, бояться как заяц** – об очень робком, трусливом человеке [Там же, с. 138-139]; **гонять, травить кого-л. как зайца** – обычно о человеке, которого вынуждают то и дело менять место пребывания [Там же, с. 158]; **смотреть, уставиться на кого-л. как кролик на удава** – со страхом, обреченно [Там же, с. 176]; **смотреть, уставиться на кого-л. как удав <на кролика>** – с ненавистью, презрением или тупо [Там же, с. 176-177].

Такой широкий спектр коннотаций позволяет усомниться в том, что все они могут быть отнесены к сильным коннотациям. Так, сочетания **мотать, бегать <туда-сюда> как соленый заяц** и **петлять как заяц** вряд ли так прочно закрепились в языковом сознании носителя русского языка, как, например, **дрожать, бояться, трусить как заяц; убегать, удирать как заяц; трусливый, пугливый, трусить, пугаться, бояться как заяц; смотреть, уставиться на кого-л. как кролик на удава.**

В субстандартном языке, в народной и диалектной речи обнаружены переходные коннотативные признаки, разделяемые по критериям: особенности характера («робкий», «беззащитный, обреченный», «хилый», «одинокий», «бездеятельный, мало работающий», «некомпетентный»), специфика поведения («убегать», «прыгать», «взвизгивать», «хрустеть»), и неотчуждаемый признак «внешний вид» (глаза, память).

Конкретизируют сильные коннотации «трусливый» и «слабый» лишь переходные коннотативные признаки, отмечающие особенности характера: «робкий» (**бегать кому как зайцу, приложить уши** – о робком, несмелом человеке, боящемся трудных ситуаций [15, с. 213]; **как заяц** – о трусливом, робком, очень опасливом человеке [Там же, с. 214]; **пуглив (пугливый, боязлив, боязливый) как заяц** – об очень пугливом, робком, опасливом и крайне осторожном человеке [Там же, с. 214]; **растерянный как заяц** – о растерянном от страха человеке [Там же, с. 214]); «беззащитный, обреченный» (**беззащитный как заяц** – о беззащитном человеке или животном [Там же, с. 214]; как **подопытный кролик у кого** – о людях, работающих в жестко регламентируемых условиях и под постоянным наблюдением кого-либо [Там же, с. 310]); «хилый» ((ходить) **как заяц драный** (ободранный) – о чрезмерно хилом, тощем человеке [Там же, с. 215]; «одинокий» (**домков (домов) у кого как у зайца холомков (теремов)** – о бездомном, неимущем человеке [Там же, с. 213]; **один (одна) как заяц на острове** – о крайне одиноком, живущем в уединении человеке [Там же, с. 214]; **остаться как заяц на острове** – о чем-либо крайнем одиночестве и горе [Там же]; сидеть как заяц на острове – о человеке, отрезанном от окружающего, изолированном от остального мира [Там же]. Коннотативные признаки «бездеятельный, мало работающий», «некомпетентный» можно оценить как связанные причинно-следственной ассоциативной связью с коннотативным признаком «слабый»: **работать как заяц** – о крайне мало работающем человеке [Там же]; (разбираться в чем-то) **как заяц в геометрии** – о полной некомпетентности кого-либо в чем-либо [Там же].

Коннотативные признаки, связанные с переносом особенностей поведения животного на поведение человека («убегать», «прыгать», «взвизгивать», «хрустеть»), а также неотчуждаемый признак «внешний вид» (глаза, память) появляются благодаря расширению речевых контекстов и связаны с когнитивным опытом человека.

Коннотативный признак «убегать», «прыгать» содержит компонент «от страха», поэтому он конкретизирует сильную коннотацию «трусливый». Подобную идею находим при описании сновидений: «... слову *заяц* в языке и народной культуре присуще образно-символическое значение *трусости*; в снотолковании символика *трусости* получает развитие через ассоциаты *боязнь*, *страх*, связанные с ситуацией опасности» [9, с. 12]. См. примеры: **разбежаться как зайцы** – о разбежавшихся врассыпную, в разные стороны *трусливых* людях [15, с. 213]; **утекать как зайцы** – о поспешно, без оглядки (*в страхе*) убегающих людях (особенно детях) [Там же, с. 214]; **бежать как зайцы** – о быстро, панически, *в большом страхе* убегающем человеке [Там же]; **как заяц на горе** – о далеко убежавшем человеке [Там же]; **метаться/метнуться куда как заяц** – о внезапно и стремительно (часто большими и энергичными прыжками) бросившемся куда-либо или отпрянувшем откуда-либо человеке [Там же]; **прыгать (сигать) как заяц** – о человеке, делающем длинные, высокие и резкие прыжки, скачки [Там же]. Коннотативный признак «убегать» обогащается с помощью метафорического переноса (убегать – менять направление – менять место работы – скрывать свои замыслы): **петлять как заяц (зайцем)** – о человеке, часто и быстро меняющем направление во время бега, петляющем (чтобы уйти от погони, уберечься от выстрелов, снарядов и т.п.) [Там же]; **петлять как заяц (зайцем)** – об очень изворотливом, плутоватом человеке, стремящемся обмануть кого-либо, скрыть свои истинные замыслы [Там же, с. 214]; **прыгать как заяц в капусте** – о человеке, часто меняющем место работы, не сидящем на одном месте [Там же].

К этому ряду относятся примеры **выглядывать откуда как заяц из норы** – о человеке, боязливо, осторожно и недоверчиво выглядывающем откуда-либо [Там же] (1) и **спать как заяц** – о чем-то

чутком сне [Там же, с. 215] (2), так как содержат элемент *боязливо* (1) и имплицитный смысл того же содержания (*чуткий* – легко нарушаемый, тревожный, настороженный [5, с. 1487]).

Мотивационными основаниями сильных и переходных коннотативных признаков в этой подгруппе являются внешнее сходство человека с животным и сходство их поведения. Так, в основе оборота **сидеть как заяц на острове** лежит образ зайца, оказавшегося во время весеннего половодья на острове [15, с. 214].

Причина возникновения сильных и переходных коннотативных признаков часто заключается в ассоциациях, возникающих в сознании носителя языка. Это подтверждается выводами исследователей, утверждающих, что главным механизмом возникновения коннотаций устойчивых сравнений русского языка выступают зрительные ассоциации. В меньшей степени представлены осязательные и обонятельные ассоциации [4, с. 5]. Так, в примерах с зоонимами тематической подгруппы «*заяц*» зрительные ассоциации играют решающую роль: **глаза у кого красные как у кролика** – о чьих-либо сильно покрасневших (от дыма, бессонницы, злоупотребления алкоголем и похмелья, плача, насморка, болезни и т.п.) глазах [15, с. 310]; **глаза врозь как у зайца у кого** – о косоватом, раскосом человеке [Там же, с. 213]. Ср. данные ассоциативных экспериментов: косой (8 реакций на стимул *заяц*) [20].

Коннотативные признаки «взвизгивать», «хрустеть» (**визжать/взвизгнуть/пищать как заяц** – о жалобно, тонко взвизгнувшем или пискнувшем человеке [15, с. 214]; **грызть что как заяц/хрумчать как кролики** – о человеке, едящем что-то с хрустом [Там же, с. 214, 310]; **хрустеть/захрустеть как заяц** – о едящем с хрустом какие-либо овощи (морковку, капусту и т.п.) человеке или животном [Там же, с. 215]) обусловлены слуховыми ассоциациями со звуками, издаваемыми животными.

В примере **память у кого как у зайца** (о чьей-то очень плохой, короткой памяти [Там же, с. 213]) скорее всего ассоциативный ряд ведется от такого признака животного, как короткий хвост (**короткий как у зайца хвост** – о чем-то очень коротком [Там же]).

Признак «длинный» (длинные уши) ассоциируется у носителей современного русского языка с животными *заяц* и *кролик* довольно часто, как показывают данные (уши – 6 реакций на стимул у *заяц* и ушастый – 6 реакций на стимул у *кролик* [20]), но в речевой практике примеров на актуализацию этого антропоморфного коннотативного признака (даже в его вариации – вислоухий, длинноухий) практически не представлено, так как длинные уши не характерны для внешности человека, если только речь не идет о шапке. См. пример: Голодное детство в оккупированном городке — и он, **длинноухий** малец по фамилии Заяц, подался учиться в прусскую школу и записался в Союз свободной молодежи: хоть кормили два раза в день и одевали [А. Пашкевич. Сим победиши // Сибирские огни, 2013]. Данному контексту свойственна двойственность восприятия: непонятно, речь идет о длине ушей мальчика или шапки, которую он носит. Такая же неопределенность характерна и для следующих примеров: Долговатый лицом, **длинноухий**, волосы светлые, а брови рыжие [А.И. Солженицын. Желябугские Выселки (1998)]; Все знали, что когда по улице идет заросший **длинноухий** мальчишка и негромко поет забавную песню [Е. Велтистов. Классные и внеклассные приключения необыкновенных первоклассников (1985)].

Слабые коннотации, единично представленные в речевом русскоязычном дискурсе, выявленном в Национальном корпусе русского языка [17], актуализируют следующие коннотативные признаки, которые человек выделяет в поведении животного: «глупый, доверчивый» (1) и «тихий» (2). См. примеры: (1) Только одна мысль сверлила голову: так попасться!.. Слово глупый **заяц**! Приподнявшись, я не увидел своего автомата [А.П. Мартыненко. Дневник (1971) // Литературная газета, 1971.05.05.]; И он, мало того, что терпелив, он еще, какой странный, снисходителен, великодушен, доверчив, как **заяц**, как маленький сурок, как крошечный воробей, и благороден, как старый лохматый медведь, и безупречен, как воздух, господи боже мой...» [Б. Окуджава. Путешествие дилетантов (Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари) (1971-1977)]; (2) Ма-мед действительно оказался там, но тихий, как **кролик** [В. Мясни-

ков. Водка (2000)]; А так он пробирается по кустарнику совершенно тихо, как **кролик**, на своих «каучуковых» подошвах его ступни опираются на подушки эластичной ткани [В. Лебедев. Природа и человек. Возвращение в саванну, или Обыкновенное сафари в Самбуру // Вокруг света, 1995].

В примерах наблюдается взаимозамена зоонимов с одной и той же коннотацией (**косоглазый как кролик/заяц; уставиться как заяц/кролик на удава; пьяный заяц/суслик/ёжик**).

В целом употребление зоонимов *заяц* и *кролик* в качестве обозначения человека имеет негативную оценочную коннотацию. Противоположные данные были получены Ф.Э. Абдуллаевой в результате сравнительно-сопоставительного анализа лексемы *заяц* в трех языках (русский, азербайджанский и китайский), которая утверждает, что этот зооним имеет в этих языках однозначно положительную оценку [1, с. 16].

Необходимо отметить, что в функции обращения зооним *заяц* довольно частотен и имеет позитивную (1) или нейтральную (2) оценочную коннотацию. См. примеры: (1) – Не волнуйся, **Заяц**, – успокаивает её Валентин Борисович [И. Пивоварова. О том, как Катя, Маня и Костя Палкин обиделись и решили заблудиться в лес (1986)]; (2) Я ему... вот так же надоедливо звоню однажды... а он и говорит (изображая): «**Заяц**, как ты отнесешься к тому, что я тебя брошу?» [Э. Радзинский. «Я стою у ресторана...» (Монолог женщины) (1990-2000)].

В подгруппе «*крыса*» (крыша, мышь) высокочастотным зоонимом, употребляемым в речевой практике в переносном значении, является слово *мышь*. Ведущими признаками лексемы *мышь* являются «быстрый, проворный, бесшумный» (**шнырять, шмыгать как мышь** [14, с. 126]) и «недовольный, озадаченный» (**смотреть, уставиться на кого-л. как мышь на крупу** [Там же, с. 176]; **надуться как мышь на крупу** [Там же, с. 185]), а лексемы *крыса* – «злобный, отвратительный» (см. реакции на стимул *крыса*: противная – 4 реакции, мерзость – 3 реакции [20]). Для зоонимов одной подгруппы в данном случае актуализированы совершенно разные

признаки, хотя взаимозаменяемость лексем в устойчивых выражениях очевидна (**лицо как у мыши/крысы** – о чьем-то сероватом, маленьком, невзрачном и остром лице [15, с. 418]; **разбегаться как крысы/мыши** – о внезапно, быстро и панически разбежавшихся (от страха) в разные стороны людях [Там же]; о людях, в панике убегающих от опасности и заботящихся лишь о собственном спасении или благополучии [5, с. 91]), равно как очевидно и их биологическое сходство (**крыса** – вредный грызун, внешним видом напоминающий мышь, но гораздо больших размеров, преимущественно с серой шерстью и длинным голым хвостом [Там же, с. 476]; **мышь** – небольшое млекопитающее отряда грызунов с острой мордочкой и длинным голым хвостом [Там же, с. 567]). Данные ассоциативных экспериментов показывают эту общность в сознании носителей русского языка: 2 реакции *мышь* на стимул *крыса* и 3 реакции *крыса* на слово *мышь* [20].

В качестве сильной коннотации у лексемы *мышь* необходимо выделить признак «мокрый, ослабевший» (**мокрый как мышь** – о человеке, совершенно мокрым от пота [14, с. 126]; **все на кого как на мокрую мышь** – о людях, набросившихся на слабого, беззащитного человека [15, с. 419]), а у лексем *мышь* и *крыса* – «бедный» (**бедный как церковная мышь/крыса** – о крайнее бедном, неимущем человеке [Там же, с. 418]). Эти признаки меньше всего относятся к внешнему виду и поведению животного, они более антропоцентричны, потому что отражают результаты деятельности человека. Так, выражение **бедный как церковная мышь/крыса** мотивировано тем фактом, что в церкви не хранят съестного [Там же], а выражение **мокрый как мышь**, как и выражение **мокрый как суслик**, связано с процедурой поимки человеком грызуна.

Лексикографическое описание слов данной тематической подгруппы не отражает полностью вторичное (переносное, метафорическое) значение лексем, которое представлено в качестве второго значения только у лексемы *крыса*: **крыса** – (с опр.) о человеке, род занятий, деятельность которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное [5, с. 476].

Переходные коннотации актуализируют такие свойства животного по отношению к человеку, как «метаться», «проникнуть/проскользнуть», «притаиться» и «пицать». См.: **метаться как крыса / угорелая мышь в западне/мышеловке** – о затравленном, напуганном и беспорядочно мечущемся в каком-либо замкнутом пространстве человеке [15, с. 313, 419]; **пробраться/проникнуть куда как крысы** – о наглом, упорном и коварном проникновении куда-либо большого множества неприятных, алчных людей [Там же, с. 314]; **притаиться/затаиться как мышь в норе/в норке** – об укрывшемся, затаившемся, спрятавшемся где-либо в укромном месте, осознавая свое бессилие, человеке [Там же, с. 419]; **петь/пицать как мышь** – о чем-то слабом, писклявом, неприятном на слух голосе [Там же].

В представлении лексем *мышь* и *крыса* в сознании носителя русского языка актуализируются разные признаки, несмотря на биологическое сходство животных: «коварный, злобный» (*крыса*) и «слабый, тихий» (*мышь*). Анализ речевых употреблений данных зоонимов не выявил слабых коннотаций для зоонимов *мышь* и *крыса*, но показал интенсификацию семантического компонента «спрятаться за спину кого-либо, найти уютное место», представленное в составе второго словарного значения для зоонима *крыса* (штабная, музейная, канцелярская, архивная, тыловая, конторская, министерская крыса). См. примеры: Огрызкову не понравился и командир, эта штабная **крыса**, который стремится командовать, подчинить их себе, но делает это без необходимой власти и твёрдости [В. Быков. Болото (2001)]; У нас теперь работает генеалогическая группа, три специалиста высшей квалификации, один — архивная **крыса**, второй с хваткой детектива, ну а третий просто английский шпион [В. Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)].

Для зоонима *крыса* анализ контекстов употребления показал актуализацию семы локуса (*крыса на помойке, помойная крыса*). См. примеры: Саня, хоть и хромой, казался весьма живым и живучим, как помойная **крыса** [А. Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 21-39 (2011)]; Недавно умерла моя мама, она говорила: «Я уми-

раю, как **крыса** на помойке» [С. Алексиевич. Время second-hand // Дружба народов, 2013].

Определение *старая* при употреблении лексемы *крыса* нейтрализует даже сильную коннотацию зоонима. В таких контекстах более значима сема «возраст», чем «злбный человек». См. примеры: Жаль, что теперь вы не столько Цезарь, сколько старая **крыса**... [И.Ф. Анненский. Вторая книга отражений (1909)]; Не бейте меня, люди, я старая **крыса**, клянусь вам, не более того! [М. Петросян. Дом, в котором... (2009)].

Необходимо отметить особенность выбора носителем языка признака при обозначении человека. Этот признак не всегда совпадает с особенностями биологического вида. Так, для *ежа*, *дикобраз*а и *ехидны* характерны иголки, и они востребованы как коннотативный признак, для *зайца* и *кролика* – уши, и примеров на этот признак практически нет, для *крысы* и *мыши* – длинный голый хвост, который не представлен в речевой практике, хотя актуализирован в сознании носителя как коннотативный признак (6 реакций на стимул *крыса* [20]).

Для зоонима *крот* сильными коннотациями являются «слепой» и «рыться», однако в лексикографическом описании в толковом словаре эти признаки присутствуют лишь в иллюстративном материале. См.: **крот** – небольшое насекомоядное млекопитающее, живущее под землей. мех этого животного. *Крот роет норы. Что ты сидишь взаперти, как крот? Слепой, как крот* [5, с. 473]. Эти же признаки представлены в устойчивых сравнительных оборотах: **рыться, копать в чем-л. как крот** – 1. усердно, долго обрабатывать землю; 2. о человеке, захваченном чтением, архивными разысканиями и т.д. [14, с. 84]; **слепой как крот** – 1. о человеке с крайне слабым зрением; 2. перен. о человеке, намеренно не замечающем кого-, что-либо [14, с. 61]. Признак *слепой* является самой частотной реакцией на слово *крот* в ассоциативных экспериментах (30 реакций на стимул [20]).

В качестве переходных коннотаций, детализирующих, расширяющих сильные коннотации, следует назвать признаки «хозяйствен-

ный» и «нелюдимый»: **домовитый как крот** – об очень хозяйственном, рачительном, запасливом человеке [15, с. 311]; **как крот** – о скрытном, затаившемся, боязливом человеке [Там же]; **сидеть/ зарыться как крот в норе** – об одиноком, нелюдимом, угрюмом домоседе [Там же]; **жить как крот в [своей] норе** – о чьей-либо одинокой, замкнутой, нелюдистой, угрюмой жизни [Там же].

Название *крот* в значении «секретный агент» представляет собой метафорический перенос (копаться в чем-то → выведывать секреты) и относится к сфере субстандартного языка (первоначально профессионального языка разведчиков).

Употребление зоонима *крот* в современной речевой практике ограничивается контекстами, актуализирующими сильные и переносные коннотации.

Заключение

Анализ функционирования зоонимов тематической группы «Зайцеобразные млекопитающие» показал, что лексикографическое описание слов данной тематической группы не всегда отражает вторичное (переносное, метафорическое) значение. Статус коннотативного компонента в таком случае различен: в одних случаях это второе словарное значение, в других – коннотация, дополняющая первое словарное значение. Такое положение не устраивает ни составителей, ни пользователей словаря, так как не отражает реальное (актуальное) функционирование зоонимов в современной речевой практике. Однако изучение речевой практики показывает не только расширение коннотативного потенциала зоонимов, его содержания, но и изменение его состава, перераспределение его компонентов и усиление антропоцентрического начала, то есть его связи с человеческим сознанием.

Анализ материала осуществлялся путем выявления у зоонима признаков разного типа: «сильные коннотации» (Ю.Ю. Ушакова), которые мы называем словарными, то есть представленными в толковании лексического значения в словарях литературного русского языка; коннотации, которые являются переходными от сильных

к слабым, то есть закрепленными в языковом сознании носителя языка, но не представленными в словарях литературного русского языка, и слабые коннотации, которые не ассоциируются в полной степени в языковом сознании с данным зоонимом, так как имеют множественные синтагматические связи и эти связи лишь частично могут пересекаться с употреблением зоонима.

Нами были выявлены две тенденции развития коннотативного потенциала зоонимической лексики современного русского языка: первая – семантические модификации, основанные на семантико-прагматических процессах, и вторая – антропоцентризация, которая предполагает смену ценностной ориентации в сторону человека.

Первая тенденция – семантические модификации – предполагает видоизменение смыслового содержания коннотативного макрокомпонента зоонимов за счет появления новых признаков (узуальных, окказиональных, антропоцентрических), актуализации/потери части фоновых знаний как компонента культурной коннотации, усилении роли ассоциативных образов (зрительных, слуховых), а также замену оценочности (нейтральной, положительной, отрицательной), нейтрализацию оценочной коннотации, расширение коннотативного потенциала за счет взаимозаменяемости компонентов словосочетания.

Необходимо отметить, что граница между коннотациями в языке и речи не является застывшей. Выявленные нами случаи употребления в речи зоонимов подтверждает тот факт, что речевая практика актуализирует как узуальные, так и окказиональные коннотативные компоненты. Особенно интересны коннотации, которые связаны с ассоциациями носителя русского языка как среднего носителя культуры (*сурок, суслик, еж, заяц*). Во многом в связи с этим в анализируемом материале была выявлена антропоцентрическая коннотация как вид культурной коннотации, которая формируется за счет использования зоонимов в качестве личных имен и прозвищ человека (*Суслик, Крот, Заяц*).

Наш материал подтверждает выводы исследователей, утверждающих, что главным механизмом возникновения коннотаций устой-

чивых сравнений русского языка выступают зрительные ассоциации (*суслик, сурок, заяц, ёж*).

Исследуемая тематическая группа относится, по данным Е.Е. Юркова, на 80% к пейоративной оценочной направленности, хотя ее пейоративность, по мнению ученого, и кажется удивительной, но это только из-за названия. Состав же группы с очевидностью ее предполагает [32, с. 431-432]. Наши примеры показывают, что внутри коннотативного макрокомпонента зоонимов происходят трансформации (от негативной оценки к нейтральной и положительной), причем положительные коннотации чаще наблюдаются в примерах хронологически более ранних, чем отрицательные (*суслик, хомяк*). В целом употребление большинства зоонимов в качестве обозначения человека имеет негативную оценочную коннотацию. Некоторую роль здесь играет синтаксическая позиция. Так, нами было выявлено, что в функции обращения зооним *заяц* может иметь и положительную, и нейтральную оценочную коннотацию.

В исследуемом материале зафиксированы случаи частичной нейтрализации сильной коннотации зоонима. Например, определение *старая*, употребленное с зоонимом *крыса*, актуализирует более значимую сему «возраст», чем сему «злостный человек». О частичной нейтрализации денотативного компонента можно говорить в выявленных примерах с взаимозаменой зоонимов (*косоглазый как кролик/заяц; уставиться как заяц/кролик на удава; пьяный заяц/суслик/ёжик*).

Вторая тенденция – антропоцентризация – выявляется при анализе коннотаций, которые не направлены на актуализацию постоянного признака животного для обозначения человека, а наоборот, выделяют в животном признаки человека, а также коннотации, представляющие признаки животного, которые отражают результаты деятельности человека. Так, например, *ехидне* приписывается качество человека – *хихикать*, а выражение *бедный как церковная мышь/крыса* мотивировано тем фактом, что в церкви не хранят съестного [15, с. 418], так же как выражение *мокрый как мышь/суслик* связано с процедурой поимки человеком грызуна.

Чрезвычайно важными в анализируемом материале оказались выводы о мотивационных основаниях выделения коннотативного признака. Так, нами было отмечено, что в представлении слов *мышь* и *крыса* в сознании носителя русского языка актуализируются разные признаки, хотя биологическое сходство животных неоспоримо: «коварный, злобный» (*крыса*) и «слабый, тихий» (*мышь*). Необходимо также отметить, что выделенный человеческим сознанием коннотативный признак не всегда совпадает с особенностями биологического вида животного. Так, для *ежа*, *дикобраза* и *ехидны* характерны иголки, и они востребованы как коннотативный признак, для *зайца* и *кролика* – уши, и примеров на этот коннотативный признак практически нет, для *крысы* и *мыши* – длинный голый хвост, который не представлен в речевой практике, хотя актуализирован в сознании носителя как коннотативный признак (6 реакций на стимул *крыса* [20]).

Исследование показало также недостатки в представлении зоонимов в словарях. Мы обнаружили, что часть сочетаний с зоонимом узнаваема носителями русского языка, следовательно, закреплена в языковом сознании, то есть коннотативный признак таких зоонимов можно считать сильной или переходной коннотацией, по нашей терминологии, но он не отмечен в толковых или иных словарях. И наоборот, часть сочетаний представлена в словарях, но, по нашему мнению, не обладает сильной или даже переходной коннотацией. Так, сочетания **мотать, бегать <туда-сюда> как соленый заяц и петлять как заяц**, представленные в словаре [15] вряд ли так прочно закрепились в языковом сознании носителя русского языка, как, например, **дрожать, бояться, трусить как заяц; убежать, удирасть как заяц; трусливый, пугливый, трусить, пугаться, бояться как заяц; смотреть, уставиться на кого-л. как кролик на удава**. Напротив, коннотативный признак «замирать» у зоонима *суслик* в словарях не указан, но в современной речевой практике употребляется часто, узнаваем носителями современного русского языка, а значит, закреплён в их языковом сознании. Поэтому кроме теоретической значимости, предполагающей расширение знаний о тен-

денциях развития коннотативной системы современного русского языка, работа имеет и практическую значимость, заключающуюся в корректировке словарных дефиниций зоонимов. Конечно, для окончательного решения вопроса лексикографирования зоонимов необходимо, кроме анализа дискурса, провести обширные ассоциативные эксперименты, поэтому по результатам нашего исследования можно предложить только рекомендации составителям словаря.

Перспективы исследования состоят в анализе по методике, предложенной в статье, другие тематические группы зоонимической лексики, чтобы уточнить направления развития коннотативной системы русского языка в целом.

Список литературы

1. Абдуллаева Ф.Э. Экспериментально-теоретическое исследование вторично номинированных значений бионимов русского, азербайджанского и китайского языков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2017. 22 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград: Перемена, 1999. 274 с.
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I: Лексическая семантика; 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 482 с.
4. Бойко Л.Г. Культурно маркированное содержание устойчивых сравнений русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 27 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
6. Булдаков В.А. Коннотация в знаменательной лексике и фразеологии современного немецкого языка (контенсивно-менталингвистический подход): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 43 с.
7. Говердовский В.И. Диалектика коннотации и денотации: (Взаимодействие эмоционального и рационального в лексике) // Вопросы языкознания. 1985. № 2. С. 71-79.

8. Зубкова Л.И. Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина): Автореф. дис. ... докт. филол. наук Воронеж, 2009. 40 с.
9. Иванилов В.М. Ассоциативный потенциал слова как основа толкования сновидений: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 24 с.
10. Иванищева О.Н. Лексикографирование культуры в двуязычном словаре: Дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2005. 411 с.
11. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. Учебное пособие. М.: УРСС Эдиториал, 2000. 352 с.
12. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: Издательство Московского университета, 1969. 192 с.
13. Кропотова Л.В. История развития лексической коннотации // Язык и культура. 2010. № 1 (9). С. 33-47.
14. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2017. 283 с.
15. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 800 с.
16. Минеева З.И. Полисемия в русских зоотропах // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 328-338.
17. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: информ.-справ. система. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 23.12.2020).
18. Никитина О.А. О становлении понятия «коннотация» в лингвистике // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. № 2. Т. 1. С. 1-10.
19. Редькина О.В., Дзянь Я. Источники зоотропной лексики в русском языке // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017): сборник статей Всероссийской ежегодной научно-практической конференции. Вятка: Вятский государственный университет, 2017. С. 2960-2968.
20. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 19.12.2020).

21. Рыжкина О.А., Чақыроглу С. Исследование зоонимических метафор в русской и турецкой лингвокультурах (предварительные данные) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. Т. 7. Вып. 2. С. 18-26.
22. Семантический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (дата обращения: 16.12.2020).
23. Сенько Е.В. Китайские слова в современном русском языке: семантический аспект // Филологический класс. 2019. № 3 (57). С. 59-64.
24. Словарь русского арго [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (дата обращения: 17.12.2020).
25. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985. 112 с.
26. Суколен А.Г. Исследование коннотативного компонента лексической семантике в российской и китайской лингвистике // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2016. № 1 (94). С. 90-93.
27. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.
28. Ушакова Ю.Ю. Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов в русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2005. 48 с.
29. Черникова Н.В. Лексико-семантическая актуализация как средство отражения изменений в русской концептосфере (1985-2008 гг.): Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2008. 632 с.
30. Шаховский В.И. Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 20-25.
31. Щербак А.С., Бурькин А.А. К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени // Вестник Томского государственного университета. 2009. Вып. 9 (77). С. 213-217.
32. Юрков Е.Е. Метафора лингвокультурного кода «Животные» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1-2. С. 431-438.

References

1. Abdullayeva F.E. *Eksperimental'no-teoreticheskoye issledovaniye vtorichno-nominirovannykh znacheniy bionimov russkogo, azerbaydzhanskogo i kitayskogo yazykov* [Experimental and theoretical study of the secondarily nominated meanings of bionyms of Russian, Azerbaijani and Chinese languages]: Abstract of PhD dissertation. Kemerovo, 2017, 22 p.
2. Alefirenko N.F. *Spornyye problemy semantiki*. [Controversial problems of semantics]. Volgograd: Peremena, 1999, 274 p.
3. Apresyan Yu.D. *Izbrannyye trudy. T. I: Leksicheskaya semantika; 2-e izd., ispr. i dop.* [Selected works. V. I: Lexical semantics]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1995, 482 p.
4. Boyko L.G. *Kul'turno markirovannoye sodержaniye ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka* [Culturally marked content of stable comparisons of the Russian language]: Abstract of PhD dissertation. Volgograd, 2009, 27 p.
5. *Bol'shoj tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Unabridged dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint, 2000, 1536 p.
6. Buldakov V.A. *Konnotatsiya v znamenatel'noy leksike i frazeologii sovremennogo nemetskogo yazyka (kontensivno-mentalingvisticheskiy podkhod)* [Connotation in the significant vocabulary and phraseology of the modern German language (content-mental-linguistic approach)]: Abstract of PhD dissertation. St. Petersburg, 2011, 43 p.
7. Goverdovskiy V.I. *Dialektika konnotatsii i denotatsii: (Vzaimo-deystviye emotsional'nogo i ratsional'nogo v leksike)* [Dialectics of connotation and denotation: (Interaction of the emotional and rational in vocabulary)]. *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistic studies]. Moscow, 1985, no. 2, pp. 71-79.
8. Zubkova L.I. *Russkoye imya vtoroy poloviny KHKH veka v lingvokul'turologicheskom aspekte (po proizvedeniyam F. Abramova, V. Astaf'yeva, V. Rasputina i V. Shukshina)* [Russian name of the second half of the twentieth century in the linguoculturological aspect (based on the works of F. Abramov, V. Astafiev, V. Rasputin and V. Shukshin)]: Abstract of PhD dissertation. Voronezh, 2009, 40 p.

9. Ivanilov V.M. *Assotsiativnyy potentsial slova kak osnova tolkovaniya snovideniy* [The associative potential of the word as the basis for the interpretation of dreams]: Abstract of PhD dissertation. Ekaterinburg, 2006, 24 p.
10. Ivanishcheva O.N. *Leksikografirovanie kul'tury v dvuyazychnom slova-re*. [Lexicography of culture in a bilingual dictionary]: Abstract of PhD dissertation. St. Petersburg, 2005, 411 p.
11. Kobozeva I.M. *Lingvisticheskaya semantika. Uchebnoye posobiye* [Linguistic semantics. Coursebook]. Moscow: URSS Editorial, 2000, 352 p.
12. Komlev N.G. *Komponenty soderzhatel'noy struktury slova* [Components of the meaningful structure of the word]. Moscow: Moscow University Publ., 1969, 192 p.
13. Kropotova L.V. Istoriya razvitiya leksicheskoy konnotatsii [The history of the development of lexical connotation]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. 2010, no. 1 (9), pp. 33-47.
14. Lebedeva L.A. *Ustoychivyye sravneniya russkogo yazyka: kratkiy tematicheskii slovar'* [Stable comparisons of the Russian language: a short thematic dictionary]. Moscow: FLINT, 2017, 283 p.
15. Mokiyyenko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoy slovar' russkikh narodnykh sravneniy* [Unabridged dictionary of Russian folk comparisons]. Moscow: ZAO OLMA Media Group, 2008, 800 p.
16. Mineyeva Z.I. Polisemiya v russkikh zootropakh [Polysemy in Russian zootropes]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Capability], 2014, no. 3, pp. 328-338.
17. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* [National Corps of the Russian Language]. www.ruscorpora.ru (accessed 23.12.2020)
18. Nikitina O.A. O stanovlenii ponyatiya «konnotatsiya» v lingvistike [On the formation of the concept of “connotation” in linguistics]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva* [Volvskiy University Bulletin], 2017, vol. 1, no. 2, pp. 1-10.
19. Red'kina O.V., Dzyan' YA. Istochniki zootropnoy leksiki v russkom yazyke [Sources of zootropic vocabulary in Russian]. *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii* [Society. Science. Innovations]. Vyatka: Vyatka University Publ., 2017, pp. 2960-2968.

20. *Russkij asociativnyj slovar'* [Russian associative dictionary]. <http://www.thesaurus.ru/dict/> (accessed 19.12.2020)
21. Ryzhkina O.A., Chakyroglu S. Issledovaniye zoonimicheskikh metafor v russkoy i turetskoy lingvokul'turakh (predvaritel'nyye dannyye) [Research of zoonymic metaphors in Russian and Turkish linguocultures (preliminary data)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Novosibirsk University Bulletin]. 2009, vol. 7, no. 2, pp. 18-26.
22. *Semanticheskij slovar'* [Semantic Dictionary]. <http://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (accessed 16.12.2020)
23. Sen'ko E.V. Kitayskiye slova v sovremennom russkom yazyke: semanticheskij aspekt [Chinese words in modern Russian: the semantic aspect]. *Filologicheskij klass* [Philology class]. 2019, no. 3 (57), pp. 59-64.
24. *Slovar' russkogo argo* [Dictionary of Russian argo]. <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (accessed 17.12.2020)
25. Sternin I.A. *Leksicheskoye znachenije slova v rechi*. [Lexical meaning of a word in speech]. Voronezh: Voronezh University Publ., 1985, 112 p.
26. Sukolen A.G. Issledovaniye konnotativnogo komponenta leksicheskoy semantike v rossiyskoy i kitayskoy lingvistike [Research of the connotative component of lexical semantics in Russian and Chinese linguistics]. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny* [Gomel University Bulletin]. 2016, no. 1 (94), pp. 90-93.
27. Teliya V.N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh yedinit* [Connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow: Nauka, 1986, 141 p.
28. Ushakova Yu.Yu. *Leksicheskaya napolnyayemost' i strukturno semanticheskiye osobennosti komparativnykh tropov v russkom yazyke* [Lexical filling and structural and semantic features of comparative tropes in the Russian language]: Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2005, 48 p.
29. Chernikova N.V. *Leksiko-semanticheskaya aktualizatsiya kak sredstvo otrazheniya izmeneniy v russkoy kontseptosfere (1985-2008 gg.)* [Lexico-semantic actualization as a means of reflecting changes in the Russian conceptual sphere (1985-2008)]: Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2008, 632 p.

30. Shakhovskiy V.I. Tipy znacheniy emotivnoy leksiki [Types of meanings of emotive vocabulary]. *Voprosy yazykoznanija* [Linguistics studies]. 1994, no 1, pp. 20-25.
31. Shcherbak A.S., Burykin A.A. K probleme vyyavleniya otlichitel'nykh osobennostey prozvizhch ot lichnogo imeni [On the problem of identifying the distinctive features of nicknames from a personal name]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk University Bulletin]. 2009, no. 9 (77), pp. 213-217.
32. Yurkov E.E. Metafora lingvokul'turnogo koda «Zhivotnyye» [Metaphor of the linguocultural code “Animals”]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Tula University Bulletin]. 2012, no. 1-2, pp. 431-438.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Болгова Елена Викторовна, аспирант кафедры филологии и медиакоммуникаций

*Мурманский арктический государственный университет
ул. Капитана Егорова, 15, г. Мурманск, Мурманская область,
183038, Российская Федерация
alena.bolgova2012@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Bolgova Elena V., Ph. D. student

*Murmansk Arctic State University
15, Kapitan Egorov Str., Murmansk, Murmansk Region, 183038,
Russian Federation
alena.bolgova2012@yandex.ru
SPIN-code: 1712-9088
ORCID: 0000-0002-9845-4638
Researcher ID: AAH-2887-2019
Scopus Author ID: 57205200285*

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-168-177

УДК 811.9

ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД В АСПЕКТЕ ВЫМЫШЛЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Карпухина В.Н., Николаева О.Е.

*В данной статье рассматривается интерсемиотический перевод и его составляющие с позиций языкознания и семиотики. Уделяется внимание вербальным и невербальным семиотическим системам в контексте кодирования и декодирования информации, причинам их возникновения, особенностям их функционирования и месту в различных классификациях исследователей. Предпринята попытка дать определение вымышленному языку в контексте интерсемиотического дискурса. **Целью** исследования является выяснение адекватности перевода с вымышленного языка как искусственного на естественный язык и наоборот. Авторами исследуются художественные особенности вымышленных языков на примере языков Дж.Р.Р. Толкина и М. Окранда, приводятся примеры из языков квенья и синдар, изобретенных Толкином. Авторы также рассматривают феномен искусственного языка как искусственно созданной семиотической системы, напрямую соотносенной с естественным языком и созданной по его принципам. В работе используются текстологический и сравнительный **методы**.*

Результаты. *Авторы приходят к выводу, что ключевым моментом в интерсемиотическом переводе вымышленных языков является интерпретация и взаимосвязь с естественными языками, а вымышленные языки могут рассматриваться как важная художественная составляющая произведения, культурно идентифицирующая картину мира народов, говорящих на нем.*

Ключевые слова: *семиотическая система; интерсемиотический перевод; искусственные языки; вымышленные языки; интерпретация*

INTERSEMIOTIC TRANSLATION IN THE ASPECT OF FICTIONAL LANGUAGES

Karpukhina V.N., Nikolaeva O.E.

*This article examines intersemiotic translation and its components from the standpoint of linguistics and semiotics. Attention is paid to verbal and non-verbal semiotic systems in the context of encoding and decoding information, the reasons for their occurrence, the features of their functioning, and their place in various academic classifications. An attempt is made to define a fictional language in the context of intersemiotic discourse. **The aim** of the study is to find out the adequacy of translation from a fictional language as an artificial one into a natural language, and vice versa. The authors examine the artistic features of fictional languages on the example of the languages of J. R. R. Tolkien and M. Okrand, provides examples from the languages of *Quenya* and *Sindar*, invented by Tolkien. The authors also consider the phenomenon of artificial language as an artificially created semiotic system, directly correlated with natural language and created according to its principles. The paper uses textual and comparative **methods**.*

Results. *The authors come to the conclusion that the key point in the intersemiotic translation of fictional languages is the interpretation and relationship with natural languages, and fictional languages can be considered as an important artistic component of the work, culturally identifying the worldview of people speaking them.*

Keywords: *semiotic system; intersemiotic translation; artificial languages; fictional languages; interpretation*

Сложившееся на рубеже XIX–XX вв. благодаря усилиям Ф. де Соссюра представление о семиотике в лингвистическом аспекте дало начало рассмотрению языка как семиотической системы, в основе которой лежит знак. Таким образом, перевод с одного языка на другой воспринимается в рамках последовательного декодиро-

вания информации, а затем создания адекватного речевого кода для передачи ее на другом языке.

Однако знаковые системы бывают не только вербальными, но и невербальными, что поднимает вопрос о возможности и адекватности перевода между любыми знаковыми системами, о взаимопроникновении вербальных и невербальных элементов в контексте одного дискурса. Р.О. Якобсон в своей статье 1978 г. «О лингвистических аспектах перевода» описывает «три способа интерпретации вербального знака»: внутриязыковой перевод, осуществляемый другими знаками в рамках одного языка; межъязыковой перевод, интерпретирующий знаки посредством другого естественного языка; и впервые выделенный им межсемиотический (интерсемиотический) перевод, способный адаптировать знаки посредством иных знаковых систем [10, с. 17]. У. Эко, уточняя классификацию Р.О. Якобсона, предлагает разграничивать интра- и интерсистемную интерпретацию, выделяя интерсемиотическую интерпретацию (с ощутимыми изменениями субстанции) именно в рамках последней [9, с. 283].

Возможность такого рода интерпретации как разновидности перевода была, свою очередь, классифицирована в лингвистических словарях. Например, в Толковом переводоведческом словаре Л.Л. Нелюбина интерсемиотический перевод определяется как передача содержания средствами невербальной семиотической системы, к примеру, танцем, музыкой, информационно-логическими языками; а также как перевод с языка естественного на язык искусственный и наоборот [7, с. 65-66].

Интерсемиотический перевод признает возможность переводимости языка любой семиотической системы через процесс интерпретации и подбор адекватных выразительных средств в другом языке. Один и тот же текст способен пройти через многократные интерпретации, приобретая дополнительные смыслы и коннотации и перенося определенные потери. Размышляя о проблемах субстанции в переводе с одного естественного языка на другой, У. Эко полагает, что «в Линейной Манифестации, то есть на уровне выражения,

проявляются различные субстанции, не специфически лингвистические: на уровне ритма, размера, звуковой символики текста и т.п. Разумеется, если даже если называть эти явления экстралингвистическими, это не значит, что они не имеют отношения к семиотике» [9, с. 308]. В еще большей степени это относится к ситуациям перевода с естественного языка на искусственный и наоборот.

Искусственные языки, будучи вербальными, выделяются исследователями как языки для интерсемиотического перевода благодаря своей искусственной природе. Их создают и используют в тех областях, где естественные языки менее эффективны или их использование нецелесообразно (ср., например, ситуации так называемого графологического ограниченного перевода, которые рассматривает Дж. Катфорд [5, с. 123-128]). В.А. Аврорин предлагает свою классификацию семиотических систем, говоря о «трех классах семиотических систем: А – естественные человеческие языки, Б – «языки животных» и В – «искусственные языки» [1, с. 9].

Все искусственные языки имеют конкретного автора, в отличие от естественных языков. Процесс создания естественного языка практически невозможно ни предугадать, ни контролировать, в отличие от языка искусственного. Если естественные языки присущи этническим общностям людей и носят социальный характер, то искусственные вербальные языки затрагивают лишь часть общества. Созданные для международного общения, они имеют в своей основе буквенный алфавит. Известным примером искусственного языка такого рода является азбука Морзе, изобретенная по принципу фонографического письма и явившаяся попыткой создать универсальный язык коммуникации. Именно способность массового коммуникативного функционирования позволяет признать, что такая языковая система имеет много общего с классом естественных языков. Это относится и к волапуку (первому целенаправленно созданному в 1880 г. языку), и к эсперанто, созданному позже.

Ю.С. Маслов отмечает, что все искусственные знаковые системы созданы по образу и подобию естественного языка как очень видоизмененные и упрощенные модели [6, с. 619]. Действительно,

искусственные языки нельзя назвать совершенно искусственными, т.к. они учитывают особенности естественного языка, заимствуя его структуру: алфавит, грамматику, синтаксис. Иными словами, искусственный язык – это искусственно созданная семиотическая система, созданная по принципам естественного языка и зависящая от него.

Вымышленные языки также являются искусственными, но представляют собой более узкую их разновидность. Если такие языки, как эсперанто, ложбанаи и т.д., ставили своей целью создать универсальный язык для всего человечества, то вымышленные языки чаще фигурируют именно в художественных произведениях, выполняя определенные стилистические задачи. Вымышленные языки в фантастических произведениях часто называют артлангами или «эстетическими» языками [8, с. 11], превращая их в объект художественного любования. Они, безусловно, являются значительным, а подчас и единственным самодостаточным средством стилизации в созданном художественном мире. «Классические» артланги Дж.Р.Р. Толкина, Дж. Оруэлла, Р. Хайнлайна сегодня сменяются политически корректными феминистскими артлангами, такими, как лаадан (создателем которого была С. Эджин), или принципиально безглагольными эльфийскими артлангами, такими, как келен (создатель – С. Сотомайор) [3, с. 239-251].

Стоит отметить, что фантастические миры являются уместным пространством для словотворчества, т.к. в них для создания новых реалий используются новые слова, неологизмы. Образование неологизмов зачастую и становится первым шагом, предпосылкой к конструированию вымышленного языка для достижения эффекта стилизации. И осуществляется оно, главным образом, благодаря словообразованию (словосложение, аффиксация) и созданию новых лексем. Морфологические способы лингвоконструирования являются эффективными, т.к. графически более понятны читателю и не дают ему выйти из зоны комфорта. В данном случае представляется уместным говорить о конструировании особой лингвистической реальности в ситуациях интерсемиотического перевода.

Под лингвистической реальностью могут пониматься статические, зафиксированные «результаты / продукты» лингвистической деятельности человека (например, образцы предложений (physical sentence tokens), устные или письменные символы, производимые говорящим / пишущим [11, p. 483]). Лингвистическая реальность в нашей работе понимается как система координат пространства – времени – персональности, в которую встроено существование человека и социальных институтов (в первую очередь, языка) [4, с. 10-11]. При этом лингвистическая реальность персонажей, которая конструируется на базе вымышленных языков персонажей того или иного текста, определяется как вторичная семиотическая система.

Самыми яркими примерами вымышленных языков считаются языки Дж.Р.Р. Толкина, разработанные им для фантастического мира Арды, а также клингонский, придуманный лингвистом М. Окрандом. Интерсемиотичность в данном случае проявляется в использовании авторами совокупностей средств и возможностей естественных языков для пересоздания реальности и создания уникального речевого облика различных рас и народов.

Наиболее известные языки Толкина – квенья и синдарин – используют эльфами и имеют соответствующую фонетику. Например, квенья, «высокое наречие» эльфов, имеет много общего с финским языком, по признанию самого автора. Наличие 8 кратких и 8 долгих гласных фонем в финском языке оказали влияние на квенья, в котором 5 гласных в кратком и долгом вариантах. В квенья преобладают сонорные согласные, а шипящие и свистящие отсутствуют. Развитая синонимия в квенья делает возможность переводить «внутри» языка. Например, слову «листья» соответствует лексема «lassi», а также образное и описательное «gamag aldaŋon», что переводится как «крылья деревьев» [2]. Синтаксис же отличается свободным порядком слов, обеспечивающим легкость стихосложения, а масштабная система флексий сближает квенья со многими синтетическими языками.

Более употребляемый в произведениях Толкина синдарин похож на валлийский язык благодаря системе гласных. Популярность

этого эльфийского языка может быть объяснима его схожестью с германскими языками. Например, имя прилагательное в языке синдарин почти всегда находится в постпозиции после существительного, которое описывает. Так же, как и в языке квенья, прилагательные языка синдарин должны соотноситься по числу с именем существительным. Часто слова в языке синдарин могут иметь одну форму и при этом использоваться и как существительное, и как прилагательное. Прилагательные также могут быть образованы от других частей речи, в частности, от существительных (с помощью окончаний *-eb*, *-ui*, *-(r)en*) и глаголов (с помощью окончаний *-weg*, *-ui*). В языке также существует группа прилагательных, образованных от существительных и оканчивающихся на *-en*, *-ion*, *-on*, *-ren*. Прилагательные данной группы могут использоваться в значении родительного падежа в словосочетаниях и сложносоставных словах: *dôr-thonion* – ‘земля сосны’ (*dôr* – ‘земля’, *thonion* – ‘сосны’ (Род. п.)) [12].

Таким образом, вымышленные языки представляют собой объект художественного творчества автора, который, черпая вдохновение в естественных языках, создает такой фонетический, грамматический и лексический облик своего артланга, который соответствует картине мира говорящих на нем существ. Иногда для этого достаточно даже зрительного восприятия текста, как в случаях с языками Толкина и Окранда. Интерсемиотический перевод в данном случае призван через особенности языка интерпретировать характерные особенности ментальности народов. Создание уникальной вербальной семиотической системы, основанной на заимствованиях из естественных языков, актуализирует у читателей определенные лингвистические ассоциации с различными культурами, формирует ощущение культурной идентичности и диалога культур.

Список литературы

1. Аврорин В.Н. Проблемы изучения функциональной стороны языка. М.: Наука, 1975. 276 с.

2. Бразговская Е.Е. Авторские языки для «возможных» миров: Х.Л. Борхес, У. Эко и Дж.Р. Толкиен. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_6_138 (дата обращения: 05.03.2021).
3. Казаков Д.Л. Человек языкатый. М.: Эксмо, 2020. 304 с.
4. Карпухина В.Н. Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 232 с.
5. Катфорд Дж. Лингвистическая теория перевода: Об одном аспекте прикладной лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2004. 208 с.
6. Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.
7. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Наука, 2003. 320 с.
8. Сидорова М.Ю., Шувалова О.Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. М.: 1989.ru, 2006. 184 с.
9. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.
10. Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16-24.
11. Devitt M. Intuitions in Linguistics // *British Journal for the Philosophy of Science*. 2006, no. 57. pp. 481-513.
12. Salo D. A Gateway to Sindarin: A Grammar of an Elvish Language from J. R. R. Tolkien's *Lord of the Rings*. Utah: University of Utah Press, 2004. 454 p.

References

1. Avrorin V.N. *Problemy izucheniya funkcional'noj storony yazyka* [Problems of learning the functional side of the language]. Moscow: Nauka, 1975, 276 p.
2. Brazgovskaya E.E. *Avtorskie yazyki dlya «vozmozhnyh» mirov: J.L. Borges, U. Eko i J.R. Tolkien* [Author's languages for "possible" worlds: H.L. Borges, W. Eco, and J.R. Tolkien]. http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_6_138 (accessed 05.03.2021)
3. Kazakov D.L. *Chelovek yazykatyy* [The man of the tongue]. Moscow: Eksmo, 2020, 304 p.

4. Karpukhina V.N. *Konstruivovanie lingvisticheskoy real'nosti pri smene semioticheskogo koda kul'tury: monographia* [Construction of linguistic reality when changing the semiotic code of culture: a monography]. Barnaul: ASU Press, 2013, 232 p.
5. Catford J. *A Linguistic Theory of Translation. An Essay in Applied Linguistics* (in Russian). Moscow: Editorial URSS, 2004, 208 p.
6. Maslov Yu.S. *Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected works: Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004, 840 p.
7. Nelyubin L.L. *Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'* [Explanatory translation dictionary]. Moscow: Nauka, 2003, 320 p.
8. Sidorova M.Yu., Shuvalova O.N. *Internet-lingvistika: vymyshlennye yazyki* [Internet linguistics: fictional languages]. Moscow: 1989.ru, 2006, 184 p.
9. Eco U. *Skazat' pochti to zhe samoe. Opyty o perevode* [Say almost the same thing. Experiments on translation]. St. Petersburg: Simpozium, 2006, 574 p.
10. Jakobson R.O. O lingvisticheskikh aspektah perevoda [On linguistic aspects of translation]. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike* [Problems of translation theory in foreign linguistics]. Moscow, 1978, pp. 16-24.
11. Devitt M. Intuitions in Linguistics. In: *British Journal for the Philosophy of Science*, 2006, no. 57, pp. 481-513.
12. Salo D. A Gateway to Sindarin: A Grammar of an Elvish Language from J. R. R. Tolkien's *Lord of the Rings*. Utah, University of Utah Press, 2004, 454 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Карпухина Виктория Николаевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры германского языкознания и иностранных
языков

Алтайский государственный университет

пр-т Ленина, 61, г. Барнаул, 656049, Российская Федерация

karpukhina_vn@mail.ru

Николаева Олеся Евгеньевна, магистрант первого года обучения
*Алтайский государственный университет
пр-т Ленина, 61, г. Барнаул, 656049, Российская Федерация
olesya-emerald@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Karpukhina Victoria N., Doctor of Philology, Associate Professor of
the Department of German Linguistics and Foreign Languages
*Altai State University
61, Lenin pr., Barnaul, 656049, Russian Federation
karpukhina_vn@mail.ru*

Nikolaeva Olesya E., first-year Undergraduate Student
*Altai State University
61, Lenin pr., Barnaul, 656049, Russian Federation
olesya-emerald@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-178-195

УДК 811.111

ЯЗЫКОВОЙ ПУРИЗМ КАК ФОРМА ЭТНИЧЕСКОГО АНГЛИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Кирчанов М.В.

В настоящей статье исследуются основные тенденции в развитии лингвистического пуризма в Англии.

Целью статьи является анализ английского пуризма как тактики и практики английских националистически ориентированных интеллектуалов в тех стратегиях, которые они использовали для продвижения английской идентичности.

Методы. Методологически статья является междисциплинарной. Автор использует методологический инструментарий, предложенный интеллектуальной историей и исследованиями национализма, включая концепцию изобретения традиций, которая позволяет анализировать пуризм как одну из изобретенных традиций английского национализма.

Результаты. Анализируются различные тактики и стратегии пуристов. Показаны связи и взаимозависимости между пуризмом и английским национализмом. Пуризм определяется как форма культурного английского национализма. Слабость пуризма в английском национализме объясняется ранней институционализацией политической нации, что ослабило роль этнических тенденций. Анализируются особенности культурных и символических коммуникаций между пуристами и националистами. Автор полагает, что пуризм как форма английского национализма относится к числу маргинальных трендов. Предполагается, что роль пуризма в английском национализме несравнима со значением аналогичных явлений в других европейских национализмах.

Ключевые слова: английский язык; английский национализм; пуризм; этнический национализм; культурный национализм; историческая память; интеллектуалы; маргиналы

LANGUAGE PURISM AS A FORM OF ETHNIC ENGLISH NATIONALISM

Kyrchanoff M.W.

This article examines the main trends in the development of linguistic purism in England.

Purpose. *The aim of the article is to analyze English purism as a tactic and practice of English nationalist-oriented intellectuals in the strategies they used to promote English identity.*

Methods. *Methodologically, the article is interdisciplinary. The author uses the methodological tools proposed by intellectual history and nationalism studies, including the concept of the invention of traditions, which allows to analyze purism as one of the invented traditions of English nationalism.*

Results. *Various tactics and strategies of purists are analyzed. The links and interdependencies between purism and English nationalism are shown. Purism is defined as a form of cultural English nationalism. The weakness of purism in English nationalism is understood as the result of early institutionalization of the political nation, which weakened the role of ethnic tendencies. The features of cultural and symbolic communications between purists and nationalists are analyzed. The author believes that purism as a form of English nationalism is one of the marginal trends. It is assumed that the role of purism in English nationalism is incomparable with the significance of similar phenomena in other European nationalisms.*

Keywords: *English; English nationalism; purism; ethnic nationalism; cultural nationalism; historical memory; intellectuals; mavericks*

Формулировка проблемы: национализм и язык

XIX и XX столетия в историю Европы в частности и Запада в целом вошли как столетия национализма [2; 50; 59; 66]. Одной из особенностей развития национализма стало то, что именно нацио-

налистически ориентированные интеллектуалы [46] внесли значительный вклад в трансформации диалектов аграрного и городского населения, что в конечном счете привело к их социальной и культурной мутации, превращению в унифицированные и стандартизированные языки, что в первую очередь относилось к языкам тех этнических групп, которые могут быть условно определены как меньшинства многосоставных государств-империй Европы.

Последствиями развития национализма, возникновения, роста и активизации национальных движений стало изменение статуса неравноправных групп, которые обрели свои этнические и политических идентичности как изобретенные традиции, став нациями, т.е. вообразаемыми сообществами. В этой ситуации национализм стал важным фактором развития языков Европы [32], превращая их в политические ресурсы и вводя в число тех признаков, которые используются нациями для националистического воображения и конструирования мира по принципу «свой» / «чужой».

Цель и задачи статьи

В центре авторского внимания в настоящей статье находятся проблемы пуризма как формы националистического воображения в английском национализме. Исходя из этого, целью статьи является анализ английского пуризма [44; 60] как тактики английских националистически ориентированных интеллектуалов в тех их практиках и стратегиях, которые они использовали для воображения английской идентичности. Задачами статьи является изучение основных этапов в истории пуризма как формы националистического воображения, анализ различных тактик и стратегий националистов-пуристов, а также их значения как интеллектуальной истории Англии в частности, так и истории английского языка в целом.

Методология

Методологически данная статья основана на принципах, предложенных в рамках междисциплинарной историографии национализма и интеллектуальной истории [63; 64]. Автор полагает, что,

анализируя пуризм [47; 61] как форму националистического воображения, представляется целесообразным трансплантировать идеи, предложенные историками и культурологами, в изучение культурных и лингвистических активностей английских националистов в их попытках внедрить принципы пуризма в развитие английского языка. Лингвистические аргументы, которые использовались и применялись сторонниками английского национализма в своих пуристских практиках, были вторичны в силу того, что являлись производными от культурного и этнического национализма. Поэтому целесообразнее анализировать пуризм в контекстах интеллектуальной истории, истории идей или археологии идей английского национализма.

Национализм и язык:

континентальная и английская модель взаимоотношений

Процессы развития национализма охватили не только малые будущие нации Европы, но и формально доминирующие сообщества, хотя векторы и траектории развития национализма в целом и националистического воображения как формы изобретения традиций в частности в европейских регионах значительно отличались. Среди тех групп, которые изменились на протяжении XIX и XX вв., в рамках политической, социальной и экономической модернизации в значительной степени, особое место принадлежит т.н. «имперским» нациям, которые на протяжении длительного времени пребывали в тени других сюжетов в междисциплинарной историографии национализма. Это вовсе не означает того, что проблемы развития английского или русского национализма не описывались в историографии, которая признает, что векторы и траектории развития националистического воображения в рамках этих сообществ были принципиально иными, что отличало их от развития национализмом малых, угнетенных и неравноправных групп.

Анализ национализмов и идентичностей формально доминирующих групп сводился к изучению генезиса национализма и воображаемых им наций в рамках «высокой культуры» [40; 51; 62] или

имперских форм наций и идентичностей в политическом воображении. Логика исторического и культурного развития английского национализма мало отличалась от аналогичных трансформаций в региональной Европе в силу того, что стартовые условия социальных изменений и мутаций, которые привели к кризису традиционных культур и их замене модерными идентичностями, были в значительной степени сходны.

Историография

Несмотря на общие закономерности в истории национализма [55], некоторые проблемы функционирования националистического воображения в историографии изучены в меньшей степени чем другие сюжеты.

Утверждения о значительной роли языка как фактора националистических мобилизаций и развития национализма успели стать общим местом в междисциплинарных *Nationalism Studies*, воспроизводясь как в классических [17; 29; 33; 37], так и современных текстах [1; 20; 53], сфокусированных на анализе идентичностей как изобретенных традиций. По мнению Дж. Джозефа, «неизменной темой исследований национальной идентичности последних четырех десятилетий было определяющее значение языка в ее формировании» [37, р. 94], хотя английская идентичность нередко пребывала в тени европейских континентальных национализмов.

Среди проблем истории английского национализма (хотя некоторые авторы ставят вопрос о его существовании в принципе [27]), изученных в междисциплинарной историографии национализма в гораздо меньшей степени чем социальные и политические трансформации Раннего Нового времени, которые привели к появлению английской политической нации, особое место занимает лингвистическое воображение как форма изобретения и воспроизводства политических традиций [58]. В этой ситуации история английского национализма, с одной стороны, может быть описана в той междисциплинарной системе координат, которая была предложена в классических текстах Э. Геллнера [30], Б. Андерсона [3] и Э. Хобсба-

ума [34]. С другой стороны, современная историография истории английского национализма содержит многочисленные лакуны, которые изучены в меньшей степени чем другие вопросы и аспекты истории националистического воображения и конструирования английской модерной нации [18].

История английского языка [16; 35] представляет собой один из аспектов истории английского национализма и развития английского националистического воображения и изобретения традиций [5; 19]. В ряде случаев пуризм в историографии рассматривается как частный случай английского националистического воображения [43], оказываясь в тени других сюжетов, связанных с политическими и социальными процессами в английском национализме [31]. Поэтому, одной из таких проблем является лингвистическое воображение, связанное с ролью и местом английского языка [45] в интеллектуальной и культурной истории английского национализма, изученная в историографии в гораздо меньшей степени чем другие аспекты развития Англии как политической нации и как нации-государства [42], если эти категории адекватно применимы для описания английского кейса в междисциплинарной современной историографии национализма.

Английский пуризм: предварительные ориентации

Пуризм на современном этапе представляет собой одну из тактик и интеллектуальных практик английского национализма, значение которой может быть определено как маргинальное. В самом общем плане пуризм как форма националистического воображения сводится к популяризации идей о необходимости замены неанглийских, в частности, и слов негерманского происхождения неологизмами, которые, как правило, образованы от англо-саксонских корней или фактически могут быть определены как заимствования из других родственных германских языков. Странниками пуризма в умеренной версии предлагается минимальная отчистка языка от заимствований из преимущественно романских (латыни и французского) языков. Приверженцы же радикальной версии пуризма

настаивают на смене названия языка на *English*, хотя некоторыми интеллектуалами язык, предлагаемый в рамках подобного проекта, определяется как *Saxonised English*.

Пуризм и английский национализм в XIX в.

Генезис и археология идей современного английского пуризма как части националистического воображения принадлежит к числу дискуссионных проблем. Ранние этапы в истории английского пуризма в историографии связываются, как правило, с деятельностью ряда интеллектуалов XVI–XVII столетий, но эти усилия корректнее и логичнее локализовать в контекстах «высокой культуры», но не национализма в силу того, что он до начала XIX века, как политическая и гражданская доктрина, в Англии фактически отставал, т.к. формы националистического воображения развивались как частные случаи английской культуры.

Первые системные попытки использования идей пуризма, который начинает восприниматься как форма национализма и соотноситься с развитием английской идентичности, могут быть датированы XIX в., что, например, было связано с деятельностью ряда интеллектуалов, включая Ч. Диккенса, Т. Харди и В. Барнса, хотя последние современниками воспринимались как преимущественно культурные, а не политические националистические активисты. Тем не менее, неупорядоченные попытки внедрения принципов пуризма имели крайне ограниченный эффект, который проявлялся в сочувствующих высказываниях со стороны других деятелей английской литературы, в частности подчеркивавшего, что «остается лишь сожалеть о том, каким мог бы быть английский; несмотря на все то, что сделали Шекспир и Милтон... никакая красота в языке не может восполнить недостаток его чистоты» [47, р. 328].

Из этой триады к классическому национализму в европейском континентальном понимании в наибольшей степени был близок В. Барнс [21], выступавший за упрощение литературного, преимущественно – книжного, языка и его приближение к народной и частично диалектной речи англичан, хотя некоторые неологизмы

(speechcraft – «грамматика», birdlore – «орнилология», wortlore – «ботаника», welkinfire – «метеор», fore-elders – «предки», bendsome – «гибкий», sunprint – «фотография»), на введении которых настаивал В. Барнс, могли быть непонятны для большинства англичан.

Идеи В. Барнса были националистическими, но, вместе с тем, они являлись и маргинальными в силу того, что его идеи использовать дорсетский диалект [7] как основу английского литературного языка была нереализуемой в силу того, что литературная норма к середине XIX в. сложилась и функционировала уже на основе других диалектов. В. Барнс активно использовал дорсетский диалект, на котором он писал и издавал стихи, начиная с 1833 г. [10; 11; 12; 13]. К середине 1850-х гг. В. Барнс выступил с первыми серьезными попытками критики той ситуации, которая сложилась в лексике английского языка, осуждающе интерпретируя заимствования [8]. В 1863 г. В. Барнс издает книгу «Tiw» [15], ставшую одним из первых памятников возникавшего в то время английского этнического национализма, хотя эти идеи нашли свое отражение в его как более ранних [14], так и поздних [6] работах, основанных в значительной степени на идеализации и глорификации англосаксов [9], которые противопоставлялись кельтам и романским группам. Именно в этом тексте В. Барнсом была предложена идея пуризма как основы развития английского языка, что, с одной стороны, предусматривало более активное использование потенциала диалектов, а, с другой, очищение его от иностранных заимствований, что предусматривало бы их замену германизмами.

Большинство текстов В. Барнса отражали и фиксировали особенности жизни в английской провинции [11], которая к тому времени была еще слабо затронута социальной и экономической модернизацией, что в определенной степени сближает активности В. Барнса с тем, что делали континентальные европейские националисты в своих попытках трансформировать традиционные идентичности крестьян в современные идентичности граждан как членов нации, воображаемой и изобретаемой в качестве политического сообщества. Развитие пуризма как формы английского национали-

стического воображение носило в значительной степени дискретный характер, а преемственность между различными социальными и культурными поколениями английских националистов в сфере пуризма не столь очевидна как преемственность между другими течения общественной мысли в Англии.

Английский пуризм в XX-начале XXI в.

Новая волна интереса к пуризму в английском обществе началась только во второй половине в 1960-е гг.

Во второй половине 1966 г. П. Джэннингз [36] попытался актуализировать проблемы истории английского языка в пуристической перспективе в контекстах 900-летия нормандского завоевания Англии в 1066 г. Именно П. Джэннингз был среди первых популяризаторов концепта *Anglish* – того языка, на котором могли писать классики английской литературы, если бы не было нормандского завоевания. Следующая попытка актуализации идей пуризма имела место спустя двадцать лет, когда в 1989 г. П. Андерсон опубликовал псевдоисследование, которое фактически представляло собой фантастический рассказ об использовании атомной энергии, написанный исключительно с использованием слов германского происхождения, полученных в результате расширения смыслов (например, лексема «*motes*» обрела значение «частицы»), калькирования с других негерманских языков (лексема «*uncleft*», «атом», стала фактически переводом с греческого), калькирования с родственных германских языков («*waterstuff*» – «водород», «*sourstuff*» – «кислород») и использования форм словообразования, заимствованных из других германских, преимущественно – немецкого, языков: например, *firststuff* = *first* + *stuff*; *lightrotting* = *light* + *rotting* [4].

Новая волна пуризма началась в конце 2000-х гг. когда Д. Коули опубликовал статью «Как мы говорили бы, если бы англичане победили в 1066» [23; 24], которая стала попыткой предположить, как мог выглядеть английский язык без романского влияния в результате нормандского завоевания. В 2014 г. П. Кингснорс опубликовал роман «*The Wake*» [41], который фактически стал тек-

стом-конструктом, написанном на несуществующем германском языке, возникшем в результате применения принципов радикального пуризма к английскому. Роман «Outlaws» Э. Фэйрфакса [28], вышедший три года спустя, в 2017 г., принадлежит к числу подобных текстов. На современном этапе (2000 – 2010-е гг.) более заметны стали тенденции миграции пуризма из офф-лайн-культурных и интеллектуальных практик в виртуальные, онлайн-формы.

Пуризм и английский национализм в условиях виртуализации

Если ранее, в XX в., английские националисты в своих пуристических практиках актуализировали стратегии использования исторической и культурной памяти, лавируя между тактиками вспоминания / забывания и расшифровки прошлого как его десакрализации [52], то современный этап в истории пуризма как формы английского националистического воображения начался в 2010-е гг., когда активности пуристов переместились в интернет.

Среди ресурсов английских националистов, озабоченных проблемами и перспективами внедрения пуризма, особое место занимает сайт «Ednew English», сфокусированный на «осознании и восстановлении родных английских слов» [26]. Сторонники пуризма настаивают, что современный английский язык стал результатом сознательной дискриминации германских корней, замененных латинскими, романскими или греческими заимствованиями. Поэтому сторонники пуризма полагают, что заимствования должны быть заменены новыми лексемами с германскими корнями и английскими суффиксами, включая -ber (wassomber “bearing fruit”, quildber “deadly, destructive”, lustber “desirable”), -bore (keybore “keybearer”, ashbore “spearbearer”, moundbore “protector”), -craft (moodcraft “intelligence”, dreamcraft “art of music”, shipcraft “ship building”), -fast (siefast “glorious”, truefast “loyal”, errandfast “bound on an errand”), -spel (oldspel “old saying”, mornspel “morning news”, liefspel “pleasant discourse”) и префиксами, среди которых a- (acraft “to devise”, afeed “to feed”, agrise “to be afraid”), alder- (alderbest

“best of all”, aldergreatest “greatest of all”, alderwisest “wisest of all”), eft- (eftakenned “born again”, eftforgiveness “remission”, eftflow “to flow back”), imb- (imbthink “to think about”, imbshine “to shine around or upon”, imbfare “a circuit”), sin- (sindream “endless joy”, sinnight “endless night”, sinhere “immense army”), wither- (witherqueddleness “contradiction”, witherread “contrary, opposed”, witherstand “to resist”, witherfight “hostile fight”), yond- (yondlightend “illuminater”, yondshrithe “to pass through”, yondsee “to examine”, yondard “to inhabit”) [26]. В этой ситуации лингвистического воображения в националистической системе координат примечательно и то, что практически все упомянутые лексемы «позаимствованы» националистами из академических исследований [22; 48; 49; 56; 65], сфокусированных на истории английского языка, что свидетельствует о синтезе националистического и научного дискурса.

Проект «The Anglish Moot» (Английское вече), активно использующие открытые технологии Википедии, стал еще одной виртуальной площадкой английских этнических националистов, которые проявляют заинтересованность в пуристическом очищении английского языка от иностранных заимствований. Пуристы настаивают на необходимости последовательной ревизии английского языка, стремясь приблизить его к родственным германским языкам, в том числе – и в сфере географических названий. Согласно сторонникам радикального пуризма, новые топонимы, включая Blackbarrow, Foreoldenland and Beardedland, Frankric, Greekland, Inland, Oned Rikes of America, Oned Kingdom, Philipsland, Russland, Silverland, Theechland, Turkland, Yieldingland, должны заменить те, которые используются в английском литературном языке. Кроме этого, предлагается изменить и названия языков, введя новые – Anglish, Anglesaxish, Chinish, Esperantish, Hightheech, Icelandish, Italish, Japanish, Koreish, Latish, Netherlandish, Philipslandish, Portugalish, Russish, Serbish, являющиеся более германскими как фонетически, так и по используемой норме правописания [57]. Сторонники проекта позиционируют его как инициативу национальных активистов, направленную на популяризацию идей пуристов, которые считают

необходимым постепенно отказываться от латинских, французских и греческих заимствований, заменяя их восстановленными лексемами из языка англосаксов или кальками из родственных германских языков.

Выводы

Подводя итоги статьи следует принимать во внимание ряд факторов, которые определяли основные векторы и траектории в развитии пуризма как формы культурного и лингвистического воображения интеллектуалов в рамках английского национализма.

Развитие английского национализма и националистического воображения обладало многочисленными особенностями, которые отличали его от аналогичных процессов в континентальных европейских национализмах. С одной стороны, с формальной точки зрения процессы размывания и эрозии традиционных идентичностей в Англии начались в XVI-XVII столетиях, т.е. на два – три столетия раньше, чем в других регионах континентальной Европы. С другой стороны, некоторые формы националистического воображения в английском национализме возникли позже, чем, например, в национализмах Центральной, Восточной и Южной Европы. Если в польском, латышском, литовском, румынском или словацком национализмах процессы формирования современной идентичности в ее «низких» и «высоких» формах протекали практически одновременно или хронологический разрыв между этими процессами был незначительным, то в английском национализме формы «высокой культуры» как основы идентичности институционализировались на три столетия раньше, чем массовые стандартизированные идентичности англичан как политической нации граждан.

В то время, как в Англии сначала возникла «высокая культура» с ее производными (национальное искусство, литература, наука и т.п.), то континентальные европейские националисты нередко были вынуждены конструировать, воображать и изобретать, «высокие» и «низкие» формы идентичности одновременно. XVI и XVII столетия стали периодом генезиса той английской литературы, которая

не только институционализовала современный английский язык, но и стала стимулом для развития идентичности. В этой ситуации английские националисты на протяжении XVIII, XIX и XX вв. предпочитали решать политические и в некоторой степени социальные проблемы, игнорируя языковой фактор.

Поэтому потенциал лингвистического национализма английскими националистически ориентированными интеллектуалами был осознан относительно поздно – в XIX в., а большинство попыток внедрить пуристские практики в националистическое воображение имели место в XXI и XX в., когда английская модель развития лингвистического национализма прошла точку невозврата. В этой ситуации английский лингвистический национализм стал визуален настолько поздно, что националистические активности интеллектуалов уже не смогли изменить векторы и траектории развития английского языка.

Инициативы пуристов в истории английского национализма фактически стали частью интеллектуальной истории, истории идей или археологии идей английского националистического воображения. Анализируя эти интеллектуальные практики, во внимание следует принимать то, что они, с одной стороны, стали формой изобретения традиций английской политической и этнической нации как воображаемого сообщества. С другой стороны, лингвистическое воображение английского национализма в XIX и XX вв. в значительной степени было маргинальным, т.к. националисты не смогли изменить основные векторы и траектории развития как английской нации, так и английского языка. Именно эта маргинальность предопределила судьбу пуристских практик английских националистов, содействуя их виртуализации.

В целом, несмотря на то что пуризм не стал основным и магистральным трендом в интеллектуальной и культурной истории английского национализма, автор полагает, что пуристические практики, тактики и стратегии английских националистов нуждаются в дальнейшем изучении в рамках междисциплинарного синтеза, в рамках интеллектуальной истории и культуральной истории, истории идей, истории английского языка, а также исследований национализма.

Список литературы / References

1. Abrahamian L. *Mother tongue: linguistic nationalism and the cult of translation in post-communist Armenia*. Berkeley: University of California, 1998, 29 p.
2. Alter P. *Nationalism*. L. – NY.: Hodder Education Publishers, 1994, 160 p.
3. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.: Verso, 1991, 224 p.
4. Anderson P. Unclefthish Beholding, *Analog Science Fact. Science Fiction Magazine*. 1989. December, pp. 132-134.
5. Bailey R. *Images of English: A Cultural History of the Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, 344 p.
6. Barnes W. *A Glossary of the Dorset Dialect*. L.: M. and E. Case, 1886, 124 p.
7. Barnes W. *A Grammar and Glossary of the Dorset Dialect with the History, Outspreading and Bearings of South-Western English*. Berlin: Asher and Co., 1863, 104 p.
8. Barnes W. *A Philological Grammar Grounded Upon English, and Formed from a Comparison of More Than Sixty Languages: Being an Introduction to the Science of Grammar and a Help to Grammars of All Languages, Especially English, Latin and Greek*. L.: John Russell Smith, 1854, 312 p.
9. Barnes W. *Early England and the Saxon-English: With Some Notes on the Father-stock of the Saxon-English*. L.: John Russell Smith, 1859, 178 p.
10. Barnes W. *Hwomely Rhymes: A Second Collection of Poems in the Dorset Dialect*. L.: John Russell Smith, 1859, 210 p.
11. Barnes W. *Poems of Rural Life in Common English*. Boston: Roberts Brothers, 1869, 158 p.
12. Barnes W. *Poems of Rural Life in the Dorset Dialect*. L.: John Russell Smith, 1844, 134 p.
13. Barnes W. *Rural Poems*. Boston: Roberts Brothers, 1869, 158 p.
14. Barnes W. *Se gefylsta (the helper): an Anglo-Saxon delectus*. L.: John Russell Smith, 1849, 78 p.

15. Barnes W. *Tiw: Or, A View of the Roots and Stems of the English as a Teutonic Tongue*. L.: John Russell Smith, 1862, 324 p.
16. Baugh A.C., Cable Th. *A History of the English Language*. L.: Routledge, 2012, 464 p.
17. Billig M. *Banal Nationalism*. London: Sage, 1995, 208 p.
18. Black J. *English Nationalism: A Short History*. L.: Hurst, 2018, 196 p.
19. Bragg M. *The Adventure of English: The Biography of a Language*. L.: Arcade, 2011, 336 p.
20. Branchadell A. *One Nation, One (Common) Language? Language and Nationalism in 21st century Catalonia*. Helsinki: ESF, 2011, 14 p.
21. Chedzoy A. *The people's poet: William Barnes of Dorset*. Stroud: The History Press, 2010, 226 p.
22. Clark-Hall J.R. *A Concise Anglo-Saxon Dictionary*. Toronto: University of Toronto Press, 1960, 432 p.
23. Cowley D. *Hastings, 1066 – Words We'd Wield If We'd Won*. L.: New Generation Publishing, 2011, 52 p.
24. Cowley D. *How We'd Talk If the English Had Won in 1066*. L.: New Generation Publishing, 2009, 268 p.
25. Day G. *Theorizing Nationalism*. L. – NY.: Palgrave, 2005, 213 p.
26. *Ednew English*. <http://ednewenglish.tripod.com/index.htm> (accessed 28.01.2021)
27. English R. *Is there an English Nationalism?* L.: Institute for Public Policy Research, 2011, 11 p.
28. Fairfax E. *Outlaws*. L.: Bokos, 2017, 282 p.
29. Fishman J. The primordialist-constructivist debate today: the language-ethnicity link in academic and everyday life perspective, Conversi D. (ed.). *Ethnonationalism in the Contemporary World: Walker Connor and the Study of Nationalism*. L.-NY.: Routledge, 2002, pp. 85-92.
30. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Cornell: Cornell University Press, 1983, 170 p.
31. Hackert St. Linguistic Nationalism and the Emergence of the English Native Speaker, *European Journal of English Studies*. 2009. XIII(3), pp. 305-317.
32. Heller M. *Paths to Post-Nationalism: A Critical Ethnography of Language and Identity*. Oxford: Oxford University Press, 2011, 240 p.

33. Hobsbawm E. Are All Tongues Equal? Language, culture, and national identity, Barker P. (ed.). *Living as Equals*. Oxford: Oxford UP, 1997, pp. 85-98.
34. Hobsbawm E.J. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990, 199 p.
35. Horobin S. *How English Became English: A short history of a global language*. Oxford: Oxford University Press, 2016, 187 p.
36. Jennings P. *I Was Joking Of Course*. L.: Max Reinhardt Ltd., 1968, 175 p.
37. Joseph J. *Language and Identity: National, Ethnic, Religious*. L.-NY.: Palgrave Macmillan, 2004, 268 p.
38. Joseph J.E. Language as Fiction: Writing the Text of Linguistic Identity in Scotland, Autor H., Stierstorfer K. (eds.). *English Literatures in International Contexts*. Heidelberg: C. Winter, 2000, pp. 77-84.
39. Kamusella T. Language as an instrument of nationalism in Central Europe, *Nations and Nationalism*. 2001. 7(2), pp. 235-251.
40. Kaul S. *Poems of Nation, Anthems of Empire: English Verse in the Long Eighteenth Century*. University of Virginia Press, 2001, 337 p.
41. Kingsnorth P. *The Wake*. L.: Unbound Digital, 2014, 384 p.
42. Kumar K. *The Making of English National Identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 388 p.
43. Kyrchanoff M.W. "If the sleeper wakes": *English nationalism and Englishness in political and intellectual life of the early 21st century England*. Voronezh: Qvarta Press, 2016, 262 p.
44. Langer N. *Linguistic Purism in Action*. Berlin: De Gruyter, 2013, 322 p.
45. Lerer S. *Inventing English: A Portable History of the Language*. Columbia University Press, 2015, 352 p.
46. Lilla M. *The Reckless Mind: Intellectuals in Politics*. NY.: New York Review Books, 2016, 248 p.
47. Langer N., Davies W. (eds.). *Linguistic Purism in the Germanic Languages*. Berlin: De Gruyter, 2011, 382 p.
48. Moore S. *Historical Outlines of English Sounds and Inflections*. Ann Arbor: George Wahr, 1951, 179 p.
49. Moore S., Knott Th. *Elements of Old English*. Ann Arbor: George Wahr, 1942, 339 p.

50. Hutchinson J., Smith A. (eds.). *Nationalism*. Oxford: Oxford University Press, 1995, 392 p.
51. Newman G. *The Rise of English Nationalism: A Cultural History, 1740-1830*. L.: Palgrave Macmillan, 1997, 324 p.
52. Niles J.D. *The Idea of Anglo-Saxon England 1066 – 1901: Remembering, Forgetting, Deciphering, and Renewing the Past*. L. – NY.: Wiley – Blackwell, 2015, 448 p.
53. O’Connell A.-M. The ambivalent relation between nationalism and national language: the cases of the Republic of Ireland and Wales, *Miroirs: Revue des civilisations anglophone, ibérique et ibéro-américaine*. Toulouse: Université Toulouse, 2014, pp. 31-65.
54. Silverstein M. Whorfianism and the Linguistic Imagination of Nationality, Kroskirty P. (ed.). *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities*. Santa Fe: School of American Research Press, 2000, pp. 85-138.
55. Stahl D.J. *An Analysis of Ernest Gellner’s Nations and Nationalism*. L. – NY.: Macat Library, 2017, 105 p.
56. Stratmann Fr. *Middle-English Dictionary: Containing Words Used by English Writers from the Twelfth to the Fifteenth Century*. Oxford: Oxford University Press, 1940, 738 p.
57. *The Anglish Moot*. https://anglish.fandom.com/wiki/Main_leaf (accessed 28.01.2021)
58. Hobsbawm E., Ranger T. (eds.). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012, 330 p.
59. Dahbour O., Ishay M.R. (eds.). *The Nationalism*. L.-NY.: Humanities Press, 1995, 383 p.
60. Jernudd B.H., Shapiro M.J. (eds.). *The Politics of Language Purism*. Berlin: De Gruyter, 2011, 255 p.
61. Thomas G. *Linguistic Purism*. L.: Longman, 1991, 264 p.
62. Tumbleson R.D. *Catholicism in the English Protestant Imagination: Nationalism, Religion, and Literature, 1660-1745*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998, 266 p.
63. Watson P. *The Modern Mind: An Intellectual History of the 20th Century*. L. – NY.: Harper Perennial, 2002, 864 p.

64. Whatmore R. *What is Intellectual History?* L.: Polity, 2016. 145 p.
65. Wright J., Wright E.M. *An Elementary Middle English Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 1928, 240 p.
66. Berger S., Storm E. (eds.). *Writing the History of Nationalism*. L.: Bloomsbury Academic, 2019, 288 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент
Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
ул. Пушкинская 16, г. Воронеж, 394000, Российская Федерация
maksymkyrchanoff@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kyrchanoff Maksym W., DrSci in History, Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies
Voronezh State University
16, Pushkinskaya Str., Voronezh, 394000, Russian Federation
maksymkyrchanoff@gmail.com
SPIN-code: 6547-1027
ORCID: 0000-00033819-3103

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-196-207

УДК 802.0-31

АББРЕВИАЦИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ ПО ЭНЕРГЕТИКЕ И ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Синенко Т.Н.

Обоснование. *Аббревиация в терминологии по энергетике и защите окружающей среды является продуктивным способом словообразования. Причиной этому является постоянный рост технического прогресса, с одной стороны и появление новых сложных научно-технических понятий, с другой. Новые условия жизни, развитие науки, появление новой терминологии меняют требования общества к готовности преподавателя иностранного языка и к подготовке студентов инженерно-технических специальностей по дисциплине «Иностранный язык» в вузе. Аббревиатуры являются важным компонентом научно-технических текстов, знание основных типов аббревиации способно в значительной степени облегчить прочтение и понимание текста специалистами.*

Цель работы заключается в выделении основных, наиболее частотных типов аббревиатур, функционирующих в английской терминологии по энергетике и защите окружающей среды.

Методы исследования. *В процессе исследования был проведен теоретический анализ научной литературы по изучаемому вопросу. Также был применен метод сплошной выборки и метод лингвистического наблюдения.*

Материалом исследования послужил «Англо-русский словарь по энергетике и защите окружающей среды» А.С. Гольдберга, включающий около 5 000 сокращений, материалы конференций “International Conference on Environment Pollution and Prevention” (ICEPP: 2015-2020).

Результаты исследования показали, что наиболее продуктивными типами аббревиации являются буквенные сокращения. Го-

раздо реже в терминологии по энергетике и защите окружающей среды встречаются цифровые сокращения, усеченные слова.

В процессе исследования выявлен новый тип буквенных сокращений, который характеризуется образованием аббревиатуры путем удаления из слова гласных букв.

Область применения результатов. *Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования полученных данных в практике преподавания иностранного языка (английского) студентам технического вуза и при подготовке технических переводчиков.*

Ключевые слова: *аббревиация; терминология по теме «Энергетика»; терминология по теме «Защита окружающей среды»; усеченные слова; буквенные сокращения*

ABBREVIATED ENERGY AND ENVIRONMENTAL PROTECTION TERMINOLOGY (AS BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

Sinenko T.N.

Background. *Abbreviation in energy and environmental protection terminology is a productive way of word formation. The reason of which is the technologies constant, on the one hand, and the emergence of new complex scientific and technical concepts, on the other hand. New living conditions, development of science and new terms are changing the social requirements that a foreign language teacher is supposed to meet to be able to teach a foreign language to engineering and technical students at the university. Abbreviations are an important component of scientific and technical texts, and knowledge of the main types of abbreviations can facilitate reading and understanding of the text.*

The purpose of the work is to identify the main, most frequent types of abbreviations functioning in English terminology on energy and environmental protection.

The material of the study was the *English-Russian Dictionary of Energy and Environmental Protection* by A.S. Goldberg, which includes about 5,000 abbreviations as well as papers of the *International Conference on Environment Pollution and Prevention (ICEPP: 2015- 2020)*

Methods. In the course of the research, a theoretical analysis of the scientific literature on the subject under study was carried out. The continuous sampling method and the linguistic observation method were also used.

The **results** of the study show that the most productive types of abbreviations are initial letter abbreviations. Digital abbreviations and truncated words are used less often.

Practical implications. The practical significance of the research results lies in the possibility of using the obtained data in teaching a foreign language (English) to technical university students and in technical translators training.

Keywords: *abbreviation; energy terminology; environmental protection terminology; truncated words; letter abbreviations*

Общеизвестно, что вместе с развитием современного общества и ростом научно-технического прогресса, характерные изменения претерпевает и современный язык. Появление в современном языке сокращенных лексических единиц является следствием развития научного знания, которое, в свою очередь, ведет к появлению новых понятий, появлению специальной лексики, терминологии (в том числе и аббревиатур), присущей различным сферам жизни человека, направлениям науки и отраслям промышленности [13; 14; 15]. Широкое распространение терминологии, ее проникновение в повседневную жизнь человечества характеризуется интенсивным образованием и использованием аббревиации как особого способа словообразования, направленного на компрессию и создание более коротких в сравнении с исходными словосочетаниями номинаций [1; 3; 11].

Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю» аббревиатура – существительное, состоящее из усеченных слов, входящих в исходное словосочетание, или из усеченных компонен-

тов исходного сложного слова. Последний компонент аббревиатуры может быть также целым (неусеченным) словом [5, с. 9].

Обратимся к «Словарю современного русского литературного языка», согласно которому аббревиатура трактуется 1) как сложносокращенное слово, а также буквенное сокращение нескольких слов (драмкружок, СССР); 2) условное сокращение слов в буквенном и нотном письме (см. – смотри, f – forte) [6, с. 44].

В «Современном словаре иностранных слов» понятие «аббревиатура» определяют как «слово, образованное из начальных звуков слов, названий их начальных букв, из начальных частей словосочетания или из начальной части слова и целого слова, напр. вуз (высшее учебное заведение) ... профком (профсоюзный комитет), роддом (родильный дом)» [7, с. 9].

Научно-технический прогресс, в частности, информатизация общества, оказали и оказывают значительное влияние на условия современной речевой коммуникации. Современное информационно-коммуникативное пространство характеризуется рядом особенностей: развитием и массовой доступностью современных информационных технологий, постоянно растущей терминологической насыщенностью информационного потока (например, современного интернет-контента), подготовленностью потребителей информационного потока к восприятию и пониманию неологизмов употреблению определенных типов терминологических единиц, присущих различным отраслям промышленности, и, как следствие, росту количества сокращений, аббревиатур [9; 10; 13].

Очевидно, что развитие социума не может не влиять на развитие языка, в частности на необходимость номинации понятий средствами словообразования присущими конкретному языку. Заметим, что аббревиатуры являются важным компонентом многих научно-популярных и научно-технических текстов, они в значительной степени облегчают прочтение и понимание текста специалистами. Согласно С.С. Барбашевой, употребление в речи аббревиатур способствует «экономному использованию языка», которое заключается в переда-

че максимального количества информации в единицу времени, что служит причиной «аббревиатурного взрыва» [2, с. 911].

Помимо внешних предпосылок появления аббревиатур, существуют внутренние предпосылки. Согласно выводам В.В. Борисова, любая структура подвержена не только внешним воздействиям, определяющими являются внутренние тенденции к разрушению и перестройке структуры системы в результате изменений, проявляющихся в процессе борьбы противоречивых внутренних тенденций [4]. К внутриязыковым факторам развития, обуславливающим возникновение аббревиации, относятся, по мнению исследователя:

1) стремление говорящего / пишущего специалиста упростить высказывание и тем самым упростить процесс восприятия слушающему / читающему текст человеку;

2) антиномия узуса и возможностей языковой системы (противоречие между ограничением, с одной стороны, использования языковых единиц и их сочетаний, а с другой – ввиду потребности речевого потребления необходимости снятия, преодоления, прорыва цепи ограничений путем применения возможностей языковой системы);

3) наличие у говорящего и слушающего в памяти общего кода, позволяющего им упростить текст. В то же время стремление укоротить текст приводит к появлению и росту новых единиц кода (например, аббревиатур);

4) асимметричность языкового знака, которая проявляется в том, что «создание сокращенных лексических единиц можно рассматривать как проявление стремления означаемого к приобретению новых средств своего выражения, в появлении регулярных семантических сдвигов в ряде тематических групп сокращений;

5) антиномия информационной и экспрессивной функций языка. Согласно информационной функции языка языковые единицы должны быть однотипными, т.е. проявляться в типовых моделях сокращенных лексических единиц. Экспрессивная функция находит выражение, прежде всего, в нестандартности употребления сокращений в определенном контексте, что может придать им экспрессивную окраску [Там же, с. 55-58].

Довольно часто английская аббревиатура не имеет устоявшегося соответствия в русском языке, что ведет к подбору и использованию тех вариантов перевода одной и той же лексической единицы, которая наиболее точно отражает содержание термина в контексте конкретного текста. Это, в свою очередь, приводит к тому, что несколько различных понятий могут быть обозначены одинаковыми омонимичными сокращениями.

Согласно Э.Ф. Скороходько, аббревиатуры следует подразделять на текстовые и терминологические [12]. Смысл текстовых сокращений авторы в обязательном порядке поясняют либо в тексте, либо в примечаниях, поскольку смысловая нагрузка текстовых сокращений способна оказывать влияние на стилистическую насыщенность текста, и, как следствие, на восприятие текста читателем. Терминологические сокращения представляют собой синонимические краткие варианты стандартных терминов, которые понятны специалистам и без объяснения. В своем исследовании мы обратились к терминологии по энергетике и защите окружающей среды с тем, чтобы выяснить какие типы аббревиатур являются более частотными, а какие встречаются реже.

В английском языке существуют следующие типы аббревиатур: буквенные аббревиатуры, частичные аббревиатуры (состоят из букв или слога или полного слова), смешанные аббревиатуры (состоят из букв и слогов), цифровые аббревиатуры (состоят из букв или слогов и цифр), усеченные слова.

Буквенные терминологические аббревиатуры в английском языке произносят либо как названия букв (первых букв слов составляющих сокращения), либо как слово (составленное из этих букв). Буквенные аббревиатуры, которые произносят как названия букв, пишут либо строчными, либо прописными буквами. Заметим, что согласно «Словарю английских и американских сокращений» [8] буквенные сокращения могут быть записаны как с точками, так и без точек. Все вышесказанное характерно и для терминологии по энергетике и защите окружающей среды, например: АААС (Affirmative Action Advisory Committee – Консультативный коми-

тет по утверждению действий или мероприятий (на АЭС), ADA (automatic data acquisition – автоматический сбор данных), EOI (emergency operating instructions – инструкция по эксплуатации в аварийных ситуациях), FH (fire hydrant – пожарный гидрант), ga (1. gage – калибр, шаблон, 2. манометр; 2. grate area – площадь решетки (в топке котла), OASIS (Oak Ridge Automated Safeguards Information System – Автоматизированная информационная система по средствам защиты АЭС Оук-Риджской национальной лаборатории (США), p.c.m. (percentage of moisture – влажность в процентах), p.m. (per minute – в минуту), UPTPS (upper plenum thermal protection structure – конструкция тепловой защиты верхней камеры ядерного реактора).

Иногда в состав буквенных аббревиатур входят символы & или /, например: O&M (operations and maintenance – эксплуатация и обслуживание), N/A (not applicable – непригодный, неприменимый).

Большую часть сокращений, входящих в терминологию по энергетике и защите окружающей среды, составляют буквенные терминологические аббревиатуры инициального типа.

В процессе анализа терминологических сокращений по энергетике и защите окружающей среды нами была выявлена немногочисленная группа сокращений (23 слова, что составляет менее 0,5% от общего количества аббревиатур по энергетике и защите окружающей среды [9]), описания которой мы не нашли в научной литературе посвященной аббревиации. Данную группу сокращений в дальнейшем мы будем называть «консонантными буквенными аббревиатурами», т.к. они состоят преимущественно из согласных букв слова (гласные буквы подвергаются сокращению). Заметим, что существуют несколько тенденций образования консонантных буквенных аббревиатур:

1) из слова удалены все гласные буквы, например: cnd (condition – условие), ld (load – нагрузка, загрузка) и rldg (reloading – перезагрузка), scrbr (scrubber – скруббер), scrn (screen – экран), rht (reheat – промежуточный перегрев, промперегрев);

2) если первой буквой сокращаемого слова является гласная бук-

ва, то ее оставляют, все остальные гласные буквы слова подлежат удалению, например: acty (activity – радиоактивность), anlz (analyzer – анализатор), engng (engineering – 1. техника, 2. технология).

Очевидно, что в будущем будет необходимо изучить особенности образования, функционирования и написания данного типа аббревиатур.

В состав **частичных аббревиатур** входят буквы и/или слог сокращаемого слова (редко, слово полностью): Pa (pascal – паскаль, Па), Pe (Peclet number – число Пекле), Tart. a. (tartaric acid – винная кислота).

Смешанные аббревиатуры (состоят из букв и слога (или слогов), в терминологии по энергетике и защите окружающей среды немногочисленны. Смешанные аббревиатуры могут быть проиллюстрированы следующими примерами: Argonaut (Argonne nuclear assembly for university training – ядерная сборка для учебных целей Аргоннской национальной лаборатории (США), COGAS (coil-to-gas – производство газа из угля), THERMIR (Thermal Interaction Rig – стенд для исследования взаимодействия металлов с водой). К смешанным аббревиатурам следует отнести группу аббревиатур с компонентом “TOP”, большинство которых обозначают названия конференций, например: TOPFORM – Конференция Европейского ядерного общества по эксплуатации АЭС, TOPFUEL – Конференция Европейского ядерного общества по ядерному топливу, TOPNUX – Конференция Европейского ядерного общества по перспективным ядерным реакторам, TOPSEAL – Конференция Европейского ядерного общества по радиоактивным отходам.

Цифровые аббревиатуры состоят из букв или слогов и цифр, они представлены в терминологии по энергетике и защите окружающей среды, прежде всего, лексическими единицами, обозначающими химические элементы и вещества, определенные величины (уровня заражения, уровня защиты и пр.) и нормативную документацию, посвященную проблемам безопасности АЭС: 2,4-D (2,4 – dichlorophenoxyacetic acid – 2,4 дихлорфеноксиуксусная кислота), LD 50/30 (lethal dose-50/30 – доля облучения, приводящая к смерти 50% облученных через

30 дней), LOP-1 (lines of protection – линии защиты категории 1 для предотвращения аварии на АЭС), INSAG-3 (International Nuclear Safety Advisory Group – 3 – Материалы по основным принципам безопасности АЭС), INSAG-7 (International Nuclear Safety Advisory Group – 7 – дополнительные материалы по послеаварийному анализу ситуации в результате аварии на Чернобыльской АЭС).

В терминологии по энергетике и защите окружающей среды встречаются **усеченные слова**, которые образуются путем усечения конца слова: agit (agitator – смеситель), bal (balance – баланс, равновесие), cath (cathode – катод), cogen (cogeneration – комбинированное производство электрической энергии и тепла).

Результаты проведенного нами исследования, посвященного аббревиации как способу образования терминологии по энергетике и защите окружающей среды, показали, что данный способ словообразования достаточно распространен. Это связано прежде всего с тем, что словосочетания составляют большую часть терминологии по указанной тематике. Наиболее часто встречаются буквенные сокращения, которые принято произносить по буквам. Наряду с буквенными сокращениями довольно распространенными являются те сокращения, в составе которых присутствуют вторые буквы отдельных слов. Гораздо реже в терминологии по энергетике и защите окружающей среды встречаются частичные и цифровые сокращения, а также усеченные слова.

Список литературы

1. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. Лексикология английского языка: Учеб. пособие для студентов. 3-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2001. 288 с.
2. Барбашева С.С., Авраменко А.А. Особенности перевода аббревиатур в англоязычном медицинском тексте (на материале терминологии кардиологии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2001. Т. 13. № 2 (4). С. 911-916. URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2011/2011_2_911_916.pdf (дата обращения: 20.01.2021).

3. Бирюкова Е.А. Функционирование аббревиатур в современной речи: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 2007. 20 с.
4. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М., Воениздат, 1972. 320 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.
6. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Том I. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1991. 864 с.
7. Современный словарь иностранных слов: Ок. 20000 слов. М.: Рус. яз., 1992. 740 с.
8. Словарь английских и американских сокращений. 30000 сокращений / Сост. В.О. Блувштейн, Н.Н. Ершов, Ю.В. Семенов. 4-е изд., стереотипное. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 768 с.
9. Гольдберг А.С. Англо-русский словарь по энергетике и защите окружающей среды. Около 40000 терминов и 5000 сокращений. М.: РУССО, 2001. 776 с.
10. Костерина О.Н. Исследование лексических сокращений английского языка в области компьютерных технологий и Интернета // Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы конференции (15 -17 апреля 2003 г.). СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. С. 63-64.
11. Костерина О.Н. Лексические сокращения в современном английском языке (структурный и прагматический аспекты): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. СПб., 2005. 23 с.
12. Скороходько Э.Ф. Вопросы перевода английской технической литературы. Киев, Изд-во Киев. ун-та, 1960. 84 с.
13. Страмной А.В. Газетный текст как источник неологизмов: монография. Волгоград: ВолгГТУ, 2014. 80 с.
14. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
15. Wilton D. Word Myths: Debunking Linguistic Urban Legends. Oxford University Press, 2009. 221 p.

References

1. Antrushina G.B., Afanas'eva O.V., Morozova N.N. *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [Lexicology of the English language]. Moscow: Drofa, 2001, 288 p.
2. Barbasheva S.S., Avramenko A.A. Osobennosti perevoda abbreviatur v angloyazychnom meditsinskom tekste (na materiale terminologii kardiologii) [Features of abbreviation translation in the English-language medical text (based on the terminology of cardiology)]. *Izvestiya Samar-skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Samara scientific center of the Russian academy of sciences], 2001, vol. 13, no. 2(4), pp. 911-916. http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2011/2011_2_911_916.pdf (accessed 20.01.2021).
3. Biryukova E.A. *Funktsionirovanie abbreviatur v sovremennoy rechi* [Abbreviation functioning in modern speech]: Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2007, 20 p.
4. Borisov V.V. *Abbreviatsiya i akronimiya. Voennye i nauchno-tekhnicheskie so-krashcheniya v inostrannykh yazykakh* [Abbreviations and acronyms. Military and scientific-technical abbreviations in foreign languages]. Moscow: Voenizdat, 1972, 320 p.
5. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic dictionary of linguistics]. Moscow: Sov. Entsiklopediya, 1990, 685 p.
6. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 20 t. Tom I.* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow: Rus. yaz., 1991. 864 p.
7. *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov: Ok. 20 000 slov* [Modern dictionary of foreign words. 20,000 words]. Moscow: Rus. yaz., 1992, 740 p.
8. *Slovar' angliyskikh i amerikanskikh sokrashcheniy. 30 000 sokrashcheniy.* [Dictionary of English and American abbreviations. 30,000 abbreviations] Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1958, 768 p.
9. Gol'dberg A.S. *Anglo-russkiy slovar' po energetike i zashchite okruzhayu-shchey sredy. Okolo 40 000 terminov i 5 000 sokrashcheniy* [English-Russian Dictionary of Energy and Environmental Protection. 40,000 terms and 5,000 abbreviations]. Moscow: RUSSO, 2001, 776 p.

10. Kosterina O.N. Issledovanie leksicheskikh sokrashcheniy angliyskogo yazyka v oblasti komp'yuternykh tekhnologiy i interneta [Research of lexical abbreviations of the English language in the field of computer technologies and the Internet]. Herzen readings. Foreign languages: Conference Proceedings (April 15-17, 2003)]. St. Petersburg: RGPU Publ, 2003, pp. 63-64.
11. Kosterina O.N. *Leksicheskie sokrashcheniya v sovremennom angliyskom yazyke (strukturnyy i pragmaticheskiy aspekt)* [Lexical abbreviations in Modern English (structural and pragmatic aspects)]: Abstract of PhD dissertation. St. Petersburg, 2005, 23 p.
12. Skorokhod'ko E.F. *Voprosy perevoda angliyskoy tekhnicheskoy literatury* [Problems of English technical literature translation]. Kiev, Kiev Univ. Publ., 1960, 84 p.
13. Stramnoy A.V. *Gazetnyy tekst kak istochnik neologizmov: monografiya* [Newspaper text as a source of neologisms]. Volgograd: VolgGTU, 2014, 80 p.
14. Ter-Minasova S.G., *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo, 2000, 624 p.
15. Wilton D. *Word Myths: Debunking Linguistic Urban Legends*. Oxford University Press, 2009, 221 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Синенко Татьяна Николаевна, к.п.н., доцент кафедры «Иностранные языки»

*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, Волгоград, 400005, Российская Федерация
TNSinenko@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sinenko Tatiana N., PhD, A.P., Foreign Language Department

*Volgograd State Technical University
28, Lenin Ave., Volgograd, 400005, Russian Federation
TNSinenko@mail.ru*

ORCID: 0000-0003-2017-0392

Scopus Author ID: 57216617847

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-208-228

УДК 81'42

**НЕМЦЫ О НЕМЦАХ:
СТЕРЕОТИП ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ
ТЕКСТОВ И РЕЗУЛЬТАТОВ СВОБОДНОГО
АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)**

Хлопова А.И., Северина Е.А.

Статья посвящена исследованию национальных стереотипов. Целью исследования является определение образа немца и немецкой нации в целом в сознании носителей немецкой лингвокультуры. Основными методами исследования являются свободный ассоциативный эксперимент, проведенный с носителями немецкой лингвокультуры в 2019 г., а также методы лингвистического исследования данных публицистических текстов (элементы дискурс-анализа, описательный метод, контекстуальный анализ и др.) Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению национальных стереотипов, а также экспериментальной верификации полученных данных. Полученные результаты показали, что национальные стереотипы зачастую воспринимаются как объективно существующая реальность и закреплены в сознании как индивидов, так и целых групп. Немцы пунктуальны и точны, ценят свою историю, любят порядок и соблюдают правила. Они любят вкусно поесть и уделяют этому большое значение. Практическая ценность исследования заключается в возможности применения полученных данных в преподавании межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и др.

Ключевые слова: лингвокультура; национальный стереотип; свободный ассоциативный эксперимент; публицистический дискурс

**GERMAN CULTURE:
STEREOTYPE OR REALITY (BASED ON MODERN
GERMAN JOURNALISTIC DISCOURSE AND RESULTS
OF THE FREE ASSOCIATIVE EXPERIMENT)**

Khlopova A.I., Severina E.A.

*The article is devoted to the study of national stereotypes. The **objective of the article** is to determine the image of the German and the German nation in the minds of the carriers of the German culture. The main **methods** are a free associative experiment conducted with carriers of German linguistic culture in 2019, as well as methods of linguistic research of these journalistic texts (elements of discourse analysis, descriptive method, contextual analysis, etc.). The scientific novelty of the research lies in an integrated approach to the study national stereotypes, and experimental verification of the data obtained. The **findings**: national stereotypes are often perceived as an objectively existing reality and are fixed in the minds of both individuals and entire groups. Germans are punctual and accurate, value their history, love order and follow the rules. They love to eat well and attach great importance to it. The **practical value** of the study lies in the possibility of using the obtained data in the university teaching of translation studies, intercultural communication, cultural linguistics, etc.*

Keywords: national character; national stereotype; free associative experiment; journalistic discourse

Введение

Образ жизни, социально-историческая идентичность, отношение к своей культуре и к другим нациям отличает одну социальную группу от другой и формирует определенные паттерны поведения. Совокупность таких психологических черт проявляется в национальном характере.

Многие ученые занимаются сегодня изучением *национального характера*, однако отсутствует доминирующий подход в исследовании данного понятия. Так, Ю.Н. Караулов считает «существо *национального характера* довольно противоречивым» [2, с. 47]. Расхождения во

взглядах связаны, в первую очередь, с тем, что анализ *национального характера* проводится с учетом разных факторов, которые принимаются во внимание. Некоторые ученые опираются в своих трудах на географические факторы (Н.А. Бердяев, Г.В. Плеханов, Г.А. Струве, И.А. Ильин и др.), в то время как другие отдают предпочтение социальным (И.С. Кон, Э.А. Баграмов, Д.С. Лихачев, С.А. Арутюнов, В.А. Тишаков, С.В. Лурье, Л.С. Выготский и др.). Большое значение уделяется изучению социокультурной среды. Ю.Н. Караулов полагает, что черты этнического характера не являются врожденным качеством, они формируются постепенно в результате социализации личности [2]. Окружение человека на пути становления личности во многом определяет его убеждения и мировоззренческие взгляды.

Формирование национального характера также сопоставляют с системой воспитания и образования, которые играют немаловажную роль на пути социализации. По мнению Д.С. Лихачева, «национальная культура формирует национальную личность, которая имеет свой национальный характер» [4, с. 56]. Национальный характер связывает индивида с культурой и его черты проявляются в виде однотипных словесных реакций и поступков людей, принадлежащих к одной и той же культуре. При смене поколений идеалы, ценности и культура остаются неизменными и устойчивыми. Члены этноса воспринимают идеалы и ценности и культуру в целом, как нечто привычное и в некоторой степени обыденное. В то же время ценности и идеалы выполняют защитную функцию [5]. Человек предпочитает «поступать в соответствии со сложившейся в социуме и одобряемой ими системой ценностей и идеалов, что определяет их социальный комфорт» [10, с. 6]. Иными словами, они определяют вектор поведения, снимая некоторые вопросы, которые могут возникнуть при коммуникации.

Актуальность исследуемой проблемы.

Сущность и роль национальных стереотипов в процессе межкультурной коммуникации

На сегодняшний день вопрос изучения понятия «стереотип» весьма актуален. Важность данной проблемы связана с современ-

ными геополитическими событиями, с процессами глобализации и с развитием мировой экономики. По этой причине данное понятие изучается в разных научных дисциплинах. Его исследуют лингвисты и психологи, социологи и этнопсихолингвисты, этнографы и когнитологи. (У. Липшман, В.В. Красных, Ю.Д. Апресян, С.М. Толстая, А.К. Байбурын, А.В. Михеев, Е. Бартминский, Ж. Коллен, Г.С. Батыгин, Н.Л. Дмитриева, Ю.Е. Прохоров, В.А. Рыжков, И.С. Кон, С.В. Силинский, П.Н. Шихирев Ю.А. Сорокин и др.). Определяя национальный характер, ученые зачастую опираются на фольклор и на поведение народов в разные исторические эпохи. Мы придерживаемся точки зрения, что национальный характер – это историческая категория, которая формировалась постепенно и неизменно связана с понятием «национального стереотипа». При изучении национального характера исследователи прибегают к анализу сходств и отличий представителей разных этногрупп. Понятие «национального стереотипа» проистекает из прошлого каждого народа и проявляется в существовании различных культур, языков, нравов, обычаев, традиций и стереотипов.

Однако следует отметить, что в основе любого стереотипа лежит субъективное представление о мире и окружающих. И не существует объективных критериев для подтверждения или опровержения того или иного стереотипа. Т.Г. Стефаненко отмечает, что стереотип не может быть объективным ввиду того, что на основе стереотипов человек всегда делит окружающую действительность на два типа: «знакомое» и «незнакомое» [9]. Зачастую «знакомым», понятным культурным традициям человек приписывает положительную коннотацию, не всегда вдаваясь в смысл данных обычаев. В то время как «незнакомые» идеалы и ценности порой воспринимаются как «опасные».

С позиции лингвистики этностереотипы исследуются на языковом материале. Это дает представление об этническом сознании и самосознании конкретного народа, открывает перед исследователем понимание внутренних и глубинных процессов, движущих конкретным лингвосоциумом.

Нам представляется интересным изучить национальный стереотип, связанный с немецкой лингвокультурой. В качестве эмпирического материала были проанализированы современные немецкоязычные публицистические тексты, а также проведен свободный ассоциативный эксперимент (САЭ). Описывая и сопоставляя материал из публицистических текстов и результатов свободного ассоциативного эксперимента, мы постарались передать в сводной таблице представление немцев о собственной культуре и представить образ «типичного немца».

Материал и методы исследования

Лингвистическая интерпретация национальных стереотипов требует комплексного подхода, поэтому при лингвистическом исследовании эмпирического материала пользовались методом сопоставления результатов САЭ и публицистических текстов. Вместе с тем немаловажная роль уделялась контекстуальному анализу. При обобщении данных использовался описательный метод, необходимый для изучения взаимодействия языковых и культурных немецких реалий в текстах современной немецкой публицистики, интерпретация данных современных немецкоязычных публицистических текстов, а также верификация полученных данных при помощи свободного ассоциативного эксперимента.

Исследование проводилось на материале немецкоязычных изданий с 2009 по 2020 гг., содержащие стереотипные суждения, репрезентирующие образ Германии и типичного представителя немецкой нации. Материалом исследования послужили такие современные немецкоязычные издания, как: «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Spiegel Online», «Focus», «Swp.de», «Ze.tt», «Neue Westfälische», «Webmoritz» и др. Для верификации полученных результатов использовались данные свободного ассоциативного эксперимента, который проводился с носителями немецкой лингвокультуры в 2019 г. в гг. Фехта, Берлин, Баден-Баден, Потсдам, Фрайбург. Респонденты – студенты немецких вузов в возрасте от 17 до 23 лет. В эксперименте приняли участие 200 респондентов. В качестве

экспериментального материала респонденты получали анкету с 15 словами-стимулами, среди которых был также стимул *der Deutsche / немец*. Согласно инструкции респонденты должны были реагировать на слова-стимулы первым пришедшим на ум словом.

Результаты исследования и их обсуждение **Выражение национального стереотипа в немецкой культуре** **(на материале современной немецкоязычной публицистики)**

Развитие культуры и этнического мировоззрения тесно связаны и переплетены. «Этностереотипы конкретного этноса образуют сложную систему норм, оценок, позиций, регламентов, которые во всей своей совокупности образуют этническое мировоззрение» [1, с. 4-5]. Так, у каждого конкретного народа вырабатываются определенные устойчивые нормы и манеры поведения, которые закрепляются на уровне обыденного сознания. Обратимся к современным немецкоязычным публикациям, чтобы составить общее представление об образе немецкой культуре, который транслируют официальные СМИ: «*Dass jede Nation ihre eigenen Klischees besitzt, ist bekannt. / Известно, что каждая нация обладает своими клише*» [11].

Национальная культура является многоаспектной моделью, в которую включены различные сферы социальной жизни. Для удобства анализа разобьем материалы из немецких средств массовой информации, передающих образ «типичного немца» на несколько блоков: 1. «черты характера»; 2. «еда»; 3. «образ жизни»; 4. «стиль одежды»; 5. «реалии». Следует отметить, что данное деление весьма условное, т.к. некоторые характеристики пересекаются и могут относиться к нескольким категориям.

Зачастую национальные стереотипы связаны с *чертами характера*, которые приписывают той или иной нации. В работах, как отечественных, так и зарубежных ученых большое внимание уделяется «автостереотипам» и «гетеростереотипам». Автостереотип – это самоопределение характера нации, образ собственного народа. Чаще всего в автостереотипе преобладают положительные характеристики: «*Zuverlässigkeit, Umgänglichkeit und Geselligkeit*

sind Eigenschaften, die oft in den Deutschen gesehen werden / Надежность, дружелюбие и общительность являются характеристиками, которые часто встречаются у немцев» [Там же].

В частности, для немецкой лингвокультуры свойственен такой стереотип, как уважение своей истории. В Германии много памятников, табличек, мемориальных камней, напоминающих о событиях XX в.: *«Mein Weg zur Arbeit führt mich durch eine Landschaft der Erinnerung: Denkmale, Tafeln, Stolpersteine / По пути на работу я прохожу по дороге памяти, мимо памятников, мемориальных досок и мемориальных камней»*. Уважение и принятие собственной истории является отличительным признаком современного немецкого общества, что отражено в современной немецкоязычной прессе: *«Deutsche ... sind geschichtsbewusst / Ценящие свою историю немцы»*.

«All diese Mahnmale kommen aus der Mitte der Gesellschaft und werden von Anwohnern und Schulklassen bewusst wahrgenommen und betreut. Die Last der Geschichte ist enorm hier, besonders in Berlin, aber die sorgfältige Pflege der Erinnerung hat ein Land geschaffen, das in der Lage ist, mit sich und der Welt in Frieden zu leben / Все эти памятники исходят из самого ядра общества и осознанно воспринимаются населением в том числе школьниками. Бремя истории здесь огромно, особенно в Берлине, но тщательное культивирование воспоминаний сформировало страну, способную жить в мире с самой собой и с остальным миром» [12].

Гетеростереотипы, напротив, следует трактовать как представления одной этнической группы о другой. Это набор характеристик, приписываемых чужому народу. Естественно, любая оценка всегда субъективна, а в особенности это касается гетеростереотипов о национальных чертах характера. Так, в качестве примера рассмотрим отрывок из статьи *«Was uns Österreicher an euch Deutschen am meisten nervt / Что нас австрийцев больше всего раздражает в вас, немцах»*, которая была опубликована в австрийском молодежном журнале *«Refinery29»* [15]. В статье раскрывается стереотип, что немцы слишком часто извиняются в общественном транспорте и на улице, даже в том случае, если они не виноваты. Кассиры всегда вежливо

улыбаются, что, по мнению автора, не естественно: «*Ihr seid immer so pseudo-freundlich / Вы всегда так псевдодружелюбны*».

Еда. Национальная кухня и привычки в питании дополняют и лучше раскрывают образ представителя конкретного этноса. Национальные стереотипы предопределяют поведение, привычки и устои членов социума. Современные немцы уделяют большое значение своему питанию и здоровью. Большое количество публикаций посвящено правильному питанию и подсчету калорий. Однако эти статьи отражают скорее дань моде или являются результатом культурной унификации. Также можно найти немалое количество статей, описывающий традиционные вкусовые пристрастия: «*Deutsche lieben Kaffee und Kuchen ... / Немцы любят кофе и пироги ...*» [18].

Несомненно, **образ жизни** является отражением национального характера. Немецкие СМИ передают эмоционально-оценочные суждения о немцах, а также из немецких газет и журналов можно узнать о отличительных для данного лингвосоциума интеллектуальных, моральных, физических и духовных качествах типичного представителя данного этноса. Рассмотрим отрывок из статьи «*Umfragen: Nicht alle Klischees über die Deutschen stimmen / Согласно опросам не все клише о немцах верны*», опубликованной в «*Swp.de*» [14]. В статье анализируются существующие предрасудки, связанные с немецким обществом. В том числе широко известен анекдот (основанный на национальном стереотипе): если встретятся три немца, они организуют клуб по интересам. Автор медиатекста опирается на статистические данные, чтобы развеять сложившийся миф.

«*Vorurteil Wenn drei Deutsche sich treffen, gründen sie einen Verein. Wahrheit Tatsächlich sieht die Mehrheit der Deutschen Vereine eher kritisch – und unterschreibt ungern Beitrittserklärungen. 51 Prozent empfinden Vereine als einengend. Ebenso viele sagen: „In Deutschland herrscht zu viel Vereinsmeierei“. Zwar sind trotzdem 40 Prozent der Deutschen Mitglied – aber vor allem in Sportclubs / КЛИШЕ. Если три немца встречаются, они создадут клуб по интересам. Реальность.*

На самом деле, большинство немцев относится к таким клубам довольно скептически – и неохотно подписывают анкету члена клуба. 51 процент считают, что клубы их «ограничивают». Но такой же процент опрошенных полагает: «В Германии развелось слишком много любительских объединений». Хотя до сих пор 40 процентов немцев являются членами клубов, но, в первую очередь, – это спортивные клубы» [14].

Данная статья демонстрирует образ жизни и образ мыслей современных немцев. В Германии действительно большое количество клубов по интересам, которые имеют четкое расписание и регулярно собираются. Клубы можно разделить по самым разным признакам: по интересам (спорт, философия и др.), по возрасту участников и т.д. Такие сообщества до сих пор крайне популярны не только потому, что это встреча единомышленников, но также и потому, что некоторые виды деятельности в Германии возможны только для членов клуба. Так, например, ловля рыбы разрешена исключительно членам общественной организации рыболовов.

В процессе развития человек усваивает опыт других людей и предшествующих поколений. Экономя свои усилия и время, он вырабатывает стереотипы, которые фиксируются и транслируются. Так, в современной немецкой публицистике можно найти следующее описание немецкого народа: «*Deutsche ... .. lieben ihre Regeln / Немцы любят свои правила*» [20]. Правила социальной жизни нередко базируются на стереотипах, они предопределяют поведение человека в той или иной ситуации.

Стиль одежды. Однако, как мы видим, стереотипные представления в действительности опираются на реальные факты и формируют устойчивые модели поведения. Это проявляется в том числе и в стиле одежды. В современном информационном обществе несмотря на процессы глобализации по-прежнему существуют каноны красоты и моды в каждом конкретном лингвосоциуме. Интересным примером послужит отрывок из рекламного фельетона «*Was Jack Wolfskin über uns Deutsche aussagt / Что говорит о нас немцах Джек Вольфскин*» [18], опубликованного в газете «*Webmoritz*».

Важно отметить, что поскольку это имиджевый текст, то автор делает упор на те качества, которые «типичный немец» расценивает как положительные:

«Aus Waffen wurden Autos und aus der Uniform wurde nun Jack Wolfskin. Die Genauigkeit, für die wir so bekannt sind, lässt es nur konsequent erscheinen, dass mit der neuen Uniform jeder Deutsche eingekleidet zu werden hat. Darum stürmen wir die Globetrottermärkte und statten uns aus <...> mit Taschenlampen, die Stürze aus hundert Meter Höhe überstehen, und wenn nicht, dann kriegt man sein Geld zurück / Оружие превратилось в машины, а униформа – в одежду марки «Jack Wolfskin». Благодаря точности, которой мы так хорошо известны, кажется логичным, что каждый немец должен быть одет в новую униформу. Вот почему мы штурмуем мировые рынки и вооружаемся <...> фонариками, которые освещают на сотни метров, а если нет, то можно вернуть свои деньги назад» [19].

В данном отрывке фельетона наглядно описаны национальные стереотипы, которые сами немцы себе приписывают: точность, логичность, практичность, экономность, желание упорядочить окружающую действительность. При помощи национальных стереотипов актуализируются древние архетипы «свой – чужой» и «дружественный – враждебный», что также обыгрывается автором. Фельетонист иронизирует на тему стремления данной нации к порядку, которое проявляется в том, что все граждане должны иметь определенную униформу, например, одежда марки *Jack Wolfskin*. Это повседневная одежда отличается особой практичностью, больше напоминает вещи для прогулок на природе и была одно время крайне популярна в Германии.

Этностереотипы обладают определенными характерными признаками: «образность, схематичность, упрощенность, целостность, ярко выраженная оценочная и ценностная окраска, символичность, иллюзорность, субъективность» [3, с. 133]. В фельетоне это также отражается в том, что «типичный немец» денег на ветер бросать не будет и, если вещь не оправдала своих характеристик, то ее можно будет сдать обратно в магазин: «... *und wenn nicht, dann kriegt man sein Geld zurück*».

В современной немецкоязычной публицистике довольно много статей на тему стиля одежды типичного немца, например, статья «*Deutsche sind... Gestresst, humorlos - und öfter nackt als nötig*», опубликованная в «*Spiegel*», в которой автор оценивает, в том числе стиль одежды современных немцев: «*Deutsche ... .. tragen Sandalen mit Socken*» / немцы... .. надевают сандалии с носками» [17].

Национальный стереотип проявляется также широко в *реалиях*, которые передают особенности данной лингвокультуры. Нередко на основе реалий появляются анекдоты, демонстрирующие национальные черты характера, особенности данной нации или народности. В качестве примера обратимся к отрывку из современного австрийского фельетона, в котором раскрываются этнические стереотипы, связанные с немцами:

«Die Deutschen lieben Österreich. Die Sprache, das Land, die Berge, die Wiener Kaffeehauskultur, Schnitzel und Mehlspeisen. Umgekehrt ist das nicht so. Wir Ösis schimpfen nur allzu gerne über diese Piefke, wie umgangssprachlich Deutsche mit entsprechender Sprachfärbung wenig liebevoll genannt werden / Немцы любят Австрию. Язык, страну, горы, культуру венских кофеен, шницель и выпечку. Но не наоборот. Мы, осис, всегда рады поворчать на этих пифке, как мы в народе без особой любви их называем» [16].

Общеизвестный факт, что отношения между соседями (немцами и австрийцами) сложились исторически непростые, этому способствовали различные политические и экономические события. Автор фельетона подогревает интерес к своему материалу, перечисляя и описывая этнические стереотипы, связанные с немцами. Поскольку не все жители Австрии относятся к немцам благосклонно, то идеологическая подоплека в данном фельетоне также присутствует. Например, в Австрии, а особенно часто в Вене встречается прозвище для немецких туристов – «*Piefke / пифке*». Это прозвище можно перевести, как «хвостун», «воображала». В то время, как немцы называют австрийцев – осис (ср. нем.: *Ösis*, сокращение от *Österreicher*).

«В современном информационном мире факторами формирования общественного мнения являются средства массовой коммуни-

кации, нацеленные на закрепление определенных понятий и стереотипов в обществе» [8, с. 330]. Несомненно, не все национальные стереотипы, представленные в современной немецкоязычной публицистике, иллюстрируют картину существования современного немецкого общества. Характер народа – это сложное явление, которое не поддается однозначному описанию. Национальный характер пластичен, он трансформируется под воздействием геополитических, экономических, социокультурных и других изменений. Как отмечает Д.Г. Мальцева, стереотипы пластичны, они трансформируются вместе с «историческими условиями, в которых живет нация» [6, с. 366]. Вне всякого сомнения, современная немецкоязычная публицистика является своеобразным зеркалом, передающим характерные особенности немецкоязычного лингвосоциума. Она отражает все сферы современной жизни, демонстрирует образ жизни и транслирует образ мыслей немецкого народа.

Установление психологически актуального содержания понятия *немец* на основе данных свободного ассоциативного эксперимента

Нам важно установить, соответствует ли содержание понятия *немец*, представленное в национальном стереотипе, содержанию, установленному в фельетоне, а также верифицировать полученные данные результатами свободного ассоциативного эксперимента.

В ходе эксперимента на слово-стимул *der Deutsche / немец* было получено 200 реакций. Для более точного анализа полученных ассоциатов нам представляется необходимым классифицировать их в соответствии с моделью ассоциативного значения В.А. Пищальниковой [7].

Понятия: *deutsch / немецкий (7), Einwohner / жумель, Nationalität / национальность, Staatsangehörigkeit / гражданство, Staatsbürger / граждане* – всего 11 реакций.

Понятийные реакции на слово-стимул *der Deutsche / немец* актуализируют исследуемое понятие и соответствуют преимущественно словарному значению: *Angehöriger des deutschen Volks, aus*

Deutschland stammende Person [13]. Это житель Германии, который имеет немецкое гражданство и принадлежит к немецкой нации. Немцы объединены культурно-политически и духовно.

Представления

- Характеристика типичного немца: *pünktlich* / пунктуальный (21), *Pünktlichkeit* / пунктуальность (20), *ernst* / серьезный (7), *Bier* / пиво (6), *frei* / свободный (6), *Ordnung* / порядок (5), *streng* / строгий (5), *groß* / высокий (2), *Arbeiter* / рабочий, *Brötchen* / булочка, *Fremder* / чужой, *Freund* / друг, *individuell* / индивидуальный, *Klischee* / клише, *ordentlich* / аккуратный, *Regel* / правило, *wenig* / немного (1) – всего 81 реакция;

- Житель Германии: *Deutschland* / Германия (20), *Staat* / государство (14), *Heimat* / родина (7), *Germanistik* / Германистика (5) – всего 46 реакций;

- Типичная ассоциативная связь: *Hitler* / Гитлер (7), *Geschichte* / история (5), *Sprache* / язык (5), *Krieg* / война, *Kriege 1. und 2.* / первая и вторая войны, *Nationalismus* / национализм, *Rassismus* / расизм (1) – всего 21 реакция;

- Обычный человек: *Mann* / мужчина (15), *Mensch* / человек (7), *Menschen* / люди (5), *ich selbst* / я сам, *Nachbar* / сосед – всего 29 реакций.

Реакции-представления, указывают на индивидуальное отношение к реалии и свидетельствуют о встроенности слова в систему значимых для личности понятий. В проведенном нами эксперименте реакции-представления преобладают (178 реакций / 89% от общего количества). Таким образом, мы можем говорить об актуальности и частом использовании в речи респондентов понятия *der Deutsche* / немец. В представлениях мы можем выделить следующие признаки: ‘характеристика типичного немца’, ‘житель Германии’, ‘типичная ассоциативная связь’, ‘обычный человек’, ‘культурные реакции’. Наибольшее количество реакций (81 реакция) характеризует типичного представителя немецкой нации и соответствует стереотипному представлению о немцах. Известным стереотипом является пунктуальность немцев. О психологической актуальности этого стереотипа

в сознании самих немцев свидетельствуют 41 реакция респондентов (*pünktlich* / *пунктуальный*, *Pünktlichkeit* / *пунктуальность*). Жизнь типичного немца расписана по часам и спонтанные мероприятия не свойственны немцам. Об этом свидетельствует также реакция *Ordnung* / *порядок*. Известна немецкая поговорка *Ordnung muss sein!* / *Во всем должен быть порядок!* Немцы трудолюбивы и послушны, что также подтверждают реакции свободного ассоциативного эксперимента (*Arbeiter* / *рабочий*, *Regel* / *правило*). Принято считать, что немцы серьезные и строгие по своей натуре, а их жизнь протекает монотонно и даже скучно. Этот стереотип также подтверждается реакциями респондентов (*ernst* / *серьезный*, *strenge* / *строгий*). Гетеростереотип о немцах – немцы всегда пьют пиво и едят колбаски и булочки. Частично этот стереотип подтвержден частотной реакцией *Bier* / *пиво*, а также реакцией *Brötchen* / *булочка*. Стереотипное представление о внешности немца соответствует следующему параметру: голубые глаза, светлые волосы и высокий рост, что частично проявляется в реакции *groß* / *высокий*.

Реакции, относящиеся к признаку ‘житель Германии’ отражают принадлежность немцев к своему собственному государству. В таком случае возникает типичная связь «немец – житель Германии».

‘Типичная ассоциативная связь’ представлена реакциями, которые, скорее, типичны для представителей не немецкого общества. Однако среди реакций немецких респондентов частотной является связь Германии и основоположника национал-социализма. Наибольшее количество реакций также отражает типичные исторические события XX в., которые связаны с Германией: Первая и Вторая мировые войны, господство Гитлера, национал-социализм и расизм

29 реакций не указывают на стереотипное представление о немцах, а, скорее, на формальную принадлежность к обществу в целом.

Культурные реакции: *Brandenburger Tor* / *Бранденбургские ворота* – всего 1 реакция.

Единичная культурная реакция связана с самой известной достопримечательностью Берлина и Германии в целом – с Бранденбургскими воротами.

Эмоционально-оценочные реакции

- Положительные реакции: *gefällt* / *нравится*, *hilfsbereit* / *готовый помочь*, *klug* / *умный*, *schön* / *красивый* – всего 4 реакции;

- Отрицательные реакции: *langweilig* / *скучный*, *schlecht* / *плохо*, *Schwierigkeit* / *сложность*, *unfreundlich* / *недружелюбный*, *verkrampft* / *встревоженный* – всего 6 реакций.

Эмоционально-оценочные реакции респондентов синкретичны. Их в равной степени можно отнести также к реакциям-представлениям, т.к. они характеризуют немца. Положительные реакции характеризуют немца как красивого и умного человека, готового помочь. В то же время немцы недружелюбные, скучные и встревоженные. Однако все эмоционально-оценочные реакции единичные, поэтому полученные результаты требуют дальнейшей верификации.

Таким образом, частотные реакции (*pünktlich* / *пунктуальный* (21), *Deutschland* / *Германия* (20), *Pünktlichkeit* / *пунктуальность* (20), *Mann* / *мужчина* (15), *Staat* / *государство* (14), *deutsch* / *немецкий* (7), *ernst* / *серьезный* (7), *Heimat* / *родина* (7), *Hitler* / *Гитлер* (7), *Mensch* / *человек* (7), *Bier* / *пиво* (6), *frei* / *свободный* (6), *Germanistik* / *Германистика* (5), *Geschichte* / *история* (5), *Menschen* / *люди* (5), *Ordnung* / *порядок* (5), *Sprache* / *язык* (5), *streng* / *строгий* (5)) могут характеризовать немца как представителя немецкой нации, который имеет связь с историческим прошлым Германии. В реакциях респондентов частично подтверждается стереотипное представление о немцах: они пунктуальны, серьезны, любят порядок.

Заключение

Сопоставим полученные данные и сведем результаты в таблицу (см. таб. 1).

Сопоставление данных публицистических текстов и данных ассоциативного эксперимента

Реакции ассоциативного эксперимента частично подтверждают данные, полученные на основе анализа публицистических текстов. Немцы пунктуальны и точны, ценят свою историю, любят порядок и соблюдают правила. Они любят вкусно поесть и уделяют этому

большое значение. В реакциях респондентов, однако, не проявился признак ‘стиль одежды’.

Таблица 1.

Публицистические тексты	Ассоциативный эксперимент
<i>Черты характера</i>	
точность	пунктуальность
	серьезность
ценят свою историю	приверженность историческому прошлому
логичность	порядок
экономность	строгость
<i>Еда</i>	
кофе	пиво
шницель	
выпечка	булочка
пироги	
преобладание мясного меню	
<i>Образ жизни</i>	
охотно вступают в клубы по интересам	
любят правила	порядок
<i>Стиль одежды</i>	
практичная и удобная одежда	
отсутствие чувства стиля	
носят носки с сандалиями	
<i>Реалии</i>	
Пифке (прозвище немцев в Австрии)	Гитлер
Осис (прозвище австрийцев в Германии)	

Проведенный анализ современной немецкой публицистики и данных свободного ассоциативного эксперимента показывает, что национальные стереотипы прочно закреплены как в индивидуальном сознании, так и сознании целых групп и зачастую воспринимаются как объективно существующая реальность. Информация, полученная в результате работы с немецкими СМИ, подтверждается данными свободного ассоциативного эксперимента. В первую очередь, это связано с чертами характера «точность», «экономность», «логичность» и «порядок». Также большое значение уделяется кулинарии. Важную роль в жизни типичного немца играет привер-

женность историческому прошлому, что также подтверждается на материале немецких газет и журналов и результатов эксперимента.

Список литературы

1. Арутюнян Б.М. Этностереотипы в межнациональном общении: само- и взаимооценки (на материале сетевых форумов). Ереван: Институт Кавказа, 2011. 65 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
3. Крысько В.Г. Этническая психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 320 с.
4. Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы филологии, 1990. № 4. С. 3-6.
5. Лурье С.В. Историческая этнология. Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. 624 с.
6. Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык = Landeskunde durch die Sprache: лингвострановедческий словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русские словари, 2001. 413 с.
7. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: курс лекций: в 3-х ч. // МГЛУ, 2007. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. 227 с.
8. Северина Е.А. Гендерные стереотипы в современном немецкоязычном фельетоне // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2018. № 18 (816). С. 330-338.
9. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 2000. 320 с.
10. Хлопова А.И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 213 с.
11. Anderl S. Großartiger Mist // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2018. Dezember. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wissen/andere-laender-andere-sitten-woher-nationale-stereotypen-kommen-15911033.html> (дата обращения: 19.04.2020).
12. Cole D. Deutsche ... sind risikofreudig. Deutsche sind... Gestresst, humorlos - und öfter nackt als nötig // Spiegel Online. 2017. August. URL:

- <https://www.spiegel.de/spiegel/vorurteile-ueber-deutsche-gestresst-humorlos-und-oeffter-nackt-als-noetig-a-1160835.html> (дата обращения: 01.03.2021).
13. DUDEN. Universalwörterbuch. URL: http://www.duden.de/Shop/Das-Wörterbuch-der-sprachlichen-Zweifelsfälle?affiliate_id=318 (дата обращения: 19.04.2020).
  14. Lange A. Umfragen: Nicht alle Klischees über die Deutschen stimmen // Swp.de. 2015. August. URL: https://www.swp.de/panorama/umfragen_-nicht-alle-klischees-ueber-die-deutschen-stimmen-20652389.html (дата обращения: 19.04.2020).
  15. Radda L. Was uns Österreicher an euch Deutschen am meisten nervt // Refinary29. 2019. Juli. URL: <https://www.refinary29.com/de-de/was-uns-oesterreicher-an-euch-deutschen-am-meisten-nervt/> (дата обращения: 19.04.2020).
  16. Reisinger E. Piefke und Ösis: Eine einseitige Liebesgeschichte // Ze.tt. 2018. November. URL: <https://ze.tt/piefke-und-oesis-eine-einseitige-liebesgeschichte/> (дата обращения: 19.04.2020).
  17. Schwarz B. Deutsche ... .. sind stets pünktlich. Deutsche sind... Gestresst, humorlos - und öfter nackt als nötig // Spiegel Online. 2017. August. URL: <https://www.spiegel.de/spiegel/vorurteile-ueber-deutsche-gestresst-humorlos-und-oeffter-nackt-als-noetig-a-1160835.html> (дата обращения: 19.04.2020).
  18. Star V. Bier vor vier: Wahrheiten über deutsche Stereotypen // Neue Westfälische. 2017. April. URL: https://www.nw.de/lifestyle/essen_und_trinken/21729684_Bier-vor-vier-Wahrheiten-ueber-deutsche-Stereotypen.html (дата обращения: 19.04.2020).
  19. Wallis E. Was Jack Wolfskin über uns Deutsche aussagt // Webmoritz. 2009. Februar. URL: <https://webmoritz.de/2009/02/16/glosse-was-jack-wolfskin-uber-uns-deutsche-aussagt/> (дата обращения: 19.04.2020).
  20. Yamin A. Deutsche ... .. lieben ihre Regeln. Deutsche sind... Gestresst, humorlos - und öfter nackt als nötig // Spiegel Online. 2017. August. URL: <https://www.spiegel.de/spiegel/vorurteile-ueber-deutsche-gestresst-humorlos-und-oeffter-nackt-als-noetig-a-1160835.html> (дата обращения: 19.04.2020).

References

1. Arutjunan B.M. *Etnostereotipy v megnationalnom obshenii: samo-i vzaimootsenki (na materiale setevykh forumov)* [Ethnic stereotypes in interethnic communication: self- and mutual assessments (based on the material of online forums)]. Yerevan: Institut Kavkaza, 2011, 65 p.
2. Karaulov U.N. *Russki yazyk i yazykovayz lichnost* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: LKI Publ., 2010, 264 p.
3. Krysko V.G. *Etnicheskaya psichologiya* [Ethnic psychology]. Moscow: Akademiya Publ., 2002, 320 p.
4. Lichatchev D.S. O natsionalnom haraktere russkikh [On the national character of Russians]. *Voprosy filosofii* [Philosophy studies], 1990, no. 4, p. 3-6.
5. Lurie S.V. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical ethnology]. Moscow: Gaudeamus Publ., 2004, 624 p.
6. Maltseva D.G. *Germaniya: strana i yazyk = Landeskunde durch die Sprache* [Germany: country and language = Landeskunde durch die Sprache]. Moscow: Russkie slovari Publ., 2001, 413 p.
7. Pishalnikova V.A. *Istoriya i teoriya psiholingvistiki: kurs lektsii* [History and theory of psycholinguistics: course of lectures]. Moscow: MSLU Publ., 2007, 227 p.
8. Severina E.A. Gendernye stereotipy v sovremennom nemetskoyazychnom felyetone [Gender stereotypes in the modern German satirical article]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [MSLU Bulletin], 2018, no. 18 (816), pp. 330-338.
9. Stefanenko T.G. *Etnopsichologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Institut psichologii RAN Publ., 2000, 320 p.
10. Khlopova A.I. *Verbalnaya diagnostika dinamiki bazovykh tsennostei* [Verbal diagnostics of the basic values dynamics]. PhD dissertation. Moscow, 2018, 213 p.
11. Anderl S. Großartiger Mist. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2018. Dezember. <https://www.faz.net/aktuell/wissen/andere-laender-andere-sitten-woher-nationale-stereotypen-kommen-15911033.html> (accessed 19.04.2020).

12. Cole D. Deutsche sind... Gestresst, humorlos - und öfter nackt als nötig. Spiegel Online. 2017. August. <https://www.spiegel.de/spiegel/vorurteile-ueber-deutsche-gestresst-humorlos-und-oeffter-nackt-als-noetig-a-1160835.html> (accessed 01.03.2021).
13. DUDEN. Universalwörterbuch. http://www.duden.de/Shop/Das-Wörterbuch-der-sprachlichen-Zweifelsfälle?affiliate_id=318 (accessed 19.04.2020).
14. Lange A. Umfragen: Nicht alle Klischees über die Deutschen stimmen. Swp.de. 2015. August. https://www.swp.de/panorama/umfragen_-nicht-alle-klischees-ueber-die-deutschen-stimmen-20652389.html (accessed 19.04.2020).
15. Radda L. Was uns Österreicher an euch Deutschen am meisten nervt. Refinery29. 2019. Juli. <https://www.refinery29.com/de-de/was-uns-oes-terreicher-an-euch-deutschen-am-meisten-nervt/> (accessed 19.04.2020).
16. Reisinger E. Piefke und Ösis: Eine einseitige Liebesgeschichte. Ze.tt. 2018. November. <https://ze.tt/piefke-und-oesis-eine-einseitige-liebes-geschichte/> (accessed 19.04.2020).
17. Schwarz B. Deutsche sind... Gestresst, humorlos - und öfter nackt als nötig. Spiegel Online. 2017. August. <https://www.spiegel.de/spiegel/vorurteile-ueber-deutsche-gestresst-humorlos-und-oeffter-nackt-als-noetig-a-1160835.html> (accessed 19.04.2020).
18. Star V. Bier vor vier: Wahrheiten über deutsche Stereotypen. Neue Westfälische. 2017. April. https://www.nw.de/lifestyle/essen_und_trinken/21729684_Bier-vor-vier-Wahrheiten-ueber-deutsche-Stereotypen.html (accessed 19.04.2020).
19. Wallis E. Was Jack Wolfskin über uns Deutsche aussagt. Webmoritz. 2009. Februar. <https://webmoritz.de/2009/02/16/glosse-was-jack-wolf-skin-uber-uns-deutsche-aussagt/> (accessed 19.04.2020).
20. Yamin A. Deutsche sind... Gestresst, humorlos - und öfter nackt als nötig. Spiegel Online. 2017. August. <https://www.spiegel.de/spiegel/vorurteile-ueber-deutsche-gestresst-humorlos-und-oeffter-nackt-als-noetig-a-1160835.html> (accessed 19.04.2020).

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Хлопова Анна Игоревна, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка, доцент кафедры общего и сравни-

тельного языкознания, ведущий научный сотрудник лаборатории психолингвистики, канд. филол. Наук
Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, стр. 1, г. Москва, 119034, Российская Федерация
chloпова_anna@mail.ru

Северина Екатерина Андреевна, старший преподаватель кафедры второго иностранного языка Института иностранных языков им. М. Тореза
Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, стр. 1, г. Москва, 119034, Российская Федерация
ratriniada@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Khloпова Anna I., PhD (Linguistics), Associate Professor, Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Faculty of the German Language, Department of General and Comparative Linguistics, Leading Researcher of Laboratory of psycholinguistics
Moscow State Linguistic University Moscow
bld. 1, 38 Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russian Federation
chloпова_anna@mail.ru
SPIN-code: 8901-3009
ORCID: 0000-0002-6576-4111

Severina Ekaterina A., Senior Lecturer, Department of the Second Foreign Language
Moscow State Linguistic University Moscow
bld. 1, 38 Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russian Federation
ratriniada@mail.ru
SPIN-code: 4916-5210
ORCID: 0000-0002-5553-7724

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-229-245

УДК 82.09

В.П. БУРЕНИН И ЕГО ЧИТАТЕЛЬ

Шабалина Н.Н., Шабалина И.Г., Шайхисламова А.Г.

Обоснование. В данной статье рассматривается взаимоотношения в системе читатель – критик и основные формы реализации коммуникативных связей критика и читающей публики.

Цель – рассмотреть инстанцию читателя в критике В.П. Буренина, представить взаимоотношения внутри литературной системы читатель – критик, выявить характерную модель поведения Буренина в диалоге с читателем. Для анализа выбраны фельетоны В.П. Буренина, опубликованные в разные годы в газете «Санкт-Петербургские ведомости».

Для достижения поставленной цели были применены следующие **методы**: историко-функциональный метод, системно-типологический метод, метод контент-анализа. В статье были проанализированы основные принципы выстраивания коммуникативных отношений критик-читатель.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу: доминирующий тип буренинского читателя – «читатель – «молчаливый собеседник», который эксплицитно закреплен в тексте (в языковых средствах, риторических восклицаниях, вопросах и обращениях, во вступлении и заключении, постоянном использовании местоимений «я» – «мы»); в критике Буренина ярко представлена модель поведения – манипуляция словом (тропы, синтаксические и стилистические фигуры, вербальные формулы запрета, наставления, указания, жестовая манипуляция).

Область применения результатов. Результаты работы могут быть использованы в преподавании университетских курсов по истории русской литературной критики, русской литературы рубежа 19-20 вв., при дальнейшем изучении литературно-критического наследия В.П. Буренина.

Ключевые слова: читатель; критика; речевая манипуляция; диалог; В.П. Буренин; фельетон; стратегия

V.P. BURENIN AND HIS READER

Shabalina N.N., Shabalina I.G., Shaikhislamova A.G.

Background. *This article examines the relationship in the reader – critic system and the main forms of implementing the communicative relations of the critic and the reading public.*

The aim is to examine the reader's instance in the criticism of V.P. Burenin, to present the relationship within the literary system reader – critic, to identify the characteristic model of Burenin's behavior in the dialogue with the reader. For the analysis, V.P. Burenin's feuilletons published in different years in the Saint-Petersburg Vedomosti newspaper were selected.

To achieve this goal, the following methods were used: the historical-functional method, the system-typological method, and the content analysis method. The article analyzes the basic principles of building a critic – reader communication relationship.

In the study we came to the conclusion that the dominant type of Burenin's reader is "the reader as a silent companion", which is explicitly expressed in the text (in language, rhetorical exclamations, questions and requests, in the introduction and conclusion, the constant use of the pronouns "I", "we"); in Burenin's criticism, a particular model of behavior can be found, i.e., manipulation with the word (tropes, syntactic and stylistic figures, verbal formulas of the ban, instructions, guidances, gesture manipulation).

Practical implications. *The results of the study can be used in teaching academic courses on the history of Russian literary criticism, Russian literature at the turn of 19-20 centuries, with further study of V.P. Burenin's literary and critical heritage.*

Keywords: *reader; criticism; speech manipulation; dialogue; V.P. Burenin; feuilleton; strategy*

В литературной системе взаимоотношений (писатель – читатель или писатель – критик – читатель), как правило, ключевая роль отведена диалогу критика с аудиторией. Данная модель отношений значима, потому что, с одной стороны, через призму вкусов и предпочтений так называемой «референтной группы» (термин М. Берга), можно оценить роль критика в литературном процессе, дать всеобъемлющую характеристику его творчества, с другой – это позволяет сформировать представление не только об авторе, но и об особом типе читателя. Как отмечает А.И. Рейтблат, читатель – «это не любой человек, а человек литературно социализированный, не просто умеющий читать, но и владеющий нормами, стандартами, условностями литературной культуры» [16, с. 6].

На сегодняшний день актуальными становятся исследования, касающиеся интерпретации категории образа читателя, в его тесной взаимосвязи с авторской интенцией (герменевтика, рецептивная эстетика, критика читательских реакций и т.п.). В конце XX столетия категория «образ читателя» получает весомую трактовку в контексте рецептивных теорий (В.В. Виноградов, В.М. Власик), также рассматривалась в литературоведении с эстетической точки зрения (М.М. Бахтин), активно обсуждалась проблема взаимоотношений автора и читателя (А.П. Скафтымов, А.М. Левидов). Теоретики постмодернизма (Р. Барт, М. Фуко), заявив о «смерти автора», утвердили культ читателя. И.А. Белецкий в статье «Об одной из очередных задач историко-литературной науки» обозначил равнозначность двух ранее противоположных друг другу понятий: «образ автора» и «образ читателя» [1]. В то же время изучение образа читателя не было широкоформатным, поэтому во многом типология читателей занимает особое место в библиотекведческих исследованиях (С.А. Трубников, В.А. Минкина). Важно отметить и тот факт, что до сих пор нет подробного исследования концепции образа читателя в литературно-критических статьях. В 2003 г. в книге А.М. Штейнгольд «Анатомия литературной критики: природа, структура, поэтика» представлена классификация типов читателей [19], также существенный интерес по данному вопросу представ-

ляет книга немецкого исследователя В. Шмида «Нарратология», где одна из глав «Повествовательные инстанции» посвящена разбору эксплицитного и имплицитного закрепления читателя в тексте [18]. В действительности концепция «образа читателя», как и типы читателей, особенно в литературно-критических статьях остаются малоизученными. В нашем исследовании мы сосредоточим внимание на фельетонной деятельности, одного из наиболее ярких критиков конца 19 – начала 20 вв. – В.П. Буренина. В последние годы подход к изучению творческого наследия критика изменился, поэтому, на наш взгляд, было бы интересно рассмотреть особенности взаимоотношений в парадигме критик – читатель на примере его критического наследия. Цель нашего исследования – подробно и целостно рассмотреть инстанцию читателя в критике В.П. Буренина, представить взаимоотношения внутри литературной системы читатель – критик, выявить характерную модель поведения и художественные приемы, используемые Бурениным в диалоге со своей «референтной группой». Для достижения поставленной цели были применены следующие методы: историко-функциональный метод при анализе научной литературы; системно-типологический метод при изучении образа читателя; метод контент-анализа, т.к. мы применили метод классификации, чтобы выделить типы читателей, которые встречаются в литературно-критических статьях В.П. Буренина.

Виктор Петрович Буренин – известный критик газеты «Новое время», в которой он еженедельно публиковал пятничные фельетоны с 1876 г. вплоть до 1917 (издание было закрыто после смерти А.С. Суворина). За свою более чем полувековую критическую деятельность Буренин снискал в литературных кругах весьма неоднозначную репутацию. На особую манеру освещения литературных фактов, полемических приемов и письма указывает современник критика В.О. Михневич: «Дело в том, что несколько лет тому назад, г. Буренин расклинил, так сказать, на двух диаметрально противоположных друг другу Бурениных <...> Его прежние фельетоны и журнальные обзоры, лёгкие и неглубокие, но остроумные и часто меткие, читались с удовольствием; читаются и ныне им сочиняемые, но уже

без особого удовольствия, благодаря их мелочно-самолюбивой, и безразборной «сердитости»; в ослеплении, которой г. Буренин, договаривается нередко до крайне антипатичных выходов» [15, с. 54].

Для читателя критик – интеллектуальный, разбирающийся во всех тонкостях литературного «дела», товарищ по чтению, осуществляющий «разметку литературного поля», ориентирующий его в информационном потоке, способный выделять наиболее значимые события. Однако рассматривать автора критических статей отвлеченно, не заостряя внимание на его самобытности и творческой индивидуальности, неправильно. Поэтому, говоря о взаимоотношениях критик – читатель, необходимо учитывать момент выбора публики, на который влияют различные факторы: доступность изложения, красочность издания, тираж, «политика» редакции и пр. Одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на предпочтения читающей аудитории, как это ни странно, становится литературная репутация автора.

Сложившееся у Буренина-фельетониста литературное реноме предопределило обращение или не обращение читателей к его творчеству. Стратегия литературного поведения критика: эпатажный стиль критических выступлений, использование некорректных полемических приемов, которые иногда сводятся ни к фактам и аргументам, а к «окололитературным» сплетням, стремление поквитаться с литературными оппонентами с помощью фельетонов, часто является едва ли не ключевой целью критика – все это можно рассмотреть как акт сознательного формирования писательского имиджа, который, в свою очередь, должен был выполнять своеобразную рекламную функцию. Данная игровая модель поведения сформировала довольно обширную, преданную критику аудиторию. На интерес публики, которым пользуются статьи «нововременского» критика, с досадой обращал внимание В.В. Стасов: «Почти каждый читатель побранивает слегка и Дьякова, и Суворина, и Буренина за их мерзости, но с восхищением или, по крайней мере, не без сочувствия всякий день их читает по всему лицу земли русской» [17, с. 20]. В то же время маска «бесцеремонного циника», скандальные выпады и особая манера письма Буренина-критика тесно переплетается с оригинальным

и глубоким видением литературных событий, умением делать правильные выводы и чутко чувствовать талант (в редакционном кружке газеты «Новое время» такая независимость и безапелляционность выводов позволялась лишь Буренину).

70-80-е гг. XIX в. ведущую роль в формировании мнения общества начала играть газета, рассчитанная на самую широкую читательскую аудиторию: крестьян, ремесленников, городскую прислугу, мелких служащих. Именно газетная литературная критика сыграла особую роль в формировании нового поколения читателей. Ведущим жанром становится фельетон, который во многом предопределяет особую манеру общения критик – читатель: «на газетной полосе запросто беседуют с опекаемым ими читателем, развлекают его, дают ему советы, приспособившись к его уровню» [13, с. 78]. Практически все фельетоны были авторски-индивидуализированы, т.к., в его основу была положена эмотивная цель – быстро и сильно повлиять на вкусы и предпочтения «массового» читателя. Для Буренина фельетон стал основной формой выражения взглядов, поэтому читатель оказывается в центре его критического внимания, нижние ступени читательского тезауруса, повседневные, сиюминутные потребности определяют как содержание, так и стиль буренинских критических статей.

Обратимся к классификации образов читателей, предложенной А.М. Штейнгольд, в основу которой положен принцип самостоятельности и степени конкретизации в тексте того или иного типа читателя: «читатель – «молчаливый собеседник» (обобщенный собирательный образ); «читатель – носитель определенной точки зрения» (читатель закреплён в тексте, индивидуализирован); «читатель – носитель идеи» (читатель представлен суммой характерных социально-бытовых, национальных, сословных, возрастных черт) [19, с. 71].

Исходя из классификации А.М. Штейнгольд о типах читателей, в фельетонах Буренина наиболее часто присутствует «читатель – молчаливый собеседник» [Там же]. Образ читателя конструируется в тексте фельетонов Буренина, становясь частью «мира критика», на его незримое присутствие рассчитана вся система логических и художественных доводов автора. Обрисовывая характерные черты

своего читателя, Буренин подмечает мельчайшие подробности его поведения, психологически точно вскрывает внутренние пристрастия, стремления и интересы. Но в то же время данный образ абсолютно лишен всякой личностной индивидуальности, он напоминает своеобразную «формулу», реакцию которой фельетонист всегда угадывает. Данный факт подтверждает обстоятельность пояснений критика, к примеру, исторических, литературных, культурных событий общественной жизни России 19-20 вв.: «из театра мы пойдем с вами, читатель, прямо в маскарад Благородного собрания», «возникла, например, лотерея в больших размерах, возникло в клубах лото... эти явления составляют весьма широкий шаг на пути прогресса», «не все же, читатель, заниматься нам с вами так называемой общественной жизнью», «О, читатель! Если бы вы могли знать, с какой радостью я сообщаю вам известие о том, что зимний сезон Александровских бенефисов окончен» [7, с. 2; 9, с. 2]. Все это дает основание сделать вывод о том, что перед нами малообразованный лишённый кругозора человек – массовый, «средний читатель».

Буренин делает читателя точкой отсчета в своих произведениях, однако, стремясь угодить запросам публики, критик «ведет» ее за собой. Мнение Буренина-фельетониста авторитетно, он выступает своеобразным, всезнающим, мудрым наставником, который, умело подготавливая выводы, руководит читателем: «В этой *массе*, разумеется, встречается так много посредственных и даже совсем *невыносимых*, что право я имел бы полное право (простите за невысказанный каламбур) охладеть к этому *неблагодарному занятию* – чтению новых беллетристических произведений, фабрикуемых журнальными авторами», «...прочел «Идеалистку», если не без скуки, то без *некоторого назидания*», «я заинтересовался *брошюрой*, приобрел её за *пять копеек*, и *пробежал на досуге*» [3, с. 8]. Критик, формируя мнение аудитории, целенаправленно намеренно использует слова с негативной коннотацией, к примеру, употребляет слово не «брошюра», а «брошюрка», что подчеркивает, с одной стороны, явное пренебрежение критика к разбираемому произведению современной беллетристической литературы, с другой – на-

правленность: лишена дидактического потенциала, читать можно «на досуге», т.е. не задумываясь, цена – «пять копеек».

Буренин-фельетонист, предпочитая читателя – «молчаливого собеседника», не дистанцируется от него: автор видит в нём единомышленника и ученика, обращает к нему все свои идеи, аргументы, взгляды и размышления. Стилистически это закреплено обращением к публике от первого лица, нарочитым включением читателя в эмоционально-чувственные переживания критика: «читатель поверит мне, если я скажу, что в моей юности мне случилось обожать одно неземное создание...», «Я воображаю себе, как пробегает гримаса неудовольствия по вашему лицу при таком известии, как вы сквозь зубы произносите: ну этого только недоставало!», «В одно прекрасное утро (то есть самое сквернейшее, со слякотью и дождем...), когда я сидел с ревматической болью в спине, со скверными ощущениями в желудке...», «мне всегда снятся скверные сны, если я с вечера увлекусь гражданскими мечтаниями или я выпью много вина» и пр. [4, с. 1; 7, с. 2; 8, с. 1]. Данная коммуникативная стратегия, предоставляя автору гораздо большую свободу в эффективной передаче субъективных впечатлений и переживаний, формирует у читателя положительное восприятие и безоговорочное доверие к автору. Адресность высказывания Буренина реализуется также в риторических вопросах, форма которых приглашает читателя к размышлению по поводу корпуса мыслей, представленных критиком. Тесный контакт критика и читателя позволяет не только успешно реализовать коммуникацию, но формировать траекторию движения читательских мыслей, которая исподволь подготовлена наиболее грамотным участником процесса общения: «Я хотел говорить об этом чудном времени, которое наступило для детей Северной Пальмиры – времени, подобном блеску кристалла... О, это, быть может, самая поэтическая пора из всех времен года... Не правда ли, читатель, эти строки столь же блистательны, сколько игривы и остроумны? Думаете ли вы, что я не мог бы написать подобных строк сколько мне угодно!» [6, с. 2]. Важен тот факт, что риторическое восклицание на самом деле становится своеобразным

ответом на озвученные вопросы и содержит скрытое сравнение истинно важных общественных событий, которые должен освящать журналист и просто болтовни по любому случаю. Итак, Буренин, обрисовывая контуры образа читателя, представляет его не только как «идеального реципиента» (по Шмидту), но и воспитывает его как гармоничную, всесторонне развитую личность. Так, например, в ряде фельетонов, опубликованных в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 1865 г., как правило, начало оформлено как авторское философское размышление, обращённое к читателю, не искусственному знанием о нюансах современной жизни: «Чего нам недостает, в чем мы нуждаемся в этой жизни, и жизнь наша есть, так сказать, не жизнь, а сосуд полный до краев всем, что потребно для благополучия и благосостояния мирного гражданина и истинного Сына Отечества...», «...представьте себе, читатель, что мы именно решаемся сделаться преступником; мы, не смотря на неотразимое сознание своего происхождения, на этот раз питаем пылкое желание обладать иными родителями. Говоря яснее, мы желали бы сделаться французами или англичанами» [4, с.1; 6 с. 1]. Безоблачность и радужность нарисованной Бурениным картины разрушает ироничность подачи материала, которая верно расставляет акценты внутри литературной системы и формирует правильный вектор (в какой-то степени заданный) отношения к подобного рода фактам.

В субъективном фельетонном повествовании «личность» повествующего с его публицистической страстностью полностью подчиняет себе читателя, его взгляды и испытанные эмоции. В критике Буренина, на наш взгляд, ярко представлена такая модель поведения, как манипуляция словом. Данный феномен с недавнего времени является объектом междисциплинарных исследований, привлекающий все больше отраслей наук – социологию, психологию, философию, педагогику (З. Вендлер, О.Н. Быкова, Д.Р. Дроздова, Л.В. Цыбина, Т.П. Куранова). Следует отметить, что мы используем данный термин без негативного значения, рассматривая сущность этого феномена как вид контактных отношений критика – читателя. Под «манипуляцией» мы понимаем определенные воздействия на

человека (в данном случае – читателя) с особой целью, со специальными намерениями, которые помогают автору фельетона «завоевать» публику и обрести союзников, а не подавить личность.

Можно выделить несколько приемов манипулирования, которые использует Буренин в своих критических выступлениях: тропы, синтаксические и стилистические фигуры, которые вызывают у читателя эмоциональный отклик, пробуждая его к запрограммированным действиям и мыслям. Для Буренина табуированы такие приемы, как угроза, его манипуляции тоньше и сложнее.

Важной тактикой в данной системе становится убеждение, а одним из приемов – повтор. Эффективность приема явно высвечивается в следующем отрывке: «Боже мой, и какая тут ошибка со стороны автора, как можно сказать роковая ошибка. Ведь благодаря целой ошибке создан целый роман» [6, с. 1]. Фельетонист трижды повторяет слово «ошибка», снабжая его прилагательным «роковая». Данное сочетание усиливает эмоциональный отклик, заостряя внимание читателя не на разборе произведения, а на выводе Буренина: роман – это роковая ошибка. Авторское предупреждение нельзя упустить из виду, т.к. оно часто, в различных вариациях возникает перед взором читателя, который неосознанно запоминает его и принимает как истину. Ядром манипуляции в конкретном случае является неоднократное употребление одного и того же слова с негативной окраской.

Немаловажен и прием наставления, словесными формами которого могут выступать указания, распоряжения и запрещения. В отличие от команд и приказов, рассчитанных на срабатывание уже имеющегося навыка, наставление формирует целостную положительную установку деятельности. Буренин в этом случае, осуществляя свое убеждение, апеллирует к своему опыту и знаниям. Наглядно это представлено в фельетоне по № 244 1865 г.: «Если бы г. Слепцов, изображая своего героя, отнесся к нему сатирически, то оказал бы истинную услугу читателям. В повести г. Слепцова читатель найдет великое множество примеров неясности словопренений...» [6, с. 2]. Разговор о повести Слепцова «Трудное время» Буренин строит как непринужденную беседу с читателем, где, ссы-

лаясь на вкусы и предпочтения последнего, не просто высказывает свои мысли по этому поводу, а дает «отеческие» советы. В данном случае возникает ситуация искушения читателя, когда критик, заботясь о вкусах публики, навязывает писателю модель поведения и манеру письма. Читатель безоговорочно верит фельетонисту, т.к. автор обладает весомой категорией «знания», а писатель слишком неопытен в литературных делах: «Черты, которыми г. Слепцов привык обрисовывать русского крестьянина слишком сухи, отрывочны...» [Там же, с. 3]. В системе манипуляций Буренина ярко представлен вербальный прием речевого воздействия – навешивание ярлыков, например, Слепцов – молодой и несостоявшийся автор.

Ещё одна особенность речевого манипулирования у Буренина – активное использование пословиц и поговорок для усиления эмоционального и публицистического звучания, т.к. ассоциации, связанные с ситуативными фольклорными жанрами, соотносятся с социальной и ментальной памятью, что позволяет критику в немногих словах донести до читателя свою мысль. «Вербализируя мысль с помощью образных эмоционально-оценочных языковых единиц, содержание которых легко декодируется, манипулятор получает возможность без лишних усилий не только выразить свое отношение, но и «поделиться» им, незаметно навязать его собеседнику» [12, с. 113]. Обратимся к фельетонам, опубликованным в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 1872 г., на страницах газеты в это время развивается «литературный бой» между В.П. Бурениным и Н.К. Михайловским. Критик использует следующие пословицы на первом этапе полемики: «ему, видимо хочется, прежде всего, забросать противника упреками, *наговорив про него три короба несообразностей*», «но мы готовы *поверить этим господам – на слово* и принять спор о направлении, лишь бы только он *велся на честоту*», «Ежели так, то *в добрый час!* Я *обеими руками* благословляю г. Михайловского» [10, с. 1]. Весь арсенал пословиц служит своеобразным средством дискредитации литературного оппонента. Интересен тот факт, что на начальной стадии полемики Буренин использует фразеологические единицы смысловым ядром, которых

становятся честность и порядочность («верить на слово, разговор начистоту») [Там же]. Будучи искусственным в подобного рода делах, критик мастерски двумя штрихами создает портрет умного, тактичного, открытого, объективного и благородного человека, который подвергается гнусным инсинуациям со стороны г. Михайловского («три короба несообразностей») [Там же]. В модели критического мышления Буренина практически отсутствуют аргументы и факты, доказывающие его правоту, однако читателям априори навязывается черно-белая картина мира, распределение ролей в которой происходит по принципу хороший – плохой. С точки зрения публики Буренин – положительный герой, его противник – отрицательный. В рамках сложившейся ситуации любые положения и доводы критика не вызывают никакого сомнения и толкуются как истина.

Далее Буренин, не выходя из амплуа, использует новый ряд пословиц: «в добрый час, обеими руками благословляю», которые, на наш взгляд, с одной стороны, вновь подчеркивают его благожелательный настрой к литературному оппоненту [10, с. 3]. С другой – амбивалентная природа пословиц вскрывает и тайный смысл высказываний Буренина, декодируя который, фразеологизмы можно рассмотреть как определенного рода провокацию. Своеобразное благословение Буренина не только не требуется Н.К. Михайловскому, сколько вызывает в нем исключительно негативные эмоции: «Довольно долго потом смешил меня почтенный хроникер своими корсетными одобрениями» [14, с. 61]. Читатель же, не усмотрев за безобидными пословицами ничего крамольного, полностью разделяет взгляды Буренина и поддерживает его в литературном споре. Фельетонист же точно угадывает тайные страхи оппонента и вербализует их: «при всем моем желании одобрить г. Михайловского, сказать ему похвалу столь полезную для *юных* литературных деятелей», «г. Михайловский не публицист и не философ: он еще только *ученик*» [10, с. 2]. Далее Буренин ненавязчиво предлагает выход из сложившейся ситуации (вновь прибегая к пословицам), который оставляет ему возможность по-прежнему оставаться в глазах читающей публики опытным, мудрым и достойным доверия человеком: «А г. Михайловский надо отдать должное пишет теперь

коротко и вежливо. Ежели так, то в добрый час! Я обеими руками благословляю г. Михайловского» [11, с. 3].

Важным структурным элементом воздействия на публику у Буренина становятся жесты. Исследования психологов актуализируют жест «как средство раскрытия внутреннего мира человека, как проявление его воли или бессознательного» [2, с. 373]. Как правило, подчеркивается, что жест – это проявление в достаточной мере импульсивное не связанное с целью, т.к. обладает нецеленаправленностью и некоторой произвольностью выражения. Однако жест в литературно-критических статьях Буренина, на наш взгляд, четко срежиссирован и направлен на достижение конкретной цели, например карпалистический код литературного спора с Михайловскими – «обеими руками благословляю», подчеркивающий отсутствие злого, тайного умысла, чистоту намерений, становится и своеобразным средством признать свое поражение (соотнесем жест поднятых вверх рук). Недаром современники восприняли последние выпады Буренина как капитуляцию. Однако для читателя, чутко считающего поведение автора, он вновь остается порядочным человеком, способным признать аргументацию литературного оппонента, к мнению которого можно безоговорочно прислушиваться.

Таким образом, в критике Буренина образ читателя эксплицитно закреплен в языковых средствах, риторических восклицаниях, вопросах и обращениях (во вступлении и заключении), постоянном использовании местоимений «я» – «мы» и незримом диалоге с читателем. Все это обусловило создание собирательного образа читателя, отражающего интересы и потребности российского общества конца 19 столетия, для которого Буренин являлся опытным и мудрым наставником, способным сформировать литературный вкус. Основной тип читателя в критике Буренина – читатель – «молчаливый собеседник», с которым критик находит в тесной коммуникативной связи, стремясь не дистанцироваться от него, а сделать своим учеником и единомышленником. Для непосредственного включения читателя в сферу своих эмоциональных переживаний и предпочтений критик использует модель речевого манипулирова-

ния: повторы, пословицы и поговорки, наставления, навешивания ярлыков, ситуация искушения, жесты.

Список литературы

1. Белецкий А.И. Об одной из очередных задач историко-литературной науки // Литература в школе, 2006. № 1. URL: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200600117> (дата обращения: 06.03.2021).
2. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. М.: АСТ; СПб: Прайм-Еврознак, 2009. 811 с.
3. Буренин В.П. Критические очерки и памфлеты. СПб.: Издательство Суворина, 1884. 315 с.
4. Буренин В.П. Литературные и журнальные заметки // Санкт-Петербургские ведомости, 1865. № 237. С. 1-3.
5. Буренин В.П. Литературные и журнальные заметки // Санкт-Петербургские ведомости, 1865. № 244. С. 1-3.
6. Буренин В.П. Литературные и журнальные заметки // Санкт-Петербургские ведомости. 1865. № 265. С. 1-3.
7. Буренин В.П. Литературные и журнальные заметки // Санкт-Петербургские ведомости, 1865. № 286. С. 1-3.
8. Буренин В.П. Литературные и журнальные заметки // Санкт-Петербургские ведомости, 1866. № 23. С. 1-3.
9. Буренин В.П. Литературные и журнальные заметки // Санкт-Петербургские ведомости, 1866. № 30. С. 1-3.
10. Буренин В.П. Литературные и журнальные заметки // Санкт-Петербургские ведомости, 1872. № 170. С. 1-3.
11. Буренин В.П. Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости, 1872. № 138. С. 1-3.
12. Декатова К.И. Манипулятивная функция политических фразеологизмов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2019. С. 111-114.
13. Журбина И.Е. Теория и практика художественно-публицистических жанров. М.: Мысль. 1969. 398 с.
14. Михайловский Н.К. Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки. 1872. № 5. С. 60-75.

15. Михневич В.О. Исторические этюды русской жизни в 3-х т., т.2. СПб: Тип. Ф. Сушинского. 1886. 431 с.
16. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту. Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М.: Издательство МПИ. 1991. 224 с.
17. Стасов В.В. По поводу г. Буренина // Избранные сочинения в 3 т., т 2. М.: Искусство. 1952. С. 19-23.
18. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
19. Штейнгольд А.М. Анатомия литературной критики (Природа. Структура. Поэтика). СПб.: Дмитрий Буланин; Наука РАН, 2003. 201 с.

References

1. Beleckij A.I. Ob odnoj iz ocherednyh zadach isoriko-literaturnoj nauki [On one of the immediate tasks of the historical and literary science]. *Literatura v shkole* [Literature at school], 2006, no. 1. <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200600117> (accessed 06.03.2021).
2. *Bol'shoj psichologicheskij slovar'* [Unabridged philological dictionary]. Moscow: AST; St. Peterburg: Prajm-Evroznak, 2009, 801 p.
3. Burenin V.P. *Kriticheskie ocherki i pamflety* [Critical essays and pamphlets]. St. Peterburg: Izdatel'stvo Suvorina, 1884, 315 p.
4. Burenin V.P. Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and magazine notes]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [The Sankt-Peterburg Vedomosti], 1865, no. 237, pp. 1-3.
5. Burenin V.P. Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and magazine notes]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [The Sankt-Peterburg Vedomosti], 1865, no. 244, pp. 1-3.
6. Burenin V.P. Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and magazine notes]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [The Sankt-Peterburg Vedomosti], 1865, no. 265, pp. 1-3.
7. Burenin V.P. Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and magazine notes]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [The Sankt-Peterburg Vedomosti], 1865, no. 286, pp. 1-3.
8. Burenin V.P. Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and magazine notes]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [The Sankt-Peterburg Vedomosti], 1866, no. 23, pp. 1-3.

9. Burenin V.P. Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and magazine notes]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [The Sankt-Peterburg Vedomosti], 1866, no. 30, pp. 1-3.
10. Burenin V.P. Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and magazine notes]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [The Sankt-Peterburg Vedomosti], 1872, no. 170, pp. 1-3.
11. Burenin V.P. Zhurnalistika [Journalism]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [The Sankt-Peterburg Vedomosti], 1872, no. 138, pp. 1-3.
12. Dekatova K.I. Manipuljativnaja funkcija politicheskikh frazeologizmov [Manipulative function of political phraseological units]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Izvestija Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki], 2019, pp. 111-114.
13. Zhurbina I.E. *Teorija i praktika hudozhestvenno-publicisticheskikh zhanrov* [Theory and practice of artistic and journalistic genres]. Moscow: Mysl', 1969, 398 p.
14. Mihajlovskij N.K. Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and magazine notes]. *Otechestvennye zapiski* [Otechestvennye zapiski], 1872, no. 5, pp. 60-75.
15. Mihnevich V.O. *Istoricheskie jetjudy russkoj zhizni v 3 t., t. 2* [Historical studies of Russian life in 3 volumes, vol. 2]. St. Peterburg: F. Sushhinskiy Publ., 1886, 431 p.
16. Rejtblat A.I. *Ot Bovy k Bal'montu. Oчерki po istorii chtenija v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka* [From Bova to Balmont. Essays on the history of reading in Russia in the second half of the 19th century]. Moscow: MPI Publ., 1991, 224 p.
17. Stasov V.V. Po povodu g. Burenina [Concerning Mr. Burenin]. *Izbrannye sochinenija v 3 t., t. 2* [Selected works in 3 volumes, vol. 2]. Moscow: Iskustvo, 1952, pp. 19-23.
18. Shmid V. Narratologija. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003, 312 p.
19. Shtejngol'd A.M. *Anatomija literaturnoj kritiki (Priroda. Struktura. Pojetika)* [Anatomy of literary criticism (Nature. Structure. Poetics)]. St. Peterburg: Dmitrij Bulanin; Nauka RAN, 2003, 201 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Шабалина Надежда Николаевна, кандидат филологических наук,
ст. преподаватель кафедры русского языка и литературы
Елабужский институт (филиал) КФУ
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, 423604, Российская Федерация
nadezhada_85@mail.ru

Шабалина Ирина Геннадьевна, учитель первой квалификацион-
ной категории
*МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №10» Елабуж-
ского муниципального района РТ*
ул. Марджани, 26А, г. Елабуга, 423606, Российская Федерация

Шайхлисламова Альбина Газизовна, учитель высшей квалифи-
кационной категории
МБОУ «Гимназия № 183» Советского района Казани
ул. Минская, д. 47, г. Казань, 420140, Российская Федерация
arina-31@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Shabalina Nadezhda N., Candidate of Philological Sciences, Senior
Lecturer of the Department of Russian Language and Literature
Elabuga Institute (Branch) of the KFU
89 Kazanskaya Str., Elabuga, 423604, Russian Federation
nadezhada_85@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7947-9565

Shabalina Irina G., Teacher of the First Qualification Category
*Secondary School No. 10 of the Yelabuga Municipal District of
the Republic of Tatarstan*
26A, Marjani Str., Yelabuga, 423606, Russian Federation

Shaikhislamova Albina G., Teacher of the Highest Qualification Category
Gymnasium No. 183 of the Sovetsky district of Kazan
47, Minskaya Str., Kazan, 420140, Russian Federation
arina-31@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-246-262

УДК 811

РОЛЬ ОТЦОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОЙ ПРОЗЫ)

Шарапова Е.А., Божкова Г.Н., Быков А.В., Галлямова Н.В.

Обоснование. Данная статья посвящена изучению влияния отцов на формирование подрастающего поколения. В качестве материала для исследования были выбраны произведения современной детско-юношеской прозы.

Цели исследования: выяснить, какое влияние на воспитание детей оказывают отцы в современной детско-юношеской прозе; какие виды отцов представлены в детско-юношеской литературе 21 в.

В работе впервые проанализированы и классифицированы образы отцов в детско-юношеской прозе 21 в., а также выявлены частота появления того или иного типа отцовства в русской и зарубежной детской литературе и его влияние на формирование подрастающего поколения. Для объективности результатов исследования были проанализированы произведения как отечественных, так и зарубежных писателей различных жанров.

Материалы и методы. В статье применены качественно-количественные подходы, основными из которых являются методы контент-анализа и тематического анализа.

Исследование включает следующие этапы работы:

1. Выборка текстов. Нами отобраны произведения современной детско-юношеской прозы, освещающие влияние отцов на формирование подрастающего поколения.

2. Подбор классификаций отеческих образов. Был сформирован корпус текстов. Общий объем выборки составил 7 современных произведений.

3. Интерпретация произведений современных художественных текстов. Количественный метод контент-анализа позволил перевести результаты в процентный коэффициент, отразив их в таблице и диаграмме. Качественный образно-тематический анализ позволил увидеть влияние видов отцов на формирование личности подрастающего поколения.

Результаты исследования. *Гармоничные отношения отцов с детьми способствуют формированию духовно-нравственной, отзывчивой и способной чувствовать, сочувствовать личности. Особенно важна модель поведения отца для сына, поэтому в 6 произведениях из 7 героями являются сыновья. В проанализированной детско-юношеской литературе 21 в. фигурируют лишь три типа отцов-«нет дома», судья, друг [1]. Это связано, прежде всего, с психологическими особенностями восприятия мира детьми и подростками.*

Область применения результатов. *Полученные результаты могут использоваться для внеурочных занятий по литературе в школе, а также при разработке курса «Детская литература» в вузе.*

Ключевые слова: *современная детско-юношеская проза; художественные образы; влияние отцов; виды отцовских образов*

ROLE OF FATHERS IN THE FORMATION OF THE GROWING GENERATION (ON THE MATERIAL OF THE MODERN PROSE FOR CHILDREN AND YOUNG PEOPLE)

Sharapova E.A., Bozhkova G.N., Vykov A.V.

This article is devoted to the study of the father's influence on the growing generation. The works of modern prose for children and young people were selected as material for the study.

Objectives of the study: *to find out what influence fathers have on the upbringing of children in modern children's and youth prose; what types of fathers are represented in the children's literature of the 21st century.*

For the first time, the images of fathers in children's and youth prose of the 21st century are analyzed and classified, and the frequency of appearance of one or another type of fatherhood in Russian and foreign children's literature and its influence on the formation of the formation are revealed. For the objectivity of the research results, the works of both domestic and foreign writers of various genres were analyzed.

Materials and methods. *The article uses qualitative and quantitative approaches, the main of which are the methods of content analysis and thematic analysis.*

The study includes the following stages of work:

1. *Selection of texts. We have selected works of modern prose for children and youth, highlighting the influence of fathers on the formation of the younger generation.*

2. *Selection of classifications of paternal images. A corpus of texts was formed. The total sample size was 7 contemporary works.*

3. *Interpretation of works of modern literary texts. The quantitative method of content analysis made it possible to translate the results into a percentage, reflecting the results in tables and diagrams. A qualitative figurative-thematic analysis made it possible to see the influence of the species of fathers on the formation of the personality of the younger generation.*

Results. *Harmonious relations between fathers and children contribute to the formation of a harmonious, viable, responsive and compassionate personality. The father's behavior model is especially important for the son, therefore in 6 of 7 works the sons are the heroes. In the literature of the 21st century for children and youth under study, there are only three types of fathers, i.e. "not at home", judge, friend. This is primarily due to the psychological characteristics of the perception of the world by children and adolescents.*

Practical implications. *The obtained results can be used for extracurricular literature classes at school, as well as in the development of the academic course on children's literature.*

Keywords: *modern prose for children and young people; artistic images; father's influence; types of paternal images*

Тема отцовства традиционно волновала исследователей. Такие ученые, психологи и философы, как Ж.Ж. Руссо [12], М.В. Акулина [2], М. Кляйн и Д. Боулби [5], А.И. Баркан [3], В.В. Бочаров [4], Ю.В. Борисенко [4], Э. Холлинз и М. Хизеринтон [15], Г.С. Абрамова [1], С. Хардах [17] утверждают важность отцов в формировании личности подрастающего поколения не меньше матерей и дают практические советы по сохранению семей и воспитанию детей.

О роли отца в развитии детей рассуждает и З. Фрейд в своем труде «Психология сексуальности», утверждая, что у детей должны быть оба родителя, иначе ребенок начинает «примерять» на себя роль отсутствующего взрослого [14]. Позднее одноименные исследования сосредоточились в основном на изучении взаимоотношений матери и ребенка [5]. До 1970-х гг. роль отцов в развитии детей изучалась мало. Наиболее важной функцией родителя считалась экономическая поддержка матери, которая воспринималась «эмоциональным якорем для ребенка» [17]. Психологи Э. Холлинз и М. Хизеринтон также убеждены, что биологические и социальные факторы, влияющие на отцов, непосредственно связаны [15]. Выражается эта связь в генетической памяти мужского организма: мужчина рождается с определенным набором безусловных рефлексов, помогающих ему в осознании отцовства.

Существуют прямо противоположные мнения относительно вопроса отцовства. Например, В.В. Бочаров считает, что если биологические факторы определяют психофизиологическую готовность к отцовству, то социальные факторы регламентируют реализацию этой готовности [4]. Специфический стиль отцовства зависит от множества социокультурных особенностей и условий, поэтому существенно варьируется. Социум не только предъявляет определенные требования к экономическому, социальному, возрастному, профессиональному статусу мужчины и, соответственно, отца, но и регламентирует поведение человека, обладающего определенным статусом в системе социальных ролей. Дети по своей природе склонны верить отцу, его словам [15]. Поэтому факт ухода папы из семьи, разрушает их уверенность в светлом будущем.

Для успеха исследования необходимо ввести метод классификации отцов. А.И Баркан выделяет следующие типы отцов: «папа-мама», «мама-папа», «Карабас-Барабас», «Попрыгунья-стрекоза», «крепкий орешек», «рубаха-парень», «ни рыба ни мясо» [3]. Ю.В. Борисенко выделяет следующую классификацию типов отцов в зависимости от принимаемых социальных ролей в семье: отец-кормилец, отец-воспитатель, отец-защитник [4]. Объяснение видов нам кажется излишним, поскольку намеченные определения, связанные с сюжетами басен, сказок, фразеологизмами, и так понятны читателю.

Для достоверности и полноты исследования мы будем использовать классификацию отцов Г.С. Абрамовой, которая выделяла 5 типов отцов: отец-друг, отец-судья, отец-кормилец, отец-психотерапевт и отец-«нет дома» («Ни во что не вмешивается, работает, зарабатывает деньги, дома отдыхает» [1, с. 461]).

Ситуация в мире детской литературы кардинально изменяется с приходом 21 в. [16]. Увеличивается количество произведений, адресованных непосредственно детям, однако главным новшеством становятся художественные тексты, единственным героем которых является отец. Ярким примером этому служит книга Суш «Папа рядом» [13]. Книжка-картинка содержит красочные иллюстрации, которые являются полноценной частью произведения, и минимальное количество сопровождающего текста, а прием повествования от первого лица помогает читателю прочувствовать описываемый образ отца, создавая портрет-впечатление: «Он всегда находит для меня время, даже если очень занят», «Он утешает меня, когда мне грустно», «Рядом с ним всегда найдется место для меня», «Когда папа рядом, нет ничего невозможного»[Там же]. В рассказе нет сюжетной линии, композиции – текст представляет собой набор отдельных фраз, дополняемых картинками, ставшими полноценным смысловым элементом повествования, однако это не мешает созданию портрета главного героя – заботливого, чуткого, любящего мужчины, «отца-друга» [1], который является для своего ребенка целой Вселенной, образцом и опорой. Образ папы помогает рас-

крыть и цветопись – все картины выполнены в пастельных нежных тонах, отец изображен слегка смуглым, с розовыми «яблочками» на щеках. Пастельные тона помогают раскрыть характер персонажа: теплый, уютный, присущий сангвиникам и соответствующему этому типу личности камню турмалину. Гиперболизация является главным художественно-изобразительным приемом: отец больше дочери в три раза, с постоянной улыбкой на лице, что позволяет увидеть не только внешнюю, но и внутреннюю мощь героя, суть которой во всепрощающем чувстве любви. Местоимение «мы» чаще всего употребляемое в книге, подтверждает единство дочери и папы. Глаголы, обозначающие действия отца, употребляются лишь с положительной коннотацией и значением активного действия: «утешает», «рассказывает», «поет», «охраняет», «находит», «знает» – это подтверждает тот факт, что отец занимает в процессе воспитания своей дочери активную позицию, а девочка настолько искренна и добра, что постоянно изображена с широко распахнутыми руками, готовыми к объятиям. Благодаря подобно любви юная героиня совершенно спокойна, добра и искренна к окружающим.

В рассказе М. Маялуома «Папа, пойдем за грибами» [6] также фигурирует образ отца-друга, которого дети каждый раз с нетерпением ждут с работы. Как только машина папы въезжает во двор, дети начинают «радостно визжать»: «...папа приехал!» [Там же, с.5]. Очевидно, что отец – любимый член семьи, дети с нетерпением ждут его, поддерживают во всех начинаниях, умеют заботиться и сострадать. Основой завязки произведения стало предложение папы совместно отправиться за грибами. Юные герои с удовольствием собирают вещи не только для себя, но и для отца [Там же]. Главный герой ценит заботу и тепло, но, узнав, что дети, играя, аккуратно покрасили фломастерами все грибы, так что стало невозможно отличить ядовитый гриб от съедобного, «взревел (...) и все деревья закачались» [Там же, с.11]. Этот жест отца намного понятнее детям, нежели упреки, ведь они тоже, негодуя, плачут, а не читают нотации. Малыши делают все возможное, чтобы успокоить своего взрослого друга, а в ответ получают его объятия. Демонстра-

цией теплых чувств родителя становятся и такие определения, как «ненаглядные», «краснощекие», «пустышкососательные», адресованные детям. Глава семейства согревает своих чад теплом, неумейной жизненной энергией.

Еще в конце 20 в. в детской литературе появляется интересный тип отца-«нет дома». Ироничное определение принадлежит психологу Г.С. Абрамовой, так исследователь называет отцов, много времени проводящих на работе. Прогрессирующая частота в использовании этого отеческого типа в детской литературе связана с особенностями нового столетия, времени, когда ценятся материальные блага, а не крепкие родственные связи. К типу отца-«нет дома» можно отнести главу семейства из повести И. Прохазковой «Бабушка с крылышками» [11]. Папа юного героя придумывает компьютерные игры, это его основная работа. Сын с горечью отмечает, что отец даже понятия не имеет «как делать настоящего воздушного змея» [Там же, с. 5] и вообще ничего «не знает о процессах» и детских играх [Там же, с. 7]. Многие дети завидуют главному герою произведения, потому что его отец – компьютерный гений, знает все о виртуальной действительности. Однако Элиас не разделяет восторгов приятелей, ведь эта работа крадет у него внимание отца, мальчик очень расстраивается, когда папа забывает о своих обещаниях – это прочувствовать позволяет прием скрытого психологизма: юный персонаж переживает, обижается, ненавидит игры, не понимает взрослых, злится на друзей [Там же]. При помощи такого психологического приема, как исповедь, мы понимаем, насколько обижен мальчик на своего отца за его невнимание: «Он невыносим. Он плохо воспитан» – признается Элиас [Там же, с. 6]. Определение «несносный родитель», которым очень часто называет мальчик папу, подтверждают холод в отношениях между отцом и сыном. Даже эмоциональный портрет отца воспринимается юным героем негативно, прочувствовать это позволяет суммарно-обозначающий вид психологизма: «вот-вот расплатится», «крикнул пререклобным, противным голосом» [Там же, с. 11]. Даже во время обсуждения серьезных тем отец Элиаса «нервно барабанит по столу

пальцами», потому что «в это время уже мысленно едет на работу» [Там же, с. 12]. Мужчине намного проще жить в виртуальном мире компьютерных игр, а не решать проблемы действительности.

В рассказе Т. Меньшиковой «Мой отец зажигал звезды» [7] описывается жизнь и внутренние переживания главного героя – мальчика по прозвищу «Улитка». Интересно, что повествование в данном произведении ведется от лица мальчика – прием повествования от первого лица помогает лучше понять переживания главного героя. Прозвище «Улитка» мальчик получил совершенно не случайно: подросток постоянно опаздывает, хотя всегда выходит намного раньше назначенного времени. Большую часть своей жизни подросток прожил наедине с матерью и уверяет в том, что время, прожитое с ней, было «самым счастливым» [Там же, с. 60]. Спустя 12 лет подросток узнает, что у него есть родной отец. Глава семейства принадлежит к такому типу личности, как меланхолик: он скрытен, аккуратен, малоэмоционален. Мужчина остается холодным и равнодушным к своему родному сыну, постоянно сравнивает его с другими детьми, раздражая мальчика и заставляя чувствовать себя ненужным. Кроме того, отец постоянно критикует юного героя – любой разговор, который заводит Улитка с родителем, становится лишь очередным поводом для «прочтения поучительной лекции», поэтому мужчина выступает в начале произведения в роли «отца-судьи»: он критикует своего сына за все, что тот делает, начиная от бытовых вещей («макароны неправильно сварил» [7, с. 75]), заканчивая жизненными ценностями и манерами. Подросток начинает выполнять роль взрослого: хлопот по хозяйству, старается сблизиться со своим отцом, однако кроме «вечного тюканья, что свет за собой не выключил в комнате или кровать не заправил» [Там же, с. 89] ничего не слышит. Мальчик отзывается об отце довольно сухо, описывая его внешний вид типичными фразами без детализации: «чуть больше пятидесяти лет», «под два метра роста» [Там же, с. 76]. Мужчина не верит в способности и уникальность своего сына, не видит в нем личность. Все это негативно сказывается на самом ребенке: мальчик

начинает думать, что отец прав. Именно поэтому много сложностей вызывает написание сочинения о папе, которое являлось обязательным в рамках школьного предмета и кульминационным в сюжете произведения. Мальчик пугается этого задания и передает свои ощущения с помощью емкого сравнения: «в животе кто-то включил морозилку» [Там же, с. 100]. Ребенок понимает, что ничего не знает о папе, о его положительных качествах. Подросток поставил перед собой цель: узнать положительные стороны своего отца. Негодование появляется в тот момент, когда герой узнает о том, что его родитель является замечательным преподавателем технического училища, и все фонари на улицах города «зажигают ученики папы, это все он» [8, с. 124]. Отец и сын начали долгий путь к сближению: мальчик перестал обижаться на отца и обрел новых друзей и признание одноклассников.

Ключевыми фигурами произведения С Пеннипакер «Пакс» [10] являются отец и сын, пережившие горе, которое не сблизило, а отдалило двух самых родных людей. Действие начинается с конфликта: отец заставляет своего сына вывезти в лес маленького ручного лисенка Пакса, которого ребенок приручил и полюбил. Читатель сразу обращает внимание на многочисленные противоречия в портрете отца: «его ласковый голос не вязался с крепким запахом лжи» [Там же, с. 60]. Горе, которое переживает мужчина не позволяет ему быть собой и отдаляет от сына. Папа Питера выступает в роли отца-«нет дома» [1], поскольку он совершает своеобразное бегство от горя в работу, а позже – на войну. У мужчины никогда нет времени для своего ребенка, он всегда на работе – «дома почти не бывает» [Там же, с. 63]. Поскольку отец постоянно отсутствует в жизни сына, не знает об увлечениях подростка, не понимает привязанности Питера к Паксу. Мальчик чувствует скрытую угрозу, исходящую от отца, поэтому со временем «научился вести себя тихо. Не путался под ногами» [Там же, с. 80]. Такова его модель поведения и с окружающими. Война, на которую добровольно уходит отец, становится бегством от проблем действительности, жестом эгоизма. Мужчина даже не осознает,

что делает своего сына сиротой. Путь к примирению отца и сына долгий и очень непростой. В произведении отец показан меланхоликом. Такие люди очень тяжело переживают личные утраты, долго не могут реабилитироваться, эгоистично думают лишь о себе. В силу своего характера отец не дарит своему сыну тепла, нежности, он существует лишь своими интересами, а жизнь сына протекает обособленно.

Еще одним ярким примером отца-«нет дома» является герой из рассказа Е. Ожич «Мой папа – мальчик» [9]. Повествование снова ведется от первого лица. Папа в произведении кандидат филологических наук, он постоянно на работе или занят подготовкой к лекциям. «У нас дома все заняты» – с отчаяньем произносит скупающий сын. Из-за того, что отец редко общается с подростком, он не понимает того факта, что мальчик уже вырос и нуждается в неформальном доверительном общении. Юному герою очень хочется, чтобы отец заметил, как он повзрослел: «ведь я уже второй десяток разменял» [9, с. 7], а тот по-прежнему использует «сюсюкающий» тон в общении с сыном. Образ отца в данном произведении не статичен, благодаря приему художественного преуменьшения взрослый мужчина снова превратится в ребенка и лишь после этого получил возможность осмыслить свои ошибки и прочувствовать потребности подростка. После перевоплощения сыну и папе-мальчику приходится существовать на равных условиях, но это помогает мальчику почувствовать себя увереннее. Подросток начинает заботиться о своем «младшем» отце: герои сближаются – играют вместе, общаются на неформальные темы, занимаются спортом. Мальчик безумно рад тому, что отец наконец-то обратил внимание на его интересы, снова стал активным, а не фиктивным родителем.

Отдельная классификация видов отцов вводится в рассказе А. Никольской «Папатека» [8]. Повествование в произведении ведется от лица главного героя повести мальчика Вити. Этот прием позволяет максимально прочувствовать эмоции героя, понять его переживания. Подросток признается в том, что хочет, чтобы

папа пропал «и желательно без вести» [Там же, с. 4]. Вите неприятен даже вид отца, это чувствуется в описании внешности мальчиком своего родителя: «почесывает живот под пижамой», «лысый», «длинный, как представитель семейства страусовых» [Там же, с. 15] – это сравнение показывает отношение мальчика к своему родителю как к несостоятельному человеку, неприятной и трусливой личности. Во всех своих бедах Витя винит отца, стесняется его, полагая, что если он «улетит вместе с инопланетянином», то они «заживут с мамой счастливой жизнью» [Там же, с. 19]. Отец «читает нравоучения», любит «справедливо наказывать», выступая в роли «отца-судьи». Герой вынужден в семье играть две роли: мамы и папы, причем каждую из них он выполняет весьма посредственно: готовит «практически несъедобно», жизнью сына интересуется очень редко. Дело в том, что мать Вити уехала на заработки, поэтому все ее присутствие в жизни семьи заканчивается видеосвязью. Обиженному и злому мальчику в волшебном доме «Папатека» предоставляется уникальная возможность выбрать папу своей мечты. Условия обмена крайне просты: герой берет нового идеального папу «на прокат», а своего сдает в стеклянный склеп «на хранение». Подросток поддается искушению и выбирает нового родителя. Сначала персонаж выбирает отца по внешним качествам, думая, что все одноклассники начнут ему завидовать, потом – по внутренним. Юный герой меняет своих отцов до тех пор, пока не понимает, что все они слишком «одинаковы», а его папа – идеальный отец, совмещающий в себе в оптимальных пропорциях все лучшие человеческие качества несмотря на то, что не вызывает восторгов одноклассников. Примечательно, что ни один из пап не устроил мальчика, и ему больше всего на свете хотелось вернуться к своему родному отцу. В конце произведения герои наконец-то выстраивают гармоничные отношения. Подросток становится увереннее и мудрее, осознав ошибку.

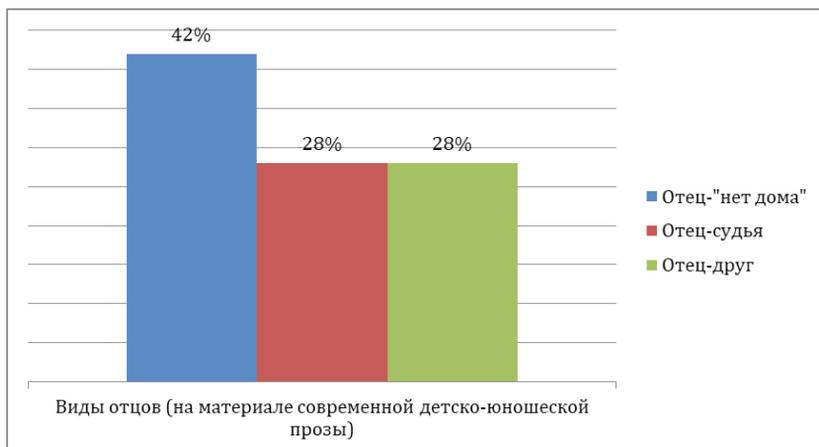
Результаты интерпретации произведений современной детско-юношеской прозы проиллюстрированы в Таблице 1 и Диаграмме 1.

Таблица 1.

Влияние отцов на формирование подрастающего поколения

№	Автор	Название произведения	Главный (ые) герой (и)-дети (имя)	Качества характера отца	Приемы создания образа отца	Влияние отца на формирование героя-ребенка
Детская проза						
1	Суш	«Папа рядом»	Безымянная девочка	Заботливый, чуткий, любящий, сильный.	Жестовый портрет, портрет описание, цветопись	Веселая, жизнерадостная, любящая, активная дочь, стрессоустойчивая
2	М. Маялуома	«Папа, пойдем за грибами»	Осси, Вейно и Анна-Мари	Ранимый, любящий, заботливый	Речевой портрет	Дети умеют сочувствовать, любить родителей, бескорыстно помогать окружающим.
3	И. Прохазкова	«Бабушка с крылышками»	Элиас	Расчетливый, эгоистичный, раздражительный.	Эмоциональный портрет	Ранимый; обиженный на родителей, ненавидит компьютерные игры, которые создает отец; не понимает взрослых, завидует одноклассникам, у которых хорошие семьи; одинокий.
Юношеская проза						
4	Т. Меньщикова	«Мой отец зажигает звезды»	Улитка (прозвище)	Преподаватель технического училища. Наездательный, справедливый, жестокий.	Речевой и жестовый портрет	Одинокий, раздражительный, склонный к стрессу.
5	С. Пеннипакер	«Пакс»	Питер	Замкнутый, агрессивный, молчаливый, уставший	Портрет-впечатление, запах	Обида на отца, замкнутость, одиночество, попытка уйти от действительности.
6	Е. Ожич	«Мой папа – мальчик»	Миша	Преподаватель, инфантильный-романтик, равнодушный к сыну	Гротеск, гипербола, портрет.	Раздражительность, уязвимость, эмоциональность, стыд за отца
7	А. Никольская	«Папатека»	Витя Половинкин	Неаккуратный, ворчливый, отрешенный от жизни.	Гротеск, жестовый портрет.	Раздражительность стыд за отца, озлобленность

В 5 произведениях (И. Прохазкова «Бабушка с крылышками», Т. Меньщикова «Мой отец зажигает звезды», С. Пеннипакер «Пакс», Е. Ожич «Мой папа – мальчик», А. Никольская «Папатека») из 7 герои-дети из-за отрешенности, эгоистичности, равнодушия и занятости отцов раздражительны, замкнуты, уязвимы, чувствуют себя одинокими.

Диаграмма 1. Частотность появления в современной детско-юношеской прозе видовых особенностей детей

Таким образом, результаты анализа современной детско-юношеской прозы подтверждают важность отцов в процессе формирования подрастающего поколения: в рассказах Суш «Папа рядом», М. Маялуома «Папа, пойдём за грибами» представлен тип отца-друга, любящего и заботливого, формирующего в детях умение любить, сострадать. В прозе И. Прохазковой «Бабушка с крылышками», С. Пеннипакер «Пакс», Е. Ожич «Мой папа – мальчик» доминирует тип отца-«нет дома», нежелающий жертвовать карьерой ради детей, а в рассказе Т. Меньщиковой «Мой отец зажигал звёзды», А. Никольской «Папатека» – отец-судья, раздражающий детей чрезмерной опекой, недоверием, требовательностью. Юные герои чувствуют равнодушие отцов-«нет дома» и тяготеют к гиперопеке отцов-судей, превращаясь в замкнутых, раздражительных,

агрессивных и отрешённых от жизни подростков, испытывающих стыд за отцов.

Список литературы

1. Абрамова Г.С. Практическая психология. Москва: Прометей, 2018. 540 с.
2. Акулина М.В. Отношения между детьми и родителями. М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 108 с.
3. Баркан А. Рядовые семейных воинов, или как мы создаем проблемы нашим детям. Москва: АСТ, 2009. 384 с.
4. Борисенко Ю.В. Психология отцовства. Москва-Обнинск: «ИГ-СОЦИН», 2007. 220 с.
5. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики. 2003. 447 с.
6. Маялуома М. Папа, пойдем за грибами. Москва: Скутер, 2008. 36 с.
7. Меньщикова Т. Мой отец зажигал звезды. Москва: Компас Гид, 2019. 144 с.
8. Никольская А. Папатека. Москва: Росман-Пресс, 2015. 93 с.
9. Ожич Е. Мой папа - мальчик. Москва: Скутер, 2019. 119 с.
10. Пеннипакер С. Пакс. Москва: Самокат, 2016. 320 с.
11. Прохазкова И. Бабушка с крылышками. СПб: Поляндрия, 2014. 176 с.
12. Руссо Ж.Ж. Эмиль, или Об образовании. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1896. 651 с.
13. Суш. Папа рядом. СПб: Поляндрия, 2018. 36 с.
14. Фрейд З. Психология сексуальности. М.: Фолио, 2007. 74 с. URL: https://cpp-p.ru/wp-content/uploads/2015/05/Freyd_Zigmund_Psihologiya_seksualnosti.pdf (дата обращения: 23. 06. 2020).
15. Шоу Б. Гендерная психология. Москва: Скутер, 2012. 180 с.
16. Boshkova G., Shastina E., Shatunova O. The role of grandparents in the child's personality formation (On the material of children's literature) // Journal of Social Studies Education Research. Vol. 9, Issue 2, 2018, pp. 283-294. URL: <https://jsser.org/index.php/jsser/article/view/263>. (дата обращения: 23. 06. 2020).
17. Hardach S. The secret of being a good father. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20190606-how-to-be-a-good-father-to-a-newborn-son-or-daughter> (дата обращения: 23. 06. 2020).

References

1. Abramova G.S. *Prakticheskaya psikhologiya* [Practical psychology]. Moscow: Prometey, 2018, 540 p.
2. Akulina M. *Otnosheniya mezhdu det'mi i roditelyam* [Relations between children and parents]. Moscow: LAP Lambert Academic Publishing, 2012, 108 p.
3. Barkan A. *Ryadovyye semeynykh voin, ili kak my sozdayem problemy nashim detyam* [Family wars G.I.s, or how we create problems for our children]. Moscow: AST, 2009, 384 p.
4. Borisenko Yu.V. *Psikhologiya otsovstva* [The psychology of paternity]. Moscow-Obninsk: "IG-SOCIN", 2007, 220 p.
5. Boulbi Dzh. *Privyazannost* [Affection]. Moscow: Gardariki. 2003, 447 p.
6. Mayaluoma M. *Papa, poydom za gribami* [Dad, let's go mushrooming]. Moscow: Skuter, 2008, 36 p.
7. Men'shchikova T. *Moy otets zazhigal zvezdy* [My father used to light the stars]. Moscow: Kompas Gid, 2019, 144 p.
8. Nikol'skaya A. *Papateka* [Papateque]. Moscow: Rosman-Press, 2015, 93 p.
9. Ozhich Ye. *Moy papa - mal'chik* [My dad is a boy]. Moscow: Skuter, 2019, 119 p.
10. Pennipeyker S. *Paks* [Pax]. Moscow: Samokat, 2016, 320 p.
11. Prokhazkova I. *Babushka s krylyshkami* [Grandmother with wings]. St. Peterburg: Polyandriya, 2014, 176 p.
12. Russo Zh.Zh. *Emil', ili Ob obrazovanii* [Emil, or On Education]. Moscow: Typo-lit. I.N. Kushnerev and Co, 1896, 651 p.
13. Sush. *Papa ryadom* [Dad is near]. St. Peterburg: Polyandriya, 2018, 36 p.
14. Freud Z. *Psikhologiya seksual'nosti* [Psychology of sexuality]. Moscow: Folio, 2007, 74 p. https://cpp-p.ru/wp-content/uploads/2015/05/Freyd_Zigmund__Psihologiya_seksualnosti.pdf (accessed 23.06.2020).
15. Shou B. *Gendernaya psikhologiya* [Gender psychology]. Moscow: Skuter, 2012, 180 p.

16. Boshkova G., Shastina E., Shatunova O. The role of grandparents in the child's personality formation (On the material of children's literature). *Journal of Social Studies Education Research*, vol. 9, issue 2, 2018, pp. 283-294. <https://jsser.org/index.php/jsser/article/view/263> (accessed 23.06.2020).
17. Hardach S. The secret of being a good father. <https://www.bbc.com/future/article/20190606-how-to-be-a-good-father-to-a-newborn-son-or-daughter> (accessed 23.06.2020).

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Шарапова Екатерина Андреевна, студентка

ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» – Елабужский институт
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423600,
Российская Федерация
Kulagina-1998@mail.ru

Божкова Галина Николаевна, кандидат филологических наук,

доцент кафедры русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» – Елабужский институт
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423600,
Российская Федерация
bozhkova.galina@mail.ru

Быков Антон Валерьевич, кандидат филологических наук, доцент

кафедры русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» – Елабужский институт
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423600,
Российская Федерация
anton-77-@mail.ru

Галлямова Наталья Владимировна, учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории

*Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение лицей N 2 Бугульминского муниципального района Республики Татарстан
ул. Николая Гоголя, 64, г. Бугульма, 423230, Российская Федерация
natalya.gallyamowa@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Sharapova Ekaterina A., student

*Kazan (Volga Region) Federal University - Yelabuga Institute
89, Kazanskaya Str., Yelabuga, Republic of Tatarstan, 423600,
Russian Federation
Kulagina-1998@mail.ru*

Bozhkova Galina N., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature

*Kazan (Volga Region) Federal University - Yelabuga Institute
89, Kazanskaya Str., Yelabuga, Republic of Tatarstan, 423600,
Russian Federation
bozhkova.galina@mail.ru*

Bykov Anton V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature

*Kazan (Volga Region) Federal University - Yelabuga Institute
89, Kazanskaya Str., Yelabuga, Republic of Tatarstan, 423600,
Russian Federation
anton-77-@mail.ru*

Gallyamova Natalya V., Teacher of Russian Language and Literature of the Highest Qualification Category

*Municipal Budgetary Educational Institution Lyceum N 2 of the Bugulma Municipal District of the Republic of Tatarstan
64, Nikolay Gogol Str., Bugulma, 423230, Russian Federation
natalya.gallyamowa@yandex.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-263-276

УДК 81'366.54

ГЕНЕТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Шарафутдинова Р.Т.

Обоснование. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения генетивных конструкций в английском языке. Использование газетных статей позволяет нам выделить лексико-семантических варианты, выявить частотность их использования.

Цель. Данная статья посвящена функциональному анализу генетивных конструкций английского языка в средствах массовой информации. Цель исследования выявить частотность семантических групп моделей генетивных конструкций $N1's+N2$ и $N1+of+N2$ английского языка. Основное значение генитива – это притяжательность.

Для достижения цели были использованы следующие **методы**: метод классификации, метод количественного анализа, метод семантического анализа. Мы рассмотрели генетивные конструкции для каждой модели в периодической печати – газетах «The Independent», «The Guardian», «The Telegraph» (за 2018/2019 годы).

Результаты. В ходе исследования был получен материал, анализ которого позволил заключить, что модель $N1+of+N2$ является самой частотной среди генетивных конструкций английского языка, модель $N's+N2$ – менее частотной. Самыми частотными в использовании для моделей $N's+N2$ и $N1+of+N2$ оказались семантические группы, выражающие принадлежность предмета неживому парасубъекту, принадлежность в широком смысле.

Область применения результатов. Результаты исследования послужили вкладом в изучение генетивных конструкций английского языка в рамках средств массовой информации.

Ключевые слова: генетивные конструкции; имя существительное; падеж; средства массовой информации; английский язык

GENETIVE CONSTRUCTIONS IN ENGLISH

Sharafutdinova R. T.

Background. *The relevance of the study is determined by the need to study the genitive constructions in English. The use of newspaper articles allows us to identify lexical and semantic variants, to identify the frequency of their use.*

Purpose. *This article deals with the functional analysis of English genitive constructions in mass media. The aim of the research is identifying the frequency of semantic groups for the N1's+N2 and N1+of+N2 models of genitive constructions in English. The basic meaning of the genitive is possessiveness.*

Methodology. *To achieve the goal, the following methods were used: classification method, quantitative method, the method of semantic analysis. We have considered genitive constructions for each model in «The Independent», «The Guardian», «The Telegraph» (for 2018/2019 years).*

Results. *As a result, the analysis of the material allowed to conclude, that the N1+of+N2 model of genitive constructions is the most frequent, and the N's+N2 model of genitive constructions is less frequent. The semantic groups of the N's+N2 and N1+of+N2 models expressing belonging of an object to an inanimate para-subject in its broad sense is of the most frequent usage*

Practical implications. *The results of the research served as a contribution to the study of the genitive constructions of the English in the framework of mass media.*

Keywords: *genitive constructions; noun; case; mass media; English*

В современном английском языке имя существительное имеет два падежа: общий падеж (Common case) и притяжательный падеж (Possessive или Genitive case). Существительные в общем падеже не имеют окончания. Притяжательный падеж существительных образуется путем прибавления окончания - 's, или предлога *of*. Тео-

ретический анализ литературы показал, что возник ряд конкретных вопросов, связанных с генитивной конструкцией.

Лингвисты Р.В. Ежкова, Н.А. Кобрина, Е.А. Корнеева, М.И. Оссовская, К.А. Гузеева пришли к выводу, что - 's формант выражает индивидуальную принадлежность.

Н.Н. Матвеева обратила внимание на параллельное существование атрибутивных словосочетаний с - 's и предлога «of». Одно сочетание может быть заменено другим [5, с. 3, 6-9]. Освещение проблемы относительно взаимозаменяемости сочетаний 's и of нашло отражение в работе Н.Н. Николаевой, которая указывает на 5 факторов, влияющих на выбор той или иной конструкции: 1. Семантический фактор. 2. Фонологический фактор. 3. Синтаксический фактор. 4. Факторы «экономии ресурсов». 5. Социолингвистические и прагматические факторы [7, с. 193-194].

Согласно М.В. Миловановой, конструкции с of используются, если объект посессивности известен, а посессор является новой информацией [6, с. 97].

С точки зрения В.Л. Малаховой, способность образовывать форму родительного падежа приписывалась существительным, обозначающим одушевленные предметы, в то время как существительные, обозначающие неодушевленные предметы, считались зависимым компонентом в составе конструкций с предлогом of [4, с. 6-7].

Е.А. Попова выделяет следующие факторы, влияющие на выбор N's+N₂ или N₁+of+N₂: сдвиг в семантике слова, место слова в информационной структуре предложения. Выбор между конструкциями N's и of+N определяется контекстом, в котором оно встречается [8, с. 101].

Материалом исследования послужили генетивные конструкций в периодической печати *The Independent*, *The guardian*, *The Telegraph* (за 2018\2019 годы). Мы рассмотрели генетивные конструкции с падежной флексией 's и с предлогом of. Конструкцию с формантом 's представляем схемой: N₁'s+N₂. На основании классификаций В.Л. Малаховой, А.Б. Костромина, О.Г. Горбатенко в работе проведен функциональный анализ примеров из указанных газет.

Генетивная конструкция N's+N₂ выражает ряд семантических вариантов:

1. местоположение объектов:

*The New Bethel Baptist church in **the city's North End neighborhood** was buzzing with fans, ...* (The Guardian, 2018, 17 August). *Баптистская церковь Новый Вестфил в районе Норт-Энда города гудела от поклонников, ...* Перевод наш. – Ш.Р.)

2. предмет принадлежит лицу:

***David Nadlinger's photo** of strontium, captured in Oxford University laboratory...* (The Independent, 2018, 12 February). (**Фото Дэвида Надлингера** стронция, сделанное в лаборатории Оксфордского университета... Перевод наш. – Ш.Р.) **3. принадлежность по признаку родственных или дружеских отношений:**

*Earlier that day, he had asked his brother, 35-year-old Claudia Stelica, who is **Maria's father**, to show the car to the prospective buyer...* (The Independent, 2019, 7 January). *Ранее в тот же день он попросил своего брата, 35-летнего Клаудия Стелика, **отца Марии**, показать автомобиль потенциальному покупателю...* Перевод наш. – Ш.Р.)

4. временная длительность:

*The forecasts given on TV and online for **yesterday's weather** clearly stated extreme weather ...* (The Telegraph, 2019, 13 March). *Прогнозы, данные по телевидению и в интернете для **вчерашней погоды**, четко указывали на экстремальную погоду ...* Перевод наш. – Ш.Р.)

5. принадлежность по признаку авторства:

*... **Ed Sheeran's Shape of You**, have been deemed pornographic ...* (The Guardian, 2019, 27 February). *... «**Shape Of You**» Эда Ширана, были признаны порнографическими ...* Перевод наш. – Ш.Р.)

6. принадлежность по признаку зависимости от занимаемой должности:

***China's foreign ministry** said a shutdown on the tests would help ease tensions ....* (The Telegraph, 2018, 21 April). (**Министерство иностранных дел Китая** заявило, что прекращение испытаний поможет ослабить напряженность... Перевод наш. – Ш.Р.)

7. происшедшее с лицом событие:

Following Lagerfeld's death in February, Viard was named as the designer's successor at Chanel (The Independent, 2019, 2 July). (*После смерти Лагерфельда в феврале Виард был назван преемником дизайнера в Шанель*. Перевод наш. – Ш.Р.)

8. предмет принадлежит животному или является его частью, качеством:

Other photos which impressed the judges included an extreme close-up of a butterfly's wing captured by Bernice Akpinar from Imperial College London ... (The Independent, 2018, 12 February) (*Среди других фото, которые впечатлили судей, было фото крыла бабочки крупным планом, сделанное Бернике Акпинар из Имперского колледжа Лондона ...* Перевод наш. – Ш.Р.)

9. предмет принадлежит неживому парасубъекту:

Britain's gardens are going in to bloom earlier this year; ... (The Telegraph, 2019, 18 February). (*Британский сад собирается цвести в начале этого года, ...* Перевод наш. – Ш.Р.)

10. действие выполнено неживым парасубъектом:

The launch is a «key step», but the satellite's mission must still overcome challenges ... (The Independent, 2018, 21 May). (*Запуск является «ключевым шагом», но миссия спутника должна по-прежнему преодолевать проблемы...* Перевод наш. – Ш.Р.)

11. действие выполнено лицом:

A hospital doctor working on the ward, who was present at Johnson's visit, ... (The Guardian, 2019, 21 September). (*Доктор работающий в палате присутствовал во время визита Джона, ...* Перевод наш. – Ш.Р.)

12. принадлежность части целому:

1. *A Metropolitan police statement also confirmed the news, and that O'Riordan's body was found at a Park Lane hotel.* (The Guardian, 2018, 15 January). (*Городская полиция подтвердила новость, о том что тело О'Риордана было найдено в отеле Парк-Лейн*. Перевод наш – Ш.Р.)

13. источник происхождения:

It seems not to have stopped raining since last month's Butterflywatch but it has been quite warm and in the gaps between the deluges I've

*seen plenty of **Britain's largest butterfly**, the swallowtail, in its Norfolk heartland* (The Guardian, 2019, 28 June)

*Кажется дождь не прекратился с прошлого месяца после появления бабочек, но было вполне тепло в промежутках между ливнями, и мне довелось увидеть большое количество **Британских бабочек**, в том числе махаона в самом графстве Норфолк.* Перевод наш – Ш.Р.)

14. учебные заведения:

*A grant that covered the family's deposit and first month's rent allowed the family to move into an affordable home, close to **the children's schools**.* (The Guardian, 2018, 26 June). Грант покрыл залог семьи и арендную плату за первый месяц, позволил семье получить доступное жилье, чтобы быть ближе к **детской школе**. Перевод наш – Ш.Р.)

15. учреждения и работающий там коллектив:

The country's space agency launched a relay satellite .... (The Independent, 2018, 21 May). (**Космическое агентство страны** запустило спутник ... Перевод наш. – Ш.Р.)

16. географические названия:

*About 4,000 residents fled **Guatemala's Volcano of Fire** Monday ....* (The Independent, 2018, 19 November) (**Около 4000 жителей покинули гватемальский вулкан огня** в понедельник, ... Перевод наш. – Ш.Р.)

17. принадлежность физических и внутренних качеств, состояния, манер человеку:

*Simply start taking levodopa, the most common medication for treating **Parkinson's disease*** (The Guardian, 2018, 3 May). Просто начните принимать леводопа, самый распространенный препарат для лечения **болезни Паркинсона**. Перевод наш. – Ш.Р.)

18. предмет создан неживым парасубъектом:

Strava's statistics show that club members are 46pc more active than non-members. (The Telegraph, 2018, 12 January) (**Статистика Стравы** показывает, что члены клуба на 46% активнее, чем не члены. Перевод наш. – Ш.Р.)

19. предмет произведен животным:

Even supermarkets such as Waitrose have seen a rise in demand – in the past year it reported a 28% increase in searches for non-homogenised milk on its site and a 3% increase in sales of its Duchy Organic cow's milk range, none of which is homogenised (The Guardian, 2019, 21 September). (Даже супермаркетах в таких как, Уейтроуз, по сводкам компании наблюдается спрос на 28% негомогенизированное молоко на сайте, так же наблюдается рост продаж органического коровьего молока Дафтчи на 3%. Перевод наш. – Ш.Р.)

20. собственные имена людей:

Parks' figurine comes with a hat, glasses, shoes... (The Independent, 2019, 28 August). (*Статуэтка Parks* поставляется со шляпой, очками, обувью, сумкой сцепления, пальто и перчатками. Перевод наш. – Ш.Р.)

21. театры, кинотеатры, клубы:

Standing in front of a crowd that day at Detroit's Music Hall Center for the Performing Arts just across the street, Franklin spoke about performing at local venues early in her career, ... (The Guardian, 2018, 17 August). *Стоя перед зрителями в Детройтском мюзик-холле Центре* театрального искусства, Франклин рассказывала о выступлениях на местных площадках в начале своей карьеры, ... Перевод наш. – Ш.Р.)

22. различные властные структуры и организации:

.... Germany's Social Democrats voted to back a new grand coalition ... (The Telegraph, 2018, 5 March) ... *социал-демократы Германии проголосовали за поддержку новой большой коалиции ...* Перевод наш. – Ш.Р.)

В английском языке параллельно со словосочетанием 's употребляется предлог *of*. К.Д. Хайдарова полагает, что отношения, которые в русском языке передаются существительным в родительном падеже, выражающем принадлежность, часть целого и т. п., в английском языке передаются чаще всего посредством предлога *of* в сочетании с существительным, которое выступает правым определением [9, с. 69].

1. принадлежность в широком смысле:

Christopher Chandler, founder of Legatum, which backs leaving the single market and the customs union, has become a citizen of the Mediterranean island. (The Independent, 2018, 30 January). *Кристофер Чандлер, основатель компании Legatum, которая выступает за выход из единого рынка и Таможенного союза, стал гражданином средиземноморского острова.* Перевод наш. – Ш.П.)

2. уточнение:

Another man in the central town of Chengannur posted a video ... (The Guardian, 2018, 18 August). *Другой мужчина в центральном городе Ченганнур опубликовал видео ...* Перевод наш. – Ш.П.)

3. характеристика названия действия по его субъекту:

1. *Two men aged 62 and 66 were arrested on suspicion of murder* (The Independent, 2019, 30 June). *Двое мужчин в возрасте 62 и 66 лет были арестованы по подозрению в убийстве.* Перевод наш. – Ш.П.)

4. количество или мера:

Videos shared online showed plumes of clouds ... (The Independent, 2018, 17 September). *Видео, опубликованные в интернете, показали шлейфы облаков, ...* Перевод наш – Ш.П.)

5. часть целого:

.... *Single Atom In An Ion Trap, was captured through the window of a vacuum chamber in an Oxford University laboratory, ...* (The Independent, 2018, 12 February). *(... одинокий атом в ионной ловушке, был снят через окно вакуумной камеры в лаборатории Оксфордского университета, ...* Перевод наш – Ш.П.)

6. время:

1. *But few will manage to see their grand plans through to the end of the month, ...* (The Telegraph, 2018, 2 January). *Но мало кому удастся довести свои грандиозные планы до конца месяца, ...* Перевод наш – Ш.П.)

7. местоположения:

1. *Water came to the middle of the second floor* (The Telegraph, 2018, 8 July). *Вода дошла до середины второго этажа.* Перевод наш – Ш.П.)

8. состав:

1. *The four men were charged after taking part in a four-day direct action protest that blocked a **convoy of trucks** carrying drilling equipment from entering the Preston New Road fracking site near Blackpool* (The Guardian, 2018, 26 September). (Четырем мужчинам было предъявлено обвинение в ходе четырех дневной акции протеста, которая заблокировала въезд **колонну грузовиков** с буровой установкой на Пристон Нью Роуд от места происшествия около Блэкуил Перевод наш – Ш.Р.)

9. пространственная характеристика:

*The wind gusts will approach 40-50 mph across **western parts of Scotland, Wales, western England and Northern Ireland**, ...* (The Independent, 2018, 12 October). (Порывы ветра будут приближаться к 40-50 миль в час через **западные части Шотландии, Уэльса, западной Англии и Северной Ирландии** ... Перевод наш – Ш.Р.)

10. значение качества субъекта:

1. *Police have not revealed how the two eldest boys died nor given any indication about **the nature of the incident**, ...* (The Telegraph, 2019, 25 May) (Полиция не раскрыла, как погибли два старших мальчика, и не дала никаких указаний о **характере инцидента**, ... Перевод наш – Ш.Р.)

11. организации, учреждения и другие общности людей:

1. *Rescue workers and **members of India's armed forces** have been deployed across the state with fleets of ships ...* (The guardian, 2018, 18 August) (Спасатели и **члены вооруженных сил Индии** были развернуты по всему штату с флотилиями кораблей ... Перевод наш – Ш.Р.)

12. причинное значение:

*Clashes between Tunisian protesters and security forces spread from an impoverished western city overnight, authorities said Wednesday, as anger grew over **the death of a journalist** who set himself on fire over economic conditions.* (The Guardian, 2018, 26 December). (Как заявили власти в среду, вспыхнули столкновения между Тунисскими протестантами и силами безопасности, причиной гнева послужило **смерть журналиста**, который поджег себя из-за экономических условий. Перевод наш. – Ш.Р.)

13. значение характеристики внутреннего содержания предмета:

*They show that our researchers want to tell the world about **the beauty of science and engineering*** (The Independent, 2018, 12 February). *Они показывают нашим исследователям, что хотят рассказать всему миру **красоту науки и инженерии***. Перевод наш. – Ш.Р.)

14. обозначение фазы процесса: *Turkey's financial crisis has been brewing since **the start of the year** ...* (The Telegraph, 2018, 14 August). *Финансовый кризис в Турции назревал с **начала года**, ...* Перевод наш. – Ш.Р.)

15. содержимое какого-либо вместилища:

*But what kind of a monster, handed a perfectly tasty **plate of pasta**, with a bit of chilli and some bouncy, tasty olives, could hate it? It's just so tasty!* (The Guardian, 2019, 18 September). *(Что это за люди, которые дали мне **тарелку с пастой** с кусочком перца чили и упругими оливками? Это так вкусно!* Перевод наш. – Ш.Р.)

16. источник, происхождение:

The families of patients have fought for 20 years for answers (The Guardian, 2018, 27 June). *(**Семьи пациентов** пытались найти ответы на свои вопросы течение 20 лет.* Перевод наш. – Ш.Р.)

17. устойчивое выражение, титулы:

*The Prince of Wales and **Duchess of Cornwall** also attended, ...* (The Telegraph, 2019, 25 August). *(Присутствовали также **Принц Уэльский** и герцогиня Корнуоллская, ...* Перевод наш. – Ш.Р.)

18. указание на точное время событий:

*The most impressive rates tend to occur in **the week of 9-16 August*** (The Telegraph, 2018, 31 July). *(Наиболее впечатляющие показатели, как правило, происходят в неделю с **9 по 16 августа**.* Перевод наш. – Ш.Р.)

19. размер:

*Scientists believe it was a meteoroid roughly **the size of a beachball** ...* (The Independent, 2019, 18 February). *(Ученые считают, что это был метеороид **размером примерно с пляжный мяч** ...* Перевод наш. – Ш.Р.)

(The Independent, 2019, 26 July)

20. описание процесса или изменения:

1. *There's also going to be a renaissance of Nineties American classics ...* (The Independent, 2018, 3 February). (*Здесь также будет возрождение американской классики ...* Перевод наш. – Ш.Р.)

21. вкус, запах

The sweetness of these wines acts as a base much like the syrup in the cocktails .... (The Independent, 2018, 12 February). (*Сладость этих вин действует как основа подобно сиропу в коктейле, ...* Перевод наш. – Ш.Р.)

22. Небесное тело:

Mid-July it sits south of the w-shaped constellation of Cassiopeia (The Telegraph, 2018, 31 July). (*В середине июля он находится к югу от w-образного созвездия Кассиопеи.* Перевод наш. – Ш.Р.)

Таким образом, притяжательный падеж в английском языке выражает ряд лексико-семантических вариантов. Результаты проведенного нами анализа позволяют сделать выводы, что для модели N_s+N_2 обнаружено 340 генетивных конструкций. Из них самыми частотными в употреблении в средствах массовой информации являются такие значения, как: принадлежность предмета неживому парасубъекту (65), принадлежность предмета лицу (50), принадлежность по признаку зависимости от занимаемой должности: (36). Их количество составляет 151. Самое большое количество 524 генетивных конструкций нашли в модели N_1+of+N_2 . Самыми частотными в употреблении модели N_1+of+N_2 следующие значения: принадлежность в широком смысле (108), уточнение (53), характеристика название действия по его субъекту (43). Это модель набрала 204 примера. Анализ генетивных конструкций позволяет сделать следующие выводы:

N_s+N_2		N_1+of+N_2	
принадлежность предмета неживому парасубъекту	44%	принадлежность в широком смысле	GENETIVE CONSTRUCTIONS IN ENGLISH
принадлежность предмета лицу	33%	Уточнение	Sharafutdinova R.T.
принадлежность по признаку зависимости от занимаемой должности	23%	характеристика название действия по его субъекту	21%

Анализ результатов, представленный в таблице, показал, что в процентном соотношении модели N_s+N_2 и N_1+of+N_2 чаще употребляется модель N_1+of+N_2 в значении: принадлежность в широком смысле (53%). Второе место занимает модель N_s+N_2 в значении: принадлежность предмета неживому парасубъекту (44%). Третье место занимает модель N_s+N_2 в значении: принадлежность по признаку зависимости от занимаемой должности (33%). Меньшее количество получили следующие значения: уточнение, принадлежность по признаку зависимости от занимаемой должности, характеристика название действия по его субъекту. В итоге рассмотрения данного вопроса можно сказать, что генетивная конструкция выражает принадлежность. Самая большая частотность употребления принадлежит моделям в значении: принадлежность в широком смысле, принадлежность предмета неживому парасубъекту, принадлежность предмета к лицу.

Список литература

1. Ежкова Р.В. К проблеме падежа существительных в современном английском языке Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Ленинград, 1962. 22 с.
2. Кобрина Н.А., Корнеева Е.А., Оссовская М.И., Гузеева К.А. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис. СПб.: СОЮЗ, 1999. 496 с.
3. Костромин А.Б., Горбатенко О.Г. Притяжательный падеж и категория субъектности английских существительных // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 1. С. 47-52.
4. Малахова В.Л. Способы выражения отношения possessивности в современном английском мире // Альманах современной науки и образования. 2008. № 2. С. 146-147.
5. Матвеева Н.Н. Сопоставительный анализ атрибутивных словосочетаний с 's и предлогом «of» в современном английском языке: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1965. 21 с.

6. Милованова М.В. Понятие посессивности: проблемы определения и структуры // Вестник ВолГУ. 2007. № 6. С. 95-101.
7. Николаева Н.Н. Вариативность генитива в современном английском языке (на примере электронных корпусов) // Вестник ИГЛУ. 2012. № 2 (17). С. 192-198.
8. Попова Е.А. Родительный падеж и конструкция с предлогом «of»: современные тенденции использования в английском языке // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. № 15. С. 101-110.
9. Хайдарова К.Д. Падежи в английском языке // Международный научный журнал. 2016. № 6-1(18). С. 68-69.
10. Шарафутдинова Р.Т. Взаимосвязь арабской идафы и изафетных/неизафетных конструкций в татарском и английском языках // Арабистика Евразии. 2018. №4. С. 26-39.

References

1. Ezhkova R.V. *K probleme padezha sushestvitelnyh v sovremennom anglijskom yazyke* [On the problem of the case of nouns in Modern English]: Abstract of PhD dissertation. Leningrad, 1962, 22 p.
2. Kobrina N.A., Korneeva E.A., Ossovskaya M.I., Guzeeva K.A. *Grammatika anglijskogo yazyka: Morfologiya. Sintaksis* [English grammar: Morphology. Syntax] St. Petersburg.: SOYUZ, 1999, 496 p.
3. Kostromin A.B., Gorbatenko O.G. Prityazhatelnyj padezh i kategoriya subektnosti anglijskix sushestvitelnyx [Possessive form of nouns and English subjective nouns]. *Vestnik RUDN, seriya Russkij i inostrannye yazyki i metodika ix prepodavaniya* [RUDN Bulletin], 2015, no. 1, pp. 47-52.
4. Malaxova V.L. Sposoby vyrazheniya otnosheniya possessivnosti v sovremennom anglijskom mire [Ways of expressing the attitude of possessiveness in the modern English world]. *Almanax sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 2008, no. 2, pp. 146-147.
5. Matveeva N.N. *Sopostavitelnyj analiz atributivnyx slovosochetanj s 's i predlogom «of» v sovremennom anglijskom yazyke* [Comparative analysis of attributive phrases with 's and the preposition "of" in modern English]: Abstract of PhD dissertation. Leningrad, 1965, 21 p.

6. Milovanova M.V. Ponyatie possessivnosti: problemy opredeleniya i struktury [The concept of possessiveness: problems of definition and structure]. *Vestnik VolGU* [Volzhsky University Bulletin], 2007, no. 6, pp. 95-101.
7. Nikolaeva N.N. Variativnost genitiva v sovremennom anglijskom yazyke (na primere elektronnyx korpusov) [Variability of genitive in modern English (corpus-based study)]. *Vestnik IGLU* [IGLU Bulletin], 2012, no. 2 (17), pp. 192-198.
8. Popova E.A. Roditelnyj padezh i konstrukciya s predlogom «of»: sovremennye tendencii ispolzovaniya v anglijskom yazyke [The genitive case and «of» structure: modern tendencies of their use in English]. *Vestnik MGLU. Gumanitarny'e nauki* [MGLU Bulletin], 2018, no.15, pp. 101-110.
9. Khajdarova K.D. Padezhi v anglijskom yazyke [Cases in English]. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal* [International scientific magazine], 2016, no. 6-1(18), pp. 68-69.
10. Sharafutdinova R.T. Vzaimosvyaz arabskoj idafy i izafetnyx/neizafetnyx konstrukcij v tatarskom i anglijskom yazykax [Interrelation of Arabic idafa and izafet/nonizafet construction in Tatar and English]. *Arabistika Evrazii* [Eurasia Arabistics], 2018, no. 4, pp. 26-39.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шарафутдинова Рузиля Талгатовна, соискатель

ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) Федеральный университет

ул. Кремлевская, 18, г. Казань, 420008, Российская Федерация

ruzilya-1971@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sharafutdinova Ruzilya T., applicant

Kazan Federal University

18, Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation

ruzilya-1971@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-277-289

УДК 8; 81-2

ОБНОВЛЕННЫЙ ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Юрова Т.А.

Цель. Данное исследование посвящено выявлению и анализу ранее заимствованных слов, но на сегодняшний момент рассматриваемых в качестве лексических инноваций, которые в процессе исторического развития общества получили расширенное значение наряду с изменением их оценочной окраски.

Метод и методология исследования. Методами исследования послужили метод частичной выборки, сопоставительный и описательный анализ.

Результаты. Анализ текстов масс-медийного дискурса способствовал выявлению заимствованных слов, которые в процессе исторического развития общества расширили значения наряду с изменением старой оценочной окраски. Данный процесс происходит под воздействием необходимости номинации вновь появившихся явлений и жизненных обстоятельств, существующих в этническом сообществе сегодня.

Область применения результатов. Практическая значимость данного исследования заключается в вероятности использования теоретических и практических выводов в лекционных курсах по лексикологии английского языка и спецкурсах по лингвистической аксиологии и дискурсу современных СМИ.

Ключевые слова: аксиологическая ценность; оценочная окраска; расширенное значение; заимствования; неологизмы; актуализированная лексика; историческое развитие; лингвистическая аксиология

UPDATED VALUE POTENTIAL OF THE MODERN LEXICAL UNNOVATIONS

Yurova T.A.

Purpose. This study is devoted to the identification and analysis of previously borrowed words, but at the moment they are considered as

lexical innovations, which have received expanded meaning alongside with a change in an evaluative coloration in the process of the historical development of society.

Research method and methodology. *The research methods were as follows: partial sampling, comparative and descriptive analysis.*

Results. *The analysis of the texts of the mass media discourse has contributed to the identification of the borrowed words which have expanded their meanings alongside with a change in the old evaluative coloration in the process of the historical development of society. This process takes place under the influence of the need to nominate newly emerging phenomena and life circumstances existing in the ethnic community today.*

Practical implications. *The practical significance of this study lies in the likelihood of using theoretical and practical conclusions in lecture courses on the English language lexicology and special courses on linguistic axiology and discourse of the modern mass media.*

Keywords: *axiological value, evaluative coloring; extended meaning; borrowings; neologisms; updated vocabulary; historical development; linguistic axiology*

Актуальность исследования определяется большой заинтересованностью современных лингвистов в выявлении ключевых изменений, происходящих в расстановке ценностных приоритетов русского этноса в языковом и культурном контексте. Неопровержимым является факт существования обновленной совокупности языковых вкусов, ценностных намерений речевых личностей, выбирающих соответствующий инструментарий. Особое место в этой ситуации отводится лексическому уровню, лексическим средствам выражения оценки, к которым могут быть отнесены неологизмы с расширенным значением и с измененной аксиологической окраской. Научная новизна работы обусловлена тем, что в ней впервые анализируются лексические инновации, отобранные методом частичной выборки из электронных версий российских газет, которые в процессе исторического развития общества получили расширенное значение наряду с изменением оценочной окраски.

Целью статьи является анализ языковых единиц, трансформировавших ценностную направленность иногда до диаметрально противоположной. В соответствии с обозначенной целью решаются следующие задачи: изучить основные положения аксиологии как философского учения о природе ценностей; рассмотреть разные критерии ценностей и их структурную организацию; исследовать быстро формирующееся направление лингвистической аксиологии; выявить давно заимствованные слова с расширенным значением, раскрыть степень изменения их аксиологической окраски; сделать необходимые выводы.

В ходе наших дальнейших научных рассуждений приведем определение аксиологии в качестве динамично развивающегося вектора нынешнего научного знания в целом и лингвистической аксиологии в частности. Аксиология – философское учение о природе ценностей, о связи различных ценностей между собой, а также с социальными и культурными факторами и структурой личности [2, 491]. Понятие «аксиология» было введено французским философом П Лапи в 1902 г. Однако феномен ценностей привлекал внимание ученых еще в античные времена и был предметом дискуссий, связанных с вопросом о бытии. Постулат ценность был представлен Д. Лаэртским в его рассуждениях о взглядах последователей философии стоицизма [4]. Термин «ценность» был близок по значению постулатам «добро», «изящество», «истина», «благоденствие». Аксиология в виде отдельного подраздела философского опыта появилась тогда, когда категория «бытие» начала включать в себя кроме реальности и ценности, «человеческий» отчет. Только осознание парадигмы человеческого бытия дает возможность осознания сути бытия вообще [1, с. 183].

В общей сложности ценности – это свойства материальных объектов и явлений общественного сознания, которые характеризуют их значение для общества, класса и человека [15]. Понятие «ценность» создано человеком и возникло в результате его деятельности. Общеизвестно, что ценности преходящи, они могут пересматриваться, изменяться в течение времени, но именно на вечных ценностях поко-

ится мир, вечные ценности стимулируют совершение поступков, обуславливают сознание человека. Французский философ М. де Монтень, говоря о природе ценностей, подчеркивал их эгоистический характер и настаивал на том, что порой мы рассматриваем вещи не для того, чтобы оценить их, а затем, чтобы оценить их для себя [7].

Ценности могут быть классифицированы согласно разным критериям, например, по типу – на идеальные или духовные и материальные. Духовные ценности более долговечны, не ослабевают и не изнашиваются, сопряжены с морально-психическим, образным и чувственным отображением действительных реалий. Материальные ценности соотносимы с прикладной деятельностью, обладают предметной формой, сопрячены с исторической и общественной действительностью.

По структурной организации ценности могут быть подразделены на ядерные, внутренние и периферийные. В зависимости от характера ценности могут быть позитивными или негативными, по сути ценности делятся на религиозные, социально-экономические, политические. Согласно классификации американских социальных антропологов, ценности могут расщепляться по степени охвата и приверженности на доминантные, нейтрально-вариантные и вариантные с негативным подтекстом. Доминантные ценности поддерживаются большей частью авторитетными элитными кругами, приверженцев этих ценностей ждет чрезмерное превознесение и поощрение. Склонность к нейтрально-вариантным ценностям может быть воспринята нейтрально, но она не особо приветствуется. Ценности с отклонением от нормы неприемлемы и наказуемы [17]. По широте понятия ценности подвергаются дроблению на классовые, национальные, личные, общечеловеческие, региональные. Такого рода ценности высвечивают универсальные особенности функционирования народа сообразно классовой, национальной, обще этнической, культурной обстановке. Бытуют ценности, которые предопределены исторической обстановкой, экономическим и социальным обиходом государства. Помимо вышперечисленных могут быть упомянуты профессиональные и этнодемографические ценности. Набор традиций, идеалов, наследия неоднороден, зависит от обще социального

обустройства общества, что может привести к наличию неоднозначных, двойственных ценностей. Перечисляя виды ценностей, о существовании следующих возможно также необходимо помнить, а именно: социальные, политические, экономические, духовные – по предмету содержания; по субъекту содержания –надличностные, т.е. национальные, классовые, появляющиеся по ходу формирования культуры и общества, индивидуальные, приобретенные по мере получения воспитания, образования, приобретения жизненного опыта; прагматические, определяющие цели существования (выполняя свою задачу подобная вещь, средство как ценность умирает); нравственные ценности, обладающие цельной направленностью, существование которых не требует наличие внешних доводов и причин, они определяют смысл существования [6].

Сегодняшний момент может быть отмечен появлением аксиологически (ценностно) направленной дисциплины – лингвистической аксиологии.

Лингвистическая аксиология – это в определенной мере новое и быстро формирующееся направление, объединяющее в себе научные и общеметодологические завоевания аксиологии в виде науки о ценностях, лингвистической тактики по осознанию ценностей и их языковой выраженности.

Важнейшим вопросом аксиологии оказывается вопрос разграничения и систематизации ценностей. Изучение разнообразных способов изложения ценностей указало, что пока не существует как единого списка разграничительных свойств, так и типологии ценностей по причине того, что феномен ценности лично и эпохально переменчив.

Изменение (вариабельность) оценки разных лексических единиц может быть рассмотрено в диахроническом аспекте (историческом развитии).

В лингвистической литературе сложно найти данные, связанные с типологизацией заимствований, обновивших ценностные характеристики, в связи с исторической обстановкой, экономическим и социальным обиходом государства. Первоначальное воспроизве-

дение (репродукция) в лексической системе русского языка аксиологической направленности заимствованных единиц, относящихся к другой культуре, иному мыслительному процессу, передающих ранее нехарактерные для этноса ценностные приоритеты отмечено лишь фактом их вхождения в русское смысловое пространство, но не более. Однако язык быстро впитывает современную информацию о мировой культуре в совокупности с ее ценностными ориентирами, и данная ситуация явно требует фиксации аксиологических изменений. Неустойчивость ценностных установок лексического пласта, обусловленная неконтролируемой лавиной заимствований, проникающих в русский язык, также может выступать в качестве еще одной проблемы. В сложившейся ситуации, на наш взгляд, необходимо вплотную заняться выявлением ранее заимствованных слов, но рассматриваемых на настоящий момент в качестве актуализированной лексики. К этой лексике могут быть отнесены слова, которые в процессе исторического развития общества получили расширенное значение [18] наряду с изменением оценочной окраски.

Исследования лексического пласта могут проходить на базе определенного емкого материала, который объединен единством семантики, принадлежащей к конкретной лексико-семантической категории. Такие анализы весомы и аргументированно доказывают, что тот или иной феномен превращается в тенденцию. Однако не меньшую важность представляют собой исследования, связанные с изучением отдельных слов с измененный (актуализированной) оценочной составляющей.

В статье на примере ряда давно заимствованной лексики мы хотим продемонстрировать, как в процессе исторического развития общества происходит увеличение количества значений слов наряду с изменением старой ценностной окраски. Данный процесс происходит под воздействием необходимости номинации вновь появившихся явлений и жизненных обстоятельств, существующих в этническом сообществе сегодня. Эта тенденция может быть прослежена на примере заимствований, отобранных методом частичной выборки из массмедийных текстов электронных версий российских газет. Можно утверждать, что массмедийные электронные тексты

[16] способствует появлению и дальнейшей фиксации лингвистами толкования слов с обновленным семантическим значением и новой ценностной направленностью.

Для описания мы выбрали заимствование *планктон*, которое имеет греческие корни. В словаре иностранных слов, опубликованном в 1949 г. [13], приведено единственное значение заимствования – совокупность растительных и живых организмов, существующих на протяжении всей жизни в воде и инертно передвигаемых течением воды. Сегодня в массмедийных текстах возможно встретить это заимствование, с помощью которого описывают достаточно широкую сферу офисных работников, находящихся на невысоком уровне карьерной лестницы. Слово начинает использоваться в значении «мелкий офисный служащий». Появилась возможность фиксации расширенного значения неологизма. Появление неологизма в газетных текстах в 2000-х гг. обусловлено бурным применением его корреспондентами и людьми, занимающимися политикой.

В Интернете, где даже старшеклассники шарят меньше новых служащих, впервые употреблено понятие «офисный планктон» [10].

Двери кабинета открылись, и в приемную вывалились одуревшие от заседания московские гости – «наши кураторы» – как с испугом их окрестил местный партаппаратный планктон [12].

Необходимо подчеркнуть модифицированную ценностную ориентацию неологизма-заимствования. Так если 71 год назад можно было говорить о нейтрально-объективном оттенке значения, то в настоящее время актуализированное заимствование приобрело отрицательно-уничижительный окрас. Неологизм используется для описания группы работников, для которых безразлична профессия, они бездеятельны, не стремятся к получению высоких результатов.

Следующим словом, привлечшим наше внимание, было актуализированное заимствование *плинтус*. В русский язык слово пришло из греческого языка посредством латинского. Первоначальное значение заимствования было – узкий деревянный бросок вдоль внутренних стен здания, прикрывающий прореху между полом и стеной. Характер заимствования имел нейтральную оценочную

природу. Однако в современном употреблении слова произошел сдвиг в оценке от нейтральной к отрицательной, о чем свидетельствуют нижеприведенные примеры.

Почему никто не встал плечом к плечу, когда год за годом планомерно загоняли под плинтус гуманитарную науку и гуманитарное образование [11].

Александр Осауленко: «Индустрия гостеприимства у нас не может быть на уровне плинтуса. Она будет расти и развиваться» [8].

В первом примере речь идет о ситуации, сложившейся в сфере образования. Употребляя актуализированное заимствование *плинтус* в его расширенном значении, автор статьи пытается выразить недовольство в связи с обстановкой, сложившейся в образовании, когда массово закрывались педагогические вузы, происходил переход от пятилетнего обучения к обучению в системе бакалавриата и магистратуре.

Во втором примере, посредством иностранного слова *плинтус* очерчивается уровень невозможности существования сферы услуг и сферы гостеприимства, в которых бы царили двойные стандарты, ведущие к потере качества. Из примеров видно, что заимствование, давно вошедшее в русский язык, изменило первичный оценочный колорит, из нейтрального он превратился в отрицательный.

Значение слова *инсайд*, пришедшее в русский язык из английского (англ. *inside* внутри), определялось как «игрок в футбольной или хоккейной команде» [13]. В ходе исторических преобразований и необходимости номинации вновь появившихся экономических явлений и жизненных обстоятельств в русском языке появился неологизм *инсайдер* со следующим смысловозначительным значением – «человек, работающий на бирже или в какой-либо компании, гипотетически владеющий секретной, недоступной для других информацией, способный оказать влияние на стоимость акций компании». К таким людям могут быть причислены должные работники высших эшелонов компании, члены советов директоров и члены их семей. Возможно в силу существования ряда фильмов, книг, повествующих о людях, пытающихся получить доступ к секретной информации посредством разных непристойных уловок (кража информации из компьютеров, скрытое

установление видеокамер и микрофонов), с целью дальнейшей ее продажи слово *инсайдер* получило не только расширение значения, но и приобрело отрицательную, пренебрежительную оценочную окраску.

По данным ежегодного исследования Perimetrix «Инсайдерские угрозы в России 2009», российские инсайдеры практически всегда остаются безнаказанными [14].

Пока Россия остается заповедником для инсайдеров и манипуляторов, можно продолжать мечтать о превращении Москвы в международный финансовый центр [5].

Анализируя заимствование *шоры*, мы можем говорить о расширении значения, и указать на обновление оценочного фона. Иностранное слова попало в русский язык в XVIII веке в эпоху Петра I. Изначально слово имело польские корни и через польское слово *scogu* попало в литовский и немецкий языки. Словари иностранных слов, опубликованные в XX в., приводили такие значения – конская упряжь без хомута и дуги; боковые конские наглазники. Анализ текстов медиадискурса предоставил возможность зафиксировать заимствования с обновленным градусом оценки от нейтральной к негативной.

Эти шоры не дают нам увидеть нечто более важное: ту динамику, из-за которой исламские (но и не только исламские. – Авт.) богословы по доброй воле оказались в сфере философии [3].

Но очень хочется, чтобы люди учились самостоятельно осмысливать новые реалии, а не смотрели на жизнь через устаревшие идеологические шоры [9].

Таким образом, исследование показало, что аксиология – это динамично развивающийся вектор нынешнего научного знания, краеугольным камнем которого является учение о природе ценностей. Ценности могут быть классифицированы по разным критериям и структурной организации.

Сегодняшний момент может быть отмечен появлением аксиологически (ценностно) направленной дисциплины – лингвистической аксиологии.

Лингвистическая аксиология – это в определенной мере новое и быстро формирующееся направление, объединяющее в себе научные и общеметодологические завоевания аксиологии в виде науки о цен-

ностях, лингвистической тактики по осознанию ценностей и их языковой выраженности. Суть лингвистической аксиологии заключается в изучении блока, связанного с языком, сознанием, культурой самого носителя языка. основополагающая составляющая этой научной сферы – это язык, формирующий, выражающий и передающий ценности этнической общности. На примере ряда давно заимствованной лексики было продемонстрировано, как в процессе исторического развития общества происходит расширение значений слов наряду с изменением старой ценностной окраски. В большинстве случаев отмечалось изменение аксиологической направленности от нейтральной к отрицательной, а порой и к отрицательно-уничижительной. Данный процесс происходит под воздействием необходимости номинации вновь появившихся явлений и жизненных обстоятельств, существующих в этническом сообществе сегодня.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1969–1978. Т. 4. 600 с.
2. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1969–1978. Т. 28. 616 с.
3. Вера и разум. URL: <http://www.culturedialogue.org/drupal/en/node/5579> (дата обращения 25.08.20).
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев; Перевод М.Л. Гаспарова. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. 571 с.
5. Логвинов М. Инсайдерам закон написан // Бюллетень недвижимости. 06.07.2010. URL: <https://www.bn.ru/gazeta/articles/65696/> (дата обращения 19.08.20).
6. Матвеев П.Е. Моральные ценности: монография. Владимир: ВГУ, 2004. 190 с.
7. Монтень М. де. Опыты. Избранные произведения в трех томах. Том 1. Пер. с фр. М.: Голос, 1992. 384 с.
8. Осауленко А.П. Высокие стандарты советских ресторанов вернутся // Федерал Пресс. 14.02.2020. URL: <https://front-test.fedpress.ru/expert-opinion/2432910> (дата обращения 29.11.20).

9. Панченко Н. Недоверие разрушает страну и душу // Российская газета. №3268. 05.08.2003. URL: <https://rg.ru/gazeta/2003/07/04.html> (дата обращения 25.08.20).
10. Парфенов Л. Менеджеры. Офисный планктон. URL: <https://namednibook.ru/menedzhery-ofisnyu-plankton.html> (дата обращения 17.08.20).
11. Привалов А. О местах, удобных для Фермопил // Эксперт. 01.12.2014. URL: <https://expert.ru/expert/2014/49/o-mestah-udobnyih-dlya-fermopil/> (дата обращения 17.08.20).
12. Складов В. Спасибо, насиделся // Информационно-аналитический портал Калининграда. 22.10.2020. URL: <https://kgd.ru/news/analytics/item/7395-spasibo-nasidelsya> (дата обращения 27.08.20).
13. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина и Ф.Н. Петрова. Изд-е 3-е, перераб. и доп. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. 808 с.
14. Ульянов В. Российские инсайдеры практически всегда остаются безнаказанными. URL: <https://www.cnews.ru/reviews/free/2008/articles/insiders.shtml> (дата обращения 19.08.20).
15. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя, П.Ф. Юдина. М.: Издательство политической литературы, 1963. 544 с.
16. Юрова Т.А. Лексические новообразования в СМИ // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 12. Ч. 1. Тамбов: Грамота. С. 202-205.
17. Юрова Т.А. Субстанционный анализ появления лексических инноваций // Университетские чтения – 2019. Материалы научно-методических чтений ПГУ. Пятигорск: ПГУ, 2019. С. 88-92.
18. Юрова Т.А. Лингвокультурная эволюция когнитивного сознания // *Казанская наука*. №1. 2020 г. Казань: Изд-во Рашин Сайн, 2020. С. 94-97.
19. Kluckhohn F., Strodtbeck F. Variations in value orientation. N.Y.: Harper Collins, 1961. 437 p.

References

1. *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija: v 30 t.* [Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes]. 3-e izd. Moscow: Sov. Encycl., 1969–1978, vol. 4, 600 p.

2. *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija: v 30 t.* [Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes]. 3-e izd. Moscow: Sov. Encycl., 1969–1978, vol. 28, 616 p.
3. Vera i razum [Faith and reason]. <http://www.culturedialogue.org/drupal/en/node/5579> (accessed August 25, 2020).
4. *Diogen Lajertskij O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenityh filosofov* [Diogenes Laertius. On the life, teachings and sayings of famous philosophers] Moscow: Mysl', 1986, 571 p.
5. Logvinov M. Insajderam zakon napisan [The law is written to insiders]. *Bjulleten' nedvizhimosti*. <https://www.bn.ru/gazeta/articles/65696/> (accessed August 19, 2020).
6. Matveev P.E. *Moral'nye cennosti: monografija* [Moral values: monograph]. Vladimir: VSU Publ., 2004, 190 p.
7. Montaigne M. de. *Opyty. Izbrannye proizvedenija v treh tomah* [Experiments. Selected works in three volumes]. Vol 1. Moscow: Golos, 1992. 384 p.
8. Osaulenko A.P: Vysokie standarty sovetskih restoranov vernutsja [The high standards of Soviet restaurants will return]. <https://hotel.report/career/aleksandr-osaulenko-industriya-gostepriimstva-u-nas-ne-mozhet-byt-na-urovne-plintusa> (accessed November 29, 2020).
9. Panchenko N. Nedoverie razrushaet stranu i dushu [Mistrust destroys both the country and the soul]. *Rossiyskaya gazeta*, no. 3268. 05.08.2003. <https://rg.ru/gazeta/2003/07/04.html> (accessed August 25, 2020).
10. Parfenov L. Menedzhery. Ofisnyj plankton [Managers. Office plankton]. <https://namednibook.ru/menedzhery-ofisnyj-plankton.html> (accessed August 17, 2020).
11. Privalov A. O mestah, udobnyh dlja Fermopil [About the places convenient for Thermopylae]. *Ekspert*. 01.12.2014. <https://expert.ru/expert/2014/49/o-mestah-udobnyih-dlya-fermopil/> (accessed August 17, 2020).
12. Sklyarov V. Spasibo, nasidelsja [Thank you, I've sat too long]. *Informacionno-analiticheskij portal Kaliningrada*. 22.10.2020. <https://kgd.ru/news/analytics/item/7395-spasibo-nasidelsya> (accessed August 27, 2020).

13. *Slovar' inostrannyh slov* [Dictionary of foreign words] Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1949. 808 p.
14. Uljanov V. Rossijskie insajdery prakticheski vseгда ostajutsja beznakazanymi [Russian insiders almost always go unpunished]. <https://www.cnews.ru/reviews/free/2008/articles/insiders.shtml> (accessed August 17, 2020).
15. *Filosofskij slovar'* [Dictionary of Philosophy]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1963, 544 p.
16. Yurova T.A. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2018, no. 12, part 1. Tambov: Gramota, pp. 202-205.
17. Yurova T.A. *Kazanskaja nauka* [Kazan science], 2020, no. 1. Kazan': Rashin Sajn Publ., 2020, pp. 94-97.
18. Yurova T.A. *Universitetskie chtenija-2019. Materialy nauchno-metodicheskikh chtenij PGU* [University reading-2019. Materials of scientific and methodical readings of PSU]. Pyatigorsk: PGU, 2019, pp. 88-92.
19. Kluckhohn. F., Strodtbeck F. Variations in value orientation. N.Y.: Harper Collins, 1961, 437 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Юрова Татьяна Александровна, доцент кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции, кандидат филологических наук
*Пятигорский государственный университет
просп. Калинина, 9, г. Пятигорск 357532, Ставропольский край, Российская Федерация
Tatyana-Yurova@rambler.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yurova Tatyana A., Associate Professor, Department of Experimental Linguistics and Intercultural Competence, Ph. D. in Philology
*Pyatigorsk State University
9, Kalinin Ave., Pyatigorsk, Stavropol region, 357532, Russian Federation
Tatyana-Yurova@rambler.ru*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

- 1. Введение.**
- 2. Цель работы.**
- 3. Материалы и методы исследования.**
- 4. Результаты исследования и их обсуждение.**
- 5. Заключение.**
- 6. Информация о конфликте интересов.**
- 7. Информация о спонсорстве.**
- 8. Благодарности.**

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ В УСЛОВИЯХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИУМА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ПРОЦЕССА В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Беспалова Н.А., Сибирцев А.В., Яковлева Т.С. 14

ИСКУССТВО АВРААМИЧЕСКИХ РЕЛИГИЙ И ЕГО РОЛЬ
В РЕЛИГИОЗНЫХ ПРОЦЕССАХ

Кузнецова В.С. 31

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОРИЕНТАЛИСТСКИЕ НАРРАТИВЫ В АМЕРИКАНСКОЙ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ В РОМАНАХ ЦИКЛА «ДЮНА»

Кирчанов М.В. 52

РОЛЬ ЛИЧНОГО ПОДСОБНОГО ХОЗЯЙСТВА
В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КОЛХОЗНИКОВ САРАТОВСКОГО
ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х

Котельников В.А. 93

АРКТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Попов И.Д., Подоплёкин А.О. 108

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

КОННОТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО РЕЧЕВОГО
УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗООНИМОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«ЗАЙЦЕОБРАЗНЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ»)

Болгова Е.В. 130

ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД В АСПЕКТЕ ВЫМЫШЛЕННЫХ ЯЗЫКОВ Карпухина В.Н., Николаева О.Е.	168
ЯЗЫКОВОЙ ПУРИЗМ КАК ФОРМА ЭТНИЧЕСКОГО АНГЛИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА Кирчанов М.В.	178
АББРЕВИАЦИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ ПО ЭНЕРГЕТИКЕ И ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) Синенко Т.Н.	196
НЕМЦЫ О НЕМЦАХ: СТЕРЕОТИП ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ И РЕЗУЛЬТАТОВ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА) Хлопова А.И., Северина Е.А.	208
В.П. БУРЕНИН И ЕГО ЧИТАТЕЛЬ Шабалина Н.Н., Шабалина И.Г., Шайхисламова А.Г.	229
РОЛЬ ОТЦОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОЙ ПРОЗЫ) Шарапова Е.А., Божкова Г.Н., Быков А.В., Галлямова Н.В.	246
ГЕНЕТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ Шарафутдинова Р.Т.	263
ОБНОВЛЕННЫЙ ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ Юрова Т.А.	277
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	290

CONTENTS

PHILOSOPHICAL STUDIES

- SOCIAL SYSTEM MANAGEMENT IN THE CONTEXT
OF INTERACTION BETWEEN SOCIETY AND THE EDUCATIONAL
PROCESS IN A TECHNICAL UNIVERSITY
Bespalova N.A., Sibirtsev A.V., Yakovleva T.S. 14
- RELIGIOUS ART OF ABRAHAMIC RELIGIONS AND ITS ROLE
IN RELIGIOUS PROCESSES
Kuznetsova V.S. 31

HISTORY STUDIES

- ORIENTALIST NARRATIVES IN AMERICAN SCI-FI PROSE
IN THE DUNE NOVELS
Kyrchanoff M.W. 52
- THE ROLE OF PERSONAL SUBSIDIARY PLOTS
IN THE DAILY LIFE OF COLLECTIVE FARMERS IN THE SARATOV
VOLGA REGION IN THE FIRST HALF OF THE 1930S
Kotelnikov V.A. 93
- ARCTIC AGENDA IN THE INTERNAL POLITICAL DISCOURSE
OF CONTEMPORARY GERMANY
Popov I.D., Podoplekin A.O. 108

LANGUAGE STUDIES

- CONNOTATIVE POTENTIAL OF THE VOCABULARY
OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE (ON THE MATERIAL
OF MODERN SPEECH USE OF ZOONYMS OF THE THEMATIC
GROUP “HARE-LIKE MAMMALS”)
Bolgova E.V. 130

INTERSEMIOTIC TRANSLATION IN THE ASPECT OF FICTIONAL LANGUAGES Karpukhina V.N., Nikolaeva O.E.	168
LANGUAGE PURISM AS A FORM OF ETHNIC ENGLISH NATIONALISM Kyrchanoff M.W.	178
ABBREVIATED ENERGY AND ENVIRONMENTAL PROTECTION TERMINOLOGY (AS BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE) Sinenko T.N.	196
GERMAN CULTURE: STEREOTYPE OR REALITY (BASED ON MODERN GERMAN JOURNALISTIC DISCOURSE AND RESULTS OF THE FREE ASSOCIATIVE EXPERIMENT) Khlopova A.I., Severina E.A.	208
V.P. BURENIN AND HIS READER Shabalina N.N., Shabalina I.G., Shaikhislamova A.G.	229
ROLE OF FATHERS IN THE FORMATION OF THE GROWING GENERATION (ON THE MATERIAL OF THE MODERN PROSE FOR CHILDREN AND YOUNG PEOPLE) Sharapova E.A., Bozhkova G.N., Bykov A.V.	246
GENETIVE CONSTRUCTIONS IN ENGLISH Sharafutdinova R.T.	263
UPDATED VALUE POTENTIAL OF THE MODERN LEXICAL UNNOVATIONS Yurova T.A.	277
RULES FOR AUTHORS	290

Подписано в печать 31.03.2021. Дата выхода в свет 31.03.2021. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 21,37. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP131/021. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.